

МАША САУЛКО

ПОЧТИ УПРАВЛЯЯ ТЕЛОМ

Благоразумие от сумасшествия отделяет тонкая грань. И пересечь её можно легко и незаметно — но только в одну сторону. Кира преподавала философию в университете, писала картины и старалась с детства быть хорошей для всех. В какой-то момент она перестала быть хорошей для себя.

Маша Саулко

Почти управляя телом

Глава 1. Серафим

Он курил, глядя на закипающий чайник. Судя по ощущениям, тот закипал уже целую вечность. Но до финальной точки так и не добрался. Сераф знал, что упрямая тварь начнёт свистеть как полоумная, едва он отвернётся.

Постепенно связь с реальностью терялась, мир сужался до размеров чайника.

Сераф любил такие игры со своим сознанием и время от времени фиксировался на мелких деталях, вгоняя себя в транс. В эти моменты он принадлежал только себе и был свободен.

Впрочем, сейчас прогрузится достаточно глубоко не получилось — его вывел из оцепенения металлический звук. Челюсти крепче сжались. Взгляд сместился чуть в сторону, но больше никаких эмоций не его лице не появилось.

Женщина на матрасе у окна проснулась. В миг пробуждения она не поняла, где находится и дёрнулась слишком сильно. Рука, прикованная наручниками к батарее, напряглась и задрожала от боли: наручники натёрли запястье до крови. Женщина беззвучно зашипела и вскинула нечёсаную голову.

Её ледяные серые глаза смотрели в его тлеющие карие. Секунду на её лице можно было прочесть смесь страха, ненависти и отвращения. Ей потребовалось совсем мало времени, чтобы надеть такую же маску непроницаемости, как у него.

Чайник надрывался. Похоже, что уже какое-то время.

Сераф не спеша поднялся и выключил газ.

— Надо в уборную? — его голос сел от долгого молчания и вчерашнего похмелья.

Она молча кивнула.

Он достал из кармана ключ и предостерегающе посмотрел на неё. Она кивнула его невысказанной мысли.

— Ты воняешь, — заметил он, отстёгивая её. — Помойся. Дверь в ванну оставь открытой.

— Сераф, это зашло слишком далеко, — начала она, но он не дал ей договорить, схватил её за плечи и притянул в себе.

— Если ты не заткнёшься, то ещё неделю не увидишь душа. Мы тут оказались из-за тебя. Поэтому просто завали. И, ради бога, приведи уже себя в порядок.

Она замолчала. Он толкнул её в ванну.

Он готовил завтрак, прислушиваясь к ровному журчанию воды в ванной. Чай, варёные яйца, сыр, колбаса и сигареты. Десять минут спустя всё было готово, и он без стука вошёл в ванную. Она стояла под душем, на голове пышная пена. Он выхватил лейку душа у неё из рук, неаккуратно смыл шампунь тремя движениями и выключил воду.

— Я ещё не...

— Время вышло, — он швырнул ей полотенце. — Выходи.

— Но я же...

Он влепил ей пощёчину, и женщина прижала руку к лицу. Она посмотрела на него с удивлением, будто всё ещё не верила, что это происходит. На губе появилась капелька крови.

Он вырвал полотенце у неё из рук и швырнул в воду.

— Кажется, это тебе не так уж и нужно, — он дёрнул её за руку, вытаскивая из ванны. Она попыталась упираться, но сил совсем не осталось. У проклятой батареи она сидела уже больше недели. Он кормил её... кое-как. Но спать нормально она не могла. Не могла нормально вытянуться или хотя бы поменять позу. Всё тело затекло и покрылось струпьями. Она хотела закричать... Но соседи давно привыкли к её крикам. И какой сегодня день? Выходной? Если да, то Лариска этажом выше может услышать... если не гуляет с детьми.

Сераф дёрнул её сильнее, и она поняла, что если ничего не будет делать, то упадёт и ударится. Вряд ли ей помогут после этого. Почему не звонит сестра? Или звонит? Что он ей говорит?..

Она переступила через борт ванной и позволила оттащить себя на кухню к ненавистной батарее. Он снова приковал её.

— Сераф, дай мне полотенце, — она старалась говорить твёрдо, но голос всё равно предательски дрожал.

Он открыл окно, впуская морозный зимний воздух. Молча посмотрел на жену. Она не мигая смотрела на него. Зубы предательски застучали. Он оттолкнулся от окна и принялся есть. Её чашка стояла на столе. Сераф доел свою часть завтрака, помыл посуду и подошёл к ней. Наклонился и взял рукой за подбородок.

— Я на работу. Не скучай, — он чмокнул её в губы и быстрым шагом вышел с кухни.

Больше она его не видела.

Она слышала, как он ушёл. Рука, прикованная к батарее, перестала что-либо чувствовать. Жар от обогревателя был невыносимым. И одну часть её тела припекало, а другая мёрзла под открытым окном. Волосы стали жёсткими и покрылись льдом. Она безуспешно пыталась дотянуться до окна и закрыть его. Бросив эти попытки, прижималась к батарее, уже не боясь обжечься. Спустя некоторое время она накинула на себя матрас, насколько могла.

В какой-то момент она отключилась, а пришла в себя от боли. Болели обмороженные пальцы ног и обожженное плечо. Её душил кашель. Наверняка поднялась температура.

Она принялась колотить наручниками по батарее и пытаться кричать, но голоса уже не было. Когда сознание покинуло её, она была этому только рада.

Когда Сераф вернулся следующим вечером — не вполне трезвый и не вполне чистый, — она лежала в неестественной позе, повиснув всем телом на посиневшей руке. В квартире было ужасно холодно. Он закрыл окно и легонько пнул её ногой.

— Ты усвоила урок?

Она никак не отреагировала.

Он пнул её сильнее. Ноль реакции. Он нахмурился и наклонился к ней. Она не дышала. Сераф почувствовал злость, на смену которой моментально пришло осознание произошедшего. И вместе с ним — страх. Серафа вырвало на матрас, лежащий рядом.

Кира пришла в себя. Сознание, как всегда, вернулось резко. Обычно она выныривала из транса как утопающий, которого вытащили из воды после долгого пребывания. Но в этот раз она с трудом удержала своё тело и запретила себе шевелиться.

Человек, сидящий напротив неё, убил свою жену. И теперь она об этом знала. Как быть?

Её правую руку всё ещё пекло — запястье, перетёртое наручниками и обожжённое плечо. Она не чувствовала пальцев ног. Лёгкие сжали спазмы кашля. Она чувствовала всё,

что чувствовала женщина (Лена, её звали Лена) в последние часы своей жизни. Боль. Страх. А потом — безразличие и просто ожидание конца. Её тело умерло до того, как умерла надежда. Где-то в глубине сознания она продолжала верить, что Серафим вернётся с минуты на минуту, позволит ей согреться. Но вместо этого она умерла в луже собственной замёрзшей мочи.

Кира перевела взгляд на сидящего напротив мужчину. Она вспомнила начало их встречи.

— Добрый день, — он улыбнулся очаровательно и немного застенчиво.

— Добрый, — Кира вернула улыбку. Она не строила из себя мрачную прорицательницу, проводника в мир духов. К ней не попадали непосвящённые люди. Раз они оказывались за её столом, значит, им больше некуда было идти. И они прекрасно знали о её способностях — ей уже давно не требовалось что-то доказывать или кем-то притворяться. А тем утром у неё было отличное настроение. И мужчина казался интересным. Почему бы не быть с ним милой?

— Недавно я потерял жену, — сказал он, присаживаясь напротив Киры.

— Соболезную, — искренне ответила она. Тени уже стали заползать в её голову, и она не сопротивлялась им — для проведения сеанса ей был нужен контакт. Мужчина начал открываться, и она постепенно переставала видеть его лицо и начинала видеть его самого. Пока ещё не чётко. Тёмные черты, мрачные провалы глаз, запущенная щетина. Страх, тоска и вонь наполнили её кабинет. Она вдруг испугалась. К ней приходили всякие люди. Люди с болью, стыдом и грузом вины. Люди, которые совершили ужасное и прошли через кошмар. Но редко кто пугал лично её. Промелькнула мысль нажать тревожную кнопку и вызвать охрану ещё до того, как мужчина начнёт говорить. Но... К ней не приходят, не достигнув отчаяния. Раз он тут, значит, никто другой не сумел ему помочь. Кто она такая, чтобы решать, кто достоин её дара, а кто нет?

— Я думаю, что она мне изменяла, — сказал он.

— Какое это имеет значение теперь, когда её нет? — осторожно поинтересовалась Кира, надеясь, что всё обойдётся одним разговором.

— Для меня — имеет, — ответил он с напором, и его лицо посерело, но Кира уже этого не видела. Она видела ссору.

— Где ты была? — спросил он таким же тоном, как сейчас отвечал ей.

— У нас был корпоратив, я же предупреждала, — ответила Лена и сняла резинку, распуская хвост. С наслаждением взбила волосы. — Ты ел?

Он подошёл к ней вплотную.

— От тебя пахнет куревом. Ты куришь, только когда трахаешься.

— Сераф, что за бред? — Она попыталась оттолкнуть его, но он поймал жену за руку. — Болтали с девчонками в курилке, я даже и не курила сама, ты чего?..

Кира усилием воли вернула себя в реальность. Мужчина напротив что-то говорил, но она его перебила:

— Чего вы хотите, Сераф?

Он вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

Кира тут же поняла. Так его называла только жена. Она выдавила лёгкую улыбку.

— Вы же не к психологу пришли.

Он с сомнением посмотрел на неё.

— Да, вы правы. Я хочу знать, изменяла ли мне жена.

И вот теперь Кира смотрела на него через стол, решая, что делать. Удивительно, но Лена его любила. От начала и до конца. До самых последних минут она любила и верила в его любовь. Что чувствовал Сераф, Кира не знала. Он всё ещё был слишком живой, чтобы она могла понять это.

Но она точно знала, что он псих. И триггером может стать любая мелочь.

Она мысленно оглянулась, воссоздавая свой кабинет в деталях. У большого окна стоял стол с открытым ноутбуком на нём. Потом — два кресла и её рабочий стол, сейчас пустой. По периметру шли книжные полки, уставленные различной литературой — в основном, по психологии и искусству. Совсем немного эзотерики. И несколько полок было отведено под предметы, необходимые для её концентрации или ритуалов, когда она нуждалась во вспомогательных силах. В целом, совершенно не важно, чем именно будет проводник энергии. Иногда из пакетика чая можно было вытянуть удивительно много полезной информации. Поэтому и предметы были соответствующими. Никаких тебе хрустальных шаров и свечей. В основном — маленькие статуэтки из поездок. Она любила ходить по базарам, и сама не знала, как выбирала тот или иной предмет, и для чего он нужен. Но упорно тащила это всё к себе в кабинет. И всё всегда пригодилось... в своё время.

В Нью-Йорке она купила у метро шар со снегом. Он стоил три цента, и совсем даже не нравился ей. Она вся изнервничалась, пытаясь запихнуть его в забитый чемодан. В итоге даже хотела оставить. Что за глупость, право. Китайский шар со снегом. Она поставила его на тумбочку и пошла к выходу из номера. Каждый шаг давался ей сложнее, чем предыдущий. Она почти уже добралась до двери, когда сопротивление стало невозможным. С тихим криком, не осознавая, что плачет, она кинулась обратно к шару и схватила его. Прижав к груди сидела на полу и качала, как ребёнка.

И вот сейчас она думала именно про этот шар. Он был самым тяжёлым предметом в её кабинете. И стоял на уровне её плеча. Стоило только протянуть руку... Она не сомневалась, что успеет.

Она вздрогнула, будто бы стряхнув оцепенение. Получилось не очень натурально и совсем не похоже на обычные возвращения, но откуда ему знать, как должно быть? Урод напротив неё оживился. И как она могла подумать сначала, что он симпатичный?

— Что вы узнали? — спросил он резким режущим голосом.

Она вздохнула.

— Что ваша жена была вам верна.

Он оторопело откинулся на спинку кресла и с недоверием посмотрел на неё. Тени расходились. Лена сказала ей всё, что хотела сказать. И теперь была свободна.

«И правильно, — подумала Кира. — Живые в состоянии сами о себе позаботиться. А кто позаботится о мёртвых?»

— Этого не может быть, — прошептал он. Уродство и резкость ушли из его движений. Перед ней снова сидел печальный мужчина с приятным баритоном, с которым она бы с радостью согласилась попить кофе, если бы не видела то чудовище, что пряталось у него под кожей.

Она пожала плечами.

— Сочувствую вашей утрате, — она прислушалась к своему организму. Сердце стало стучать медленнее и тяжелее. Уши заложило. Волосы на загривке оцетинились. Руки покрылись мурашками. Надо поскорее от него избавляться. Она услышала свой голос как будто издалека. — Моя ассистентка поможет вам с оплатой в приёмной. А теперь прошу меня извинить...

— Но вы же ничего не сказали?! — он повысил голос.

Кира глубоко вздохнула и схватилась крепче за ручки кресла. Реальность плыла.

— Вы спросили, изменяла ли вам жена. Ответ: нет, не изменяла.

— Какие доказательства? — вскипел он.

— Доказательства в том, что она вас любит. Невозможно доказать то, чего не было. Она жила обычной жизнью. Ходила на работу, заботилась о вас, мечтала о детях.

— О детях? — на его лице проступило неподдельное удивление и шок. — Она же ненавидела детей.

— Она так говорила, чтобы поддержать вас. Она была уверена, что дети вам не нужны. Она была готова сделать всё, о чём вы попросите.

— Она... любила меня?

Кира чувствовала, что её сейчас стошнит. Надо заканчивать эту историю.

— Идите домой, Сераф. Откройте ящик с её нижним бельём. Там под новыми колготками лежит её дневник. Там всё. После того, как прочитаете — переведёте мне деньги, ассистентка даст реквизиты. А теперь, прошу вас...

— С вами всё хорошо? — обеспокоенно спросил он и протянул к ней руку.

— Да! — гаркнула она. В безоблачном небе громыхнула молния. В окно ударилась птица. Серафа откинуло назад в кресло, и оно чуть было не перевернулось. — Уходите!

Дверь открылась, и заглянула встревоженная Света.

— Кира? Простите, но я...

— Всё хорошо, — прервала её Кира. — Наш посетитель уже уходит. Он переведёт деньги в течение трёх дней.

— Ага, — Сераф заворожённо смотрел на неё. Свете хватило одного взгляда, чтобы понять, что происходит. Она подскочила к Серафу и помогла ему подняться.

— Пойдёмте, я вас провожу.

— А с ней всё будет?..

— В порядке, да. Хотите кофе?

Они вышли из кабинета, и Света мягко закрыла дверь за собой. Кира тут же кинулась в другую дверь, на бегу сбрасывая туфли. За ней была ванна. Она открыла кран с холодной водой на максимум и, как была, в одежде, забралась в ванну под тропический ледяной душ.

Она не чувствовала холода. Вода, наконец, добралась до кожи. Она смывала ощущение липкости. Смывала чужую боль и страх. Смывала весь этот сеанс. Кира сползла по стенке на дно ванны, не отдавая себе отчёта в этом, и сжалась в комочек. Закрыла глаза. Спрятала голову между колен. Ничего не существовало. Был космос. Одно большое тёмное ничто. И в нём — она. Одна. В покое.

Через какое-то время вернулись звуки. Она услышала шум воды. Сквозь сомкнутые веки проник свет. Потом ей стало холодно. Тело затекло и болело. Она с трудом поднялась на покалывающие ноги и вывернула кран в красную зону. На неё полилась горячая вода. От тела пошёл пар. Кира сняла одежду и побросала её тут же на дно ванны. Её душили слёзы.

Постепенно зубы перестали стучать, а рыдания кончились. Она просто стояла под душем, подставляя лицо тёплой, приятной воде, и уже не могла вспомнить, что именно вогнало её в это состояние. Она помнила мужчину, который убил свою жену на почве ревности. Помнила, что боялась его, но не помнила, почему. В дверь постучали. Вошла Света.

— Он ушёл, — сказала она, игнорируя наготу Киры. — Как ты?

— Нормально, — осипшим голосом сказала Кира. Прокашлялась. — Нормально, — повторила она уже твёрже.

— Сегодня совсем тяжело было? — Света закрыла воду и завернула Киру в огромное пушистое полотенце, помогла выбраться из ванны и подставила табурет. Кира тяжело на него опустилась. Эмоции уже отступили, но телу ещё было нужно время, чтобы вернуть себе силы.

— Да уж. Скажи мне, когда от него придут деньги.

— Он сразу оплатил всё. И ещё сверху. Ты его напугала.

— Это ему ещё повезло, — хмыкнула Кира. Света вытерла ей волосы другим полотенцем.

— Мне лучше не спрашивать? — Света достала фен.

— Лучше нет, — Кира перехватила её руку. — На сегодня всё. Иди домой, Светик.

— Я точно тебе не нужна? Ты всё ещё бледная.

Кира посмотрела в зеркало, но ничего не увидела на запотевшей поверхности.

— Всё хорошо, не беспокойся.

— Хорошо, — Свете отдала ей фен, наклонилась в ванну и собрала мокрую одежду в специальную сумку. Кира знала, что на следующий день она принесёт всё выстиранное и наглаженное. — Тогда, до завтра?

— Хорошего вечера, — Кира выдавила улыбку.

Она дождалась, пока щёлкнет дверь её кабинета и, как была, в полотенце, вышла из ванной. Вытащила из ящика стола свой мобильный и набрала номер телефона.

— Так, так, а я планировал пойти выпить пива, — раздалось на том конце. Невольно, но искренне, Кира улыбнулась.

— Что же тебе мешает? — спросила она.

— Как правило, после твоих звонков хочется употребить что-то посерьёзнее пива. Что случилось?

— Я не помню подробности, — протянула она.

— Ничего нового. Было бы слишком скучно раскрывать убийства, если бы ты всё помнила. Речь же про убийство?

— Да. Наверно. Я не уверена. Мне кажется, что мой последний сегодня клиент привязал к батарее свою жену и заморозил её до смерти.

— Фамилия и имя клиента? — его тон сменился. — А, забей. Ты всё равно не знаешь. У Светика дома возьму.

— Влад? — Кира перехватила трубку.

— Дада, никто не найдёт связи с тобой. Я помню условие.

— Нет. То есть, да, спасибо, но дело не только в этом.

— А в чём ещё?

— Он всё ещё опасен, — Кира нахмурилась. Чувство тревоги возвращалось — что было

странно. Вода смывала всё обычно. — И я всё ещё его чувствую.

— Что это значит? — после небольшой паузы спросил Влад.

— Что он как будто уже мёртв. Но сам не знает об этом, — Кира посмотрела в окно. Влад начал что-то говорить, но она повесила трубку и вернулась в ванну. Высушила голову и натянула джинсы и уютный свитер с высоким горлом. Закуталась в шубу, вышла на улицу и закрыла офис. Посмотрела на противоположную сторону улицы.

Конечно, он был там. Мужчина стоял, привалившись к своему автомобилю. В одной футболке и шортах в середине февраля. Он улыбался ей.

— Привет, — прочитала она у него по губам. — Идешь? — протянул он руку.

Она с горькой улыбкой покачала головой и отвернулась. В следующую секунду он шагнёт ей навстречу. Где в него попадёт оторванная крышка от пролетающей мимо фуры. За этим последует череда операций, безуспешные попытки к восстановлению и констатация гибели мозга. Но это всё будет после. Это всё было после. И повторно не сбудется. Пока же они застыли в этом моменте. Она выходит с работы с немного влажными волосами. Он ждёт её, беспечно привалившись к машине. Вечный, бесконечный миг до. Тот самый, который всегда так хочется поймать. Тот самый, который теперь она никак не может отпустить.

Глава 2. Кира

— Добрый день, Кирияна Артемьевна. — Политик зашёл в её кабинет и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло.

Кира оторвала взгляд от монитора и посмотрела на него, подавив вздох.

— Доброе утро, Сергей, — ответила она. На часах ещё не было одиннадцати. Какой, к чёрту, день? Она с интересом отметила в себе несвойственное ей раздражение и хмыкнула. Фонит. Что-то случилось. Недаром он примчался на неделю раньше, точно в назначенное время.

— Добираться до тебя становится всё сложнее, — вздохнул он, поправляя седую шевелюру. — Пробки.

— Всё в твоих руках, — пожалала она плечами.

— Давай снимем тебе офис где-нибудь поцентрее? — предложил он. Опять. — Где-нибудь на Патриарших. Вся ваша нечестивая братия там, говорят, околачивается.

— Не верь сказкам, Сергей, — улыбнулась она. — Верь мне. — Она поднялась и подошла к окну.

Мужчина в футболке и шортах, привалившись к чёрной машине, ждал, не замечая летящего крупными хлопьями снега. Будто почувствовав, что она смотрит, он поднял голову. Их глаза встретились. Демонстративно равнодушно Кира опустила римскую штору, игнорируя его радостную улыбку. В кабинете тут же стало темнее.

— Кабинет, включи свет на четыре, — отдала она команду умным светильникам, и тут же включилась мягкая подсветка. Кира осмотрелась. — Сделай шесть. — Сидеть в полутьме с этим типом ей не хотелось.

— Вот она, современная магия. Почему у меня такого всё ещё нет?

— Может, потому что твой кабинет ремонтировали ещё при Хрущёве? А теперь это историческая ценность, и туда не встроить разводку под «умный дом»? — Она ненавидела этот высокомерный саркастический тон, но никуда не могла его деть. — Зачем ты здесь? —

поменяла она тему. — До твоего визита ещё неделя. Зачем ты передвинул встречу? Ты же знаешь, что это не по правилам.

— Что за вопросы, Кира! Кто тут из нас прорицательница? Вот и скажи, зачем я здесь.

Она смерила его ледяным взглядом, взяла свой кофе и опустилась в кресло напротив него. Закинула ногу на ногу, зная, что он оценивает каждое её движение, как будто проверяя что-то. Кира не могла отделаться от ощущения, что она находится на вечном экзамене перед ним. Да уж... После этого сеанса просто холодным душем не обойтись. Надо попросить Светку забронировать сауну. Фу. Кира отогнала мысль и постаралась укрепить барьер между своим сознанием и сознанием своего посетителя.

— Ты точно хочешь потратить запрос на это? — уточнила она.

Сергей вскочил на ноги и принялся расхаживать перед ней взад-вперёд, одновременно с этим расслабляя галстук. Ей сразу стало легче дышать.

— Под меня копают, Кира!

— Кто? Подчинённые?

— Угу, наверняка.

— Или сверху?

— И сверху тоже. Тьфу ты, да откуда я знаю! — Он посмотрел на неё как загнанный зверь. — Что мне делать?

— Ты же знаешь, что сейчас я ничем не могу тебе помочь, — холодно ответила она. — Ты пришёл раньше срока.

— Я заплачу!

— Конечно, заплатишь, — кивнула она. — Только это не поможет. Увидимся через неделю, Сергей.

— Через неделю меня уже сожрут! — завыл он, а затем вдруг опустился на колени перед ней и схватил за руку. — Кира, милая, только ты можешь меня спасти!

Она брезгливо выдернула руку.

— Невозможно спасти того, кого спасти не нужно! — Она вскочила на ноги и быстро отошла от него на несколько шагов.

— Ведьма, — прорычал он.

— Осторожнее! — прошипела она, чувствуя бессилие и ярость одновременно. Понимая, что это его эмоции, но её топливо, прокачивая их сквозь своё тело, питаюсь ими.

Сергей отшатнулся и шлёпнулся на пятую точку.

Весь тёмный спектр чувств тут же покинул её. Осталось лишь любопытство. Её собственное. И облегчение — как же хорошо снова быть только одной в своём же теле.

— Что ты увидел? — спросила она.

— Н-ничего, — сдавленно выдавил он.

Она глубоко вздохнула и опустилась перед ним на корточки. Мягко сказала:

— Я пытаюсь помочь. То, что сейчас было, — это зеркало, отражение твоих страхов. Так что будь хорошим градоначальником. Скажи мне, что ты видел?

Он отполз от неё немного, а потом заговорил:

— Твои глаза... они стали жёлтыми. На чёрном фоне. А зрачки — прямоугольными. И вокруг... свет исчез. Стало темно. И холодно. И... я слышал как будто цокот копыт по плитке по мостовой.

Она моргнула несколько раз подряд.

— Глаза стали как у дьявола что ли?

— Ну типа того... — неохотно признался он.

Кира поднялась на ноги и протянула ему руку. Он с сомнением посмотрел на неё.

— Боишься, что прямо в ад утяну? — усмехнулась она.

— Не смешно, — ответил он и ухватился за руку. С неожиданной силой она поставила его на ноги. Остатки зеркального эффекта уходили, и физическая сила покидала последней.

— Присядь. — Она мягко подтолкнула его к его креслу и выглянула за дверь. — Света, можно, пожалуйста, травяной чай нашему впечатлительному другу? — А это уже её личное желание поддеть его это.

Они молча ждали, пока Света принесёт чай. Та вошла в кабинет, быстро оценила обстановку, поставила поднос с чайником и двумя чашками между ними и шустро ретировалась за дверь, так же не говоря ни слова.

Кира налила Сергею чай.

— Ты уверовал, что ли? — спросила она.

Он начал было смеяться, но тут же оборвал себя и виновато посмотрел на неё.

— Ого, — выдохнула Кира. — А почему тогда ты тут, а не у священника?

— Не хочу я к священнику, — тихо ответил он. — И в ад не хочу. И должности лишиться тоже. Помоги мне. — В его голосе не осталось высокомерия. Звучали какая-то инфантильная наивность и вера в то, что всё чудесным образом разрешится.

Она медленно и уже без издёвки кивнула. Наконец-то честность и настоящий запрос, а не всё это шапкозакидательство, которое её никогда не впечатляло.

Кира встала и подошла к полке, на которой аккуратными стопками лежали деревянные шкатулочки. Взяла самую верхнюю, на которой рунами было выведено его имя. На той, что была под ней, осел слой пыли. «Надо вызвать клининг», — мелькнула мысль, но Кира постаралась поскорее её прогнать. Сейчас они были ментально близки с клиентом, и эту хрупкую связь надо сохранить.

Она вернулась за стол и открыла шкатулку. Внутри лежала почти новая колода Таро.

«Опять ведь сейчас сожжём», — подумала Кира с лёгкой тоской. Колод с Сергеем хватало на два-три сеанса максимум. Потом карты сходили с ума и начинали врать, выдавать нечитаемые расклады и пророчить то вечную жизнь, то мгновенную смерть. Никакие очистки и ритуалы на них не действовали — и Кира сжигала их в полнолуние, и в следующий визит Сергея уже использовала новую колоду. Она достаточно трепетно относилась к тщательно подобранным артефактам. Поэтому каждая такая замена была неприятной и энергозатратной.

Силы Кира восполняла за счёт других своих клиентов, беспощадно вытягивая из них радость и жизненную силу. Это был вечный круговорот энергии в её кабинете. Люди приходили за помощью и советом. Или за ответами. И всегда получали искомое. Платить же за это приходилось деньгами — физическим за физическое насыщение и энергией — за эмоциональный покой. Входя в мир духов, Кира оставляла там кусочек души. И если бы это каждый раз была её собственная душа, то таких походов было бы крайне ограниченное количество. Поэтому за вопросы одних платили другие. А за их собственные — третьи. Бесконечный цикл донорства энергии, прокаченной сквозь Киру. Какая-то часть этого «топлива» оседала в ней, делая сильнее от раза к разу. Это был неосознанный побочный эффект... Но от него ведь всем её клиентам становилось лучше. Разве нет?..

Она взяла колоду. Картон приятно охлаждал разгорячённые ладони.

— Задай вопрос, — сказала Кира, глядя в упор на Сергея. Он вернул ей такой же прямой

и немигающий взгляд.

— Как мне удержаться на моей должности? — выпалил он.

— Это точно то, чего ты хочешь? — вздохнула Кира.

Сергей провёл пересохшим языком по шершавым губам. В периоды максимальной концентрации Кира отчётливо видела каждую деталь на его лице: новые морщины, которые не могли скрыть свежие уколы ботокса, — а вот и следы от них; полопавшиеся капилляры в глазах — результат злоупотребления стимуляторами; расширенные поры — беспощадное действие времени.

— Я хочу власть.

Она покачала головой.

— Ты знаешь правила, Сергей. Задай вопрос, на который ты хочешь получить ответ.

Он заговорил, медленно выговаривая слова.

— Как мне усилить свои позиции и добиться большего влияния?

Она кивнула. Вопрос наконец-то звучал правильно и не вызывал у неё сопротивления. Она смешала колоду, повторяя про себя слова клиента. А потом начала выкладывать «крест».

— Вот в чём дело, вот к нему ключик. Что было, что будет. Что в головах, что в ногах. Для себя, для других. Надежды и страхи... Чем дело кончится?

Когда последняя карта легла на стол, колода из ледяной стала горячей. Кира знала, что больше карты использовать будет нельзя, она выжала из них всё. Но это стало неважным. Кира принялась переворачивать карты. Обычно она озвучивала то, что видит, по мере открытия, но только не с Сергеем. С ним стоило сначала увидеть всю картину. Но в голове уже сложилась чёткая история, и ничего хорошего там не было. Перевернув последнюю карту — Умеренность, она почувствовала тяжёлую усталость и зачатки головной боли.

— Что ты видишь? — не вытерпел Сергей, когда пауза затянулась.

— Что тебе будет сложно. — Она думала не над тем, что сказать, а как сказать так, чтобы он понял. Врать на сеансе Кира не могла чисто физически. Стоило чуть отойти от истины — и её организм начинал сопротивляться. Появлялась тошнота, могла пойти кровь из носа. Кира была уверена: на запросе, влияющем на такое количество людей, она просто не пережила бы собственную неискренность. Но Сергей был удивительным человеком. Он умел слышать лишь то, что ему хочется. И она допускала, что искажения его сознания могут быть приняты за ложь. — Тебе придётся сделать выбор: пойти простой дорогой, которую от тебя ожидают сверху. Быть жёстким и радикальным. Таким, каким тебя хотят видеть. Или ты можешь выбрать более сложный путь. На нём ты встретишь противодействие на каждом шагу — и от своих, и от чужих. Твоя мягкость может быть принята за слабость, и только ты будешь знать, сколько на самом деле пришлось приложить сил, чтобы позволить ей быть. Но в итоге тебя ждёт величие.

— А если я пойду простым путём? — спросил он с надеждой.

«Искажения, — подумала она. — Искажения и надежды нас всех погубят».

— Простой путь возвысит тебя над твоим кругом... но никогда не приведёт наверх. Ты останешься очень нужным и очень удобным. А потом, в какой-то момент, тебе придётся держать ответ за решения, принятые не тобой.

— И чем это всё кончится?

Она с тоской посмотрела на колоду. Ей бы вытащить ещё пару карт... Но в таком агрессивном состоянии, перенятом у клиента, это только запугает Сергея.

— Ты будешь услышан, — указала она на ту самую Умеренность.

— Что это значит?

— Что тебя услышат. Но это не будет иметь значения.

Сергей почесал голову. Почесал подбородок. Потёр нос тыльной стороной ладони.

— Можешь пояснить? — наконец попросил он.

Кира сгребла карты в кучу, не удосужившись сложить их правильно.

— Тебе нужно выбрать, чего ты хочешь: получить личную власть или войти в историю.

Второе лёгким путём не получится. А первое не гарантирует безопасности. Впрочем, ничто не гарантирует. Что вы там решили устроить?

— Ты гадалка, ты и скажи мне.

На этот раз Кира подавила раздражение и спокойно ответила:

— Тебе пора. До следующего раза, и никаких больше переносов.

— Подумай об офисе на Патриарших.

— Обещаю, — ответила она ему вслед.

Когда вошла Света, Кира так и сидела в кресле. Света кивнула на карты.

— Это?..

Кира кивнула.

— Уничтожить. Перчатки надень.

Света собрала чайник и чашки, сгребла распотрошённую колоду.

— Там Влад пришёл, хочет с тобой поговорить, — между делом сказала она. —

Рассказал про вчерашнего клиента... Жуть, конечно.

— Света, — Кира посмотрела на помощницу с предостережением, и та замолчала, понимая, что сболтнула лишнего. У них было одно нерушимое правило: клиентов Киры не обсуждать.

— В общем, Влад тут.

— Пусть зайдёт.

Влад, видимо, слышал разговор из-за приоткрытой двери, потому что тут же материализовался в кабинете.

— Я хотел поговорить с тобой на счёт вчерашней жертвы. Это она? — Он протянул Кире фотографию.

Та взглянула лишь краем глаза и не стала брать снимок в руки. Влад выглядел немного разочарованным.

— Это современные методы расследования преступлений? Спроси у Оракула пять раз, шестой в подарок? — язвительно спросила она.

— Я же просила не спешить, вот и получай, — съязвила Света, глядя на мужа, недовольная тем, что Влад вломился в кабинет в обход неё, и вышла, и оставляя их наедине.

— Я хотя бы правильно копаю?

— Копаешь... одни копатели у меня тут сегодня собрались. Подними штору, пожалуйста, — вдруг попросила Кира. Влад удивлённо моргнул, неожиданной просьбе, но пересёк кабинет, подошёл к окну и потянул за цепочку. Ранний февральский вечер не принёс в комнату больше света, но Кире он был и не нужен. — Выгляни на улицу.

Влад посмотрел вверх и вниз по улице.

— Что я должен увидеть? Это какой-то знак, который должен подсказать мне, что делать?

— Там есть что-то необычное?

— Да ничего необычного тут нет, — нахмурился он. — Ты что, опасаясь этого типа?

— Какого типа? — настала очередь Киры удивляться.

— Ну этого, который приковал жену к батарее и заморозил насмерть. Серафима.

— А... Вы его разве не взяли?

— Это я и пытаюсь тебе рассказать. — Влад вернулся к ней. — Мы нашли тело Елены у него в машине, которую он отогнал на дачу. Но из багажника его так и не достал — видимо, хотел его куда-то вывезти. Сам Серафим в розыске. Теоретически ты в безопасности — по новостям сообщают, что поиски начались после обращения сестры погибшей. Но если тебе будет спокойнее, могу поставить у тебя охрану.

Кира пружинисто поднялась на ноги и подошла к окну. С неба срывались редкие снежные хлопья и падали на подтаявшую грязь, скрывая лёд и неряшливость под идеальным белым покровом.

Прямо напротив входа в её офис стояла чёрная машина. Прислонившись к ней, стоял парень в футболке и шортах. Почувствовав её взгляд, он посмотрел вверх.

— Мне не нужна охрана, — проговорила Кира. — Если он придёт, то я справлюсь. Но лучше найти его побыстрее. С ним что-то не так.

— Где он может быть?

— Влад, я не «Скайнет».

— Ты смотришь фильмы? — удивился он. — А ты всегда знаешь, чем они закончатся?

Кира закатила глаза и повернулась к Владу.

— Конечно, я знаю, чем закончится «Терминатор». Это кино старше меня.

— Чем закончится «Терминатор», знают даже те, кто не смотрел «Терминатор». — Он поднял большой палец вверх. — А остальные?

— Влад, ты преступника ищешь? Или изучаешь природу влияния паранормальных явлений на кинематограф?

— Буду держать тебя в курсе, — радостно сообщил он.

— Это необязательно. — Кира снова повернулась к окну. Фокус её внимания сместился на то, что происходило на улице. Мужчина в кабинете продолжил говорить ей что-то ещё, но она уже не слушала. Через несколько минут он ушёл. Краем сознания Кира отметила щелчок замка на двери, но он растворился в потоке воспоминаний так же быстро, как и возник.

Ярко светило солнце. Кира смотрела на улицу, вытирая мокрую голову полотенцем, и улыбалась. Почувствовав её взгляд, он задрал голову и улыбнулся снизу вверх.

Бросив полотенце на кресло, Кира почти подошла к двери, как вдруг зазвонил рабочий телефон, который она никогда не выносила из кабинета. Очень хотелось проигнорировать звонок — ведь он ждал её внизу. Но вдруг там было что-то срочное? Кира набрала воздух в лёгкие, задержала дыхание.

«Если прекратят звонить, то я уйду».

Но пикирование продолжилось. Кира раздражённо закатила глаза и отпустила ручку двери и вернулась к столу. Подняла трубку.

— Добрый день, вас беспокоит доставка. У нас замена некоторых позиций.

— Каких? — спросила Кира, предчувствуя, что это надолго.

Десять минут спустя, когда она выскочила из двери офиса на улицу с уже подготовленной извинительной речью и полными руками книг и распечаток для работы дома, он всё ещё улыбался, хотя и посмотрел демонстративно на часы. Оттолкнувшись от

машины, шагнул ей навстречу.

Кира перехватила ворох томов и листов поудобнее и принялась закрывать офис. В этот момент книги посыпались из рук.

— Ой, — раздосадовано вздохнула она и наклонилась подбирать свои вещи, но тут её накрыла чёрная тень.

Видение выбило воздух у неё из лёгких.

Стало холодно и пусто. Ветер рвал её одежду и волосы. Краски исчезли. Сопrotивляясь острым, как бритвы, песчинкам, Кира выпрямилась и оглянулась.

Он лежал на дороге. Горящая серым огнём покрывка катилась вниз по улице. Единственным ярким пятном была кровь вокруг его тела.

Кира закричала.

Один удар сердца, и краски вернулись. Она, не поднимаясь, крутанулась юлой на месте. Секунда. У неё есть секунда.

— Назад! — закричала она, но её вопль утонул в визге тормозов и звуке удара.

Бесконечно медленно он всё ещё делал шаг вперёд. Как в слоумо она видела, что улыбка на его лице превращается в удивление — но не испуг. Он так и не понял, что происходило. Она прыгнула вперёд, как кошка, понимая, что не успеет, всё равно не успеет. Упала, разодрав ладони и колени, но не почувствовала этого.

Разбрасывающая в разные стороны рыжие огненные искры, шина от фуры ударила его в бок и сбила с ног. Кира не слышала собственного крика, а только видела, как отлетело его тело, вдруг потерявшее форму. Словно пластилиновое.

Кира стояла на коленях на асфальте и смотрела на него. Брызги его крови окрасили её рыжие волосы в ярко-медный и смешались с капающей из её рта слюной. К ним подбежали люди. В основном — к нему, но кто-то и к ней.

— Девушка! Девушка, вас не задело, всё в порядке?

«Меня не задело, — подумала она. — Но ничего уже не в порядке».

— Скорую! Вызывайте скорую!

«Зачем? Вот же он. Стоит рядом с машиной. Улыбается мне», — подумала Кира и посмотрела ему в глаза.

У него теперь всегда была эта секунда «до».

У неё — секунда «после».

Шальная мысль вертелась у Киры в голове, отсекая реальность своей абсурдностью:

Насколько это много — две секунды?

Два удара сердца спящего человека. Четыре — бегущего.

Среднее время реакции водителя на событие на дороге.

За это время на Земле рождается десять человек.

А компания «Кока-Кола» продаст около 20 000 бутылок своего напитка.

Такой незначительный разрыв, что кажется: протяни руку, схвати его — и всё получится исправить. Всего-то две секунды. Четыре удара. Время реакции. Двадцать тысяч бутылок.

Что задержало её в офисе? Телефонный звонок. Доставка какая-то. На складе не былс

нужных ей колод Таро (наверняка для Сергея). И Кире пришлось запустить компьютер, который она решила перезагрузить именно в тот день; открыть каталог и согласовать устраивавшую её замену.

Потом эти книги...

Она огляделась. Они так и валялись вокруг двери в её офис. Зачем они вообще ей нужны? Вечером у неё урок с учеником. Парень с очень сильным стихийным талантом, которым он совершенно не умел управлять и от этого буквально сходил с ума.

Он слышал голоса и глотал таблетки, стараясь их заглушить. Таблетки забрали из его жизни всё: радость, секс, работу, вкусы. Но не голоса. Голоса оставались с ним и сводили его с ума.

— Девушка? — кто-то тронул Киру за плечо. Она подняла безумный взгляд вверх. — Позвольте вам помочь? — Миловидная брюнетка протягивала ей бутылку воды. Кира удивлённо смотрела на неё. — Вот, — девушка присела рядом с ней на дорогу и открыла бутылку, — давайте промоем ваши руки, вы поранились.

Она мягко перевернула кисти Киры ладонями вверх и осторожно полила водой. Резкая боль вернула Киру в реальность. Она попыталась подняться, но не смогла.

— Вы его знаете, — заметив, куда рванула вышедшая из оцепенения Кира, спросила девушка. — Конечно, знаете, давайте я вам помогу... — И она помогла Кире встать и довела до лежащего на дороге тела с растекающейся вокруг головы лужей крови. Кира такую лужу уже видела.

«Конечно, видела, ты же медиум», — язвительно пропел внутренний голос, но она его заткнула. Где-то вдалеке слышались сирены скорой помощи. Люди стояли вокруг него в нерешительности.

— Тут есть врач? — спросила девушка, которая помогала Кире. Не дождавшись очевидного ответа, она опустилась перед ним на колени и потянула за собой Киру. — Надо остановить кровотечение. — Она сняла пиджак и прижала к ране на голове. Взяла руку Киры и надавила на рану. — Не отпускайте. Его нельзя двигать, надо помочь хотя бы так.

Кира смотрела, как бьётся вена у него на шее. Судорожно и неровно. Слишком сильно. Слишком рвано. Она посмотрела вверх по улице. Он стоял у своего автомобиля и улыбался ей. Кира отпустила пиджак, и тот упал на асфальт.

— Ему не помочь, — сказала она. — Он уже мёртв.

— У него есть пульс! — закричала девушка. — Он жив! Что с вами не так? Помогите мне! Кто-нибудь!

Кто-то занял место Киры. Она отошла к своему офису и принялась собирать книги. Сложила их стопочкой, села рядом и уронила голову на руки. Немного позже брюнетка под села к ней.

— Там приехали врачи. Вам тоже нужен осмотр, вы в шоке. Я узнала — в медицинскую карету вам нельзя, потому что он в тяжёлом состоянии. Но мне сказали, куда его повезут, и разрешили поехать за ними. Вас пустят к нему после того, как окажут помощь вам. Пойдёмте, вон моя машина.

Кира не сопротивлялась.

В больнице ей промыли раны на коленях и ладонях, вкололи успокоительное и оставили на ночь. Медсестра проводила её к нему в реанимацию, пояснив, что, вообще-то не положено, но её очень хорошо попросили.

Кира вошла в палату. Он лежал... Его тело лежало, опутанное проводами и трубками. Пахло медикаментами, хлоркой и кровью. Кира равнодушно посмотрела на весь этот гибрид человека и машины. Сама она бы ни за что сюда не пошла. Ей бы даже не пришло это в голову. Видимо, брUNETка заплатила медсестре, думая, что Кире это важно. Попрошаться? Или какие там ритуалы у людей...

Кира вспомнила девушку и попыталась сконцентрироваться на ней, а не на своих ощущениях утраты, никак, впрочем, не связанных с тем, что он видела в палате. Его тут точно не было. Только оболочка. Когда-то такая любимая, а теперь пустая, чужая и безразличная Кире.

Мягкая, с добрыми руками, но сильная. Светлана. Её зовут Светлана — Кира точно знала. Искренне хочет сделать мир лучше и ни перед чем ради этого не остановится. Кира усмехнулась. Потенциально очень опасное сочетание. Если ожесточить такого человека, то легко можно получить лидера религиозных фанатиков.

Она подошла к окну. Где-то в стороне шумел Проспект Мира. Они в Склифе, окружённом сквером. Фонари внизу горели тёплым жёлтым светом. Кто-то прогуливался по дорожкам. Скорее всего, персонал. Пациентов в это время уже не должны выпускать.

Кира вновь посмотрела на тело. Это не будет быстро.

— Прости, милый, — прошептала она. — Нам обоим придётся через это пройти. А потом ты будешь свободен. Я освобожу тебя. А пока потерпи.

Его отражение в окне кивнуло её словам.

Утром Кира проснулась от того, что по её ресницам бегал солнечный зайчик. Казалось, что так хорошо она не спала никогда. Никаких снов. Никаких знамений. Надо предложить съездить в Истру на пляж. Отменить все записи. Чем так странно пахнет?

Осознание свалилось на неё тяжёлым грузом. На один прекрасный миг находящееся на грани между сном и явью сознание стёрло те самые разделяющие их две секунды. Тем больше стало возвращение в реальность. Авария уже теряла краски в сознании Киры, но тем более горьким становился ком, набухающий в её горле.

Кира послушно выполняла команды персонала — измерить температуру, позавтракать, принять лекарство, показаться врачу.

— Физически вы в норме, — сказал лечащий врач. — У меня нет оснований держать вас тут. Но я могу оставить вас еще на пару дней.

Кира не сразу поняла, зачем. А когда поняла — усмехнулась. Он где угодно, только не в той груди мяса, что они пичкают лекарствами, сканируют и пытаются собрать обратно в живого человека.

Она покачала головой.

— Нет, спасибо. Если можно, я бы поехала домой.

— Хорошо. Обработывайте левомеколем ссадины на руках и коленях. И покажитесь психологу. Эти парни умеют научить справляться с горем. И мы продолжаем верить в лучшее, у него хорошие показатели. Мозговая активность слабая, но стабильная. Физически он пережил ночь и стал крепче. Первые сутки всегда самые критические. Я вижу хорошую динамику. Хотите, вас к нему проводят?

Этот вопрос она поняла сразу и яростно помотала головой.

— Нет. Я хочу домой.

— Хорошо. Кто-нибудь может вас забрать?

— Да. — Кира вдруг улыбнулась так беззаботно и искренне, что врач отпрянул от неё. За одну секунду перед ним возник совсем другой человек. — Девушка, которая привезла меня вчера, Светлана. Она приедет через час. Я хочу уехать с ней.

Интерлюдия 1. Хозяйка

Кира смотрела на часы. Стрелку лихорадило: она то едва-едва подрагивала, то неслась куда-то, как безумная.

В комнате жужжал пылесос.

— ...бифуркации абсолютная детерминация невозможна, — подвёл черту ученик и замыютил микрофон.

Вокруг Киры повисла необычная тишина. Прошло два ковидных года, а она всё никак не привыкла к лекциям онлайн. Она не чувствовала отклика в студентах, не понимала их настрой. Ей отчаянно не хватало аудитории, их глаз — горящих или скучающих, раздражённых или влюблённых. А сегодня ещё и это жужжание...

Кира включила микрофон и, сделав короткий разбор того, что успела услышать из ответа ученика, прежде чем улететь далеко в мыслях, завершила лекцию. Кто-то включил микрофон, чтобы поблагодарить её. Большинство — нет.

Пылесос наконец замолчал. И тут раздался звук, которого не должно было прозвучать, но который она с ужасом ждала все эти четыре часа, что клинер наводила порядок. Звук поворачивающегося ключа в замке.

Кира отложила ноутбук, поднялась на ноги и вышла в прихожую, отчаянно надеясь, что ослышалась.

Но, конечно, ошибки не было. Шальная надежда растаяла. В прихожей стоял муж и стягивал с себя ботинки.

— Привет, — улыбнулся он, но вдруг взгляд сместился Кире за спину, и улыбка застыла, будто на фотографии, сделав его лицо похожим на маску какого-то демона.

— Я закончила!

Кира закрыла глаза.

— Будете проверять? — Клинер не растворилась в воздухе волшебным образом. Каждое её слово резало Киру словно ножом.

— Кира? — окликнул её муж. — Видимо, это к тебе вопрос. Твой же работник.

Кира открыла глаза и посмотрела на него.

Внешне он был совершенно спокоен. Но Кира видела тьму в его глазах. И в этой тьме отражался её собственный ужас. Она вздохнула и нацепила отработанную улыбку. Только после этого повернулась к женщине.

— Нет, благодарю. Уверена, что всё хорошо.

— Замечательно... — Клинер была смущена формальным тоном Киры. — Тогда до следующего раза или?..

Кира не смогла удержать приветливое выражение лица и этим окончательно сбила с толку клинера.

— Я напишу вам, — наконец ответила Кира, взяв себя в руки, и вернулась на диван.

Муж не проходил в квартиру и ждал, пока женщина уйдёт. Кира вдруг поняла, что совершенно спокойна. Страх, захлестнувший её, когда она услышала поворот ключа в замке,

отступил. Его место заполнила бесконечная усталость. Она поднималась из кончиков пальцев рук и ног четырьмя потоками, которые соединялись где-то в горле и опутывали голову, заворачивали её в вату. Она слышала приглушённые прощальные реплики. Дверь открылась и закрылась — но всё это происходило не с ней и не в этой квартире. Это было вообще в другой вселенной. За миллионы световых.

— Не хочешь мне ничего сказать?

Его носки. Его носки прямо перед ней. Катышек на левой ноге. Кира заставила себя поднять глаза на него. Веки были бесконечно тяжёлые, полные мокрого песка.

Она хотела сказать, что у неё были важные лекции. И вечером должны были приехать в гости его родители. И она бы ни за что не успела сама убрать квартиру, выполнить работу и приготовить ужин.

В этот момент в дверь позвонили. Кира отрешённо подумала, что если ситуация и могла быть хуже минуту назад, то теперь уже нет.

— Скажи мне, что это не готовая еда из ресторана. — Его голос рокотал где-то в глубине её тела, эхом отскакивал от рёбер и гудел, затихая, в горле. Что это было? Точно не страх. Она устала бояться своих действий, неаккуратно брошенных слов, мыслей... Усталость...

Превозмогая давившую ей на плечи невидимую силу, Кира поднялась. Их глаза оказались на одном уровне.

— Это именно она. Мне сегодня надо было поработать. — Она злилась, потому что слышала в собственных словах попытку оправдаться, хотя точно решила этого не делать. Кира хотела открыть дверь — что угодно, лишь бы отвлечься, но муж толкнул её обратно на диван и погрозил пальцем.

— Сиди здесь. Я сам открою. А потом мы поговорим.

Обида оттого, с каким пренебрежением он толкнул её, скреблась под языком. Так же издалека Кира ощущала собственные слёзы. Как будто кто-то капал тёплую воду на чьи-то чужие щёки. А ощущала это почему-то она. Но тоже как будто издалека...

Обида и страх. Вот её нормальные реакции. Но в тот день они были будто подёрнуты матовой плёнкой, придавленной по углам тяжёлыми кирпичами. Ей хотелось, чтобы он никогда не вернулся. Просто вышел с работы и вместо того, чтобы приехать домой, сел в самолёт и улетел в другой город. Тогда она смогла бы вот так и сидеть дальше. Может быть, тогда она смогла бы отдохнуть. Но Кира не была уверена даже в этом.

Минуты шли. Курьер всё не поднимался. Муж ждал его в дверях. С каждой секундой его нетерпение нарастало. С каждой секундой Кира отстранялась от реальности и погружалась в себя всё сильнее.

Она, будто ластиком, стирала из своего сознания сами понятия «слёзы».

Теряли идентификацию качества «мокрый» и «тёплый». Растворяла собственное я.

Нет никаких слёз. Ни по каким щёкам они не катятся.

И Киры никакой нет.

Есть сгусток энергии. В таком же энергетическом океане. Или космосе.

Да и кто сказал, что это космос и энергия? Это одно нечто посреди другого нечто. Или ничто.

Когда она училась в школе, на осенние каникулы вместе с бабушкой ездила к её сестре. Ехать было долго, почти сутки на поезде. И Кира любила эти поездки. Поезд увозил её на юг, от глубоких сугробов к редким снежным оврагам, спрятым глубоко в лесу.

В тот год ей исполнилось десять. Папа подарил ей первый в её жизни плеер, и на все обеденные деньги Кира покупала музыкальные кассеты в тёмном подвальном магазине. Чтобы послушать песню повторно, приходилось перематывать плёнку, и со временем качество звука ухудшалось.

Правый наушник смешно трещал. Кира, стоя на батарее в проходе, чтобы лучше видеть пролетающие за окном заснеженные поля, леса и редкие деревни, переживала, что скоро лишится музыки. То, что наушники можно заменить, ей в голову не приходило. Снова и снова она возвращала один и тот же трек, стараясь запомнить каждый звук, каждую модуляцию. В её голове расцветали красивые миры.

В целом, она любила поездки к бабушкиной сестре. Там её любили, вкусно кормили и всегда дарили подарки, которых больше ни у кого из домочадцев не было.

Не любила Кира только оставаться дома одна с мужем бабушкиной сестры. Бывший шахтёр медленно спивался. Кира часто слушала, как бабушка убеждает свою сестру бросить его. Девочка никогда раньше не встречала людей с зависимостями, поэтому смотрела на него, изучая и пытаясь понять, что же с ним не так, кроме отвратительной вони. Ничего особенного он при Кире не делал. Кроме одного раза.

Они остались дома вдвоём, когда бабушки ушли на рынок. Пить он начал уже с утра и к обеду уже нетвёрдо стоял на ногах. Он вошёл в комнату, когда Кира читала, валяясь на диване.

— О, Кира-Кира, весна моей души. Знаешь ли ты, Кира, какая была бы у нас с тобой любовь, будь ты постарше?

Кира моментально оказалась на ногах. Мужчина нависал над ней.

— А как же бабуля? — спросила Кира.

— Не думай о ней, — протянул он к Кире руки. Поправил волосы. Провёл подушечками пальцев по плечам. Она не понимала, что происходит, но было страшно и мерзко. Отвращение держало её за горло мёртвой хваткой. Кира не могла пошевелиться, и только сердце колотилось как бешеное.

«Это не я, — подумала Кира взхлёб, замерев. — Не мои плечи. Меня тут нет. Я в замке, смотрю на падающие листья из узкого окна. Ничего этого не происходит».

Она повторяла мантру всё быстрее и быстрее. Пока не исчезли эти липкие влажные пальцы, не исчезло всё, кроме обволакивающей её вони пьяного педофила.

Она не помнила, чем всё кончилось. Знала только, что вернувшиеся сёстры-бабушки спугнули старого алкоголика, и, кажется, он ничего не сделал. Не успел сделать. По крайней мере Кира верила, что не успел. Не успел же? В тот день Кира научилась отделять сознание от тела и улетать так далеко и быстро, как её не мог унести ни один наркотик, ни один самолёт.

Когда он умер несколько лет спустя — замёрз в сугробе насмерть, напившись, — Кира впервые послушалась запрета отца и пошла на дискотеку. Папа злился из-за непослушания дочери, её неуважения к семейному горю и говорил, что у них вообще-то траур. Для него старый извращенец был любимым дядюшкой. А Кира танцевала так, будто только что родилась. Каждый год отец напоминал ей о годовщине его смерти. Каждый год она открывала бутылку шампанского после этого сообщения.

Щёлкнул замок. Кира вздрогнула, и на неё навалилось ощущение реальности. Ей не хватило времени, чтобы провалиться в глубокий транс. А сейчас уже, наверное, не получится.

Но она отчаянно попыталась вернуть себе ощущение космоса, парения и бесконечности — времени и возможностей.

На кухне зашуршали пакеты.

Кира выпрямила спину и скрестила руки на груди, стряхивая полутранс и усталость. Надо собраться и сфокусироваться.

Пакет-майка не может существовать в одной плоскости с Ничто. Либо он тоже ничто, либо...

— О, смотри-ка. Мой любимый бефстроганов! — воскликнул муж. — Приготовленный по рецепту твоей бабушки. Как чудесно. А это что? Пирог! Кира, ты превзошла саму себя. А с чем мясо-то планировалось?

— С рисом, — неожиданно для самой себя ответила она.

Опять зашуршали пакеты.

— С рисом... — повторил он и картинно охнул. — Но тут его нет. Не довезли! Звони им, пусть возвращают деньги.

Она не пошевелилась. Он подошёл к ней и резко протянул телефон.

— Звони, я сказал.

— Я не заказывала рис, — тихо пробормотала Кира.

— Что? — он поднял голос. — Что ты там мямлишь? Из-под твоего длинного носа ничего не слышно. Говори так, чтобы мне не приходилось угадывать.

— Я сказала, что не заказала рис, — повторила она четче, уверенная, что он и с первого раза всё разобрал.

— Как так? — отшатнулся он. — Как мы без гарнира?!

— Я хотела приготовить его сама, — ответила Кира.

— Как сама? А как же твоя работа? А уборка? Как бы ты всё успела, малышка? Это же невозможно. Ни одной женщине это не по силам! Ах да... Поэтому у нас была эта тётка, которая выполняет за тебя женские функции? Она убирает и, видимо, регулярно. Пока я, как дурак, на работе. Жрачку приносят из ресторана. А ты сидишь на диване целый день. Я всё правильно понял?

— Я работаю... — попыталась возразить Кира. Её желание перестать оправдываться рассыпалось на глазах, просыпалось сквозь пальцы тягучим песком.

— Я тоже работаю! — заорал он. Кира вздрогнула. — Но это не мешает мне переобувать твою машину, проверять в ней уровень масла, прибивать чёртовы крючки на кухне и чинить всё, что ты ломаешь — а это примерно всё, до чего ты дотрагиваешься! А ты, оказывается, только и умеешь, что сидеть на диване и посуду бить? Зашибись просто! Нахрена мне такая женщина? Что такого ты делаешь, чего я не смог бы сделать сам?!

Кира подняла голову и посмотрела на него с какой-то внезапной смелостью, граничащей с безумием.

— Сосать себе ты тоже сам будешь?

Слова упали между ними тяжёлым грузом. Кира тут же пожалела, что выпалила их, позволила эмоциям взять верх над спокойствием, но уже было поздно что-то делать.

— Ты теперь ещё и сексом манипулируешь? Знаешь что? Я больше и пальцем до тебя не дотронусь, раз ты делаешь это всё исключительно как одолжение мне.

— Ты же понимаешь, что это не то, что я хотела сказать...

— Я не знаю, что ты там хотела. Но я прекрасно слышал, что ты сказала. Я запомнил.

Он пошёл на кухню. Достал кастрюлю, налил в неё воды и поставил на плиту.

— Что ты делаешь? — Кира пошла за ним.

— Рис варю, — ответил он. — Тебе же наверняка некогда. Ещё домашки проверять или что там. Йога твоя жизненно важная.

— Я планировала его сварить... — пыталась она сохранить остатки самообладания.

— Ты планировала, а я сварю. — Он поднял телефон. — Алё, мамуль? Да, привет. Да-да, всё хорошо. Жду вас, конечно. Ага. Нет, ничего не надо, спасибо, — он усмехнулся, — ну, если только немного. Мамуль, слушай, а как варить рис, чтобы он получился не как каша, а как гарнир?

Кира развернулась на пятках и ушла в комнату. Рухнула на кровать и накрыла голову подушкой, стараясь заглушить этот голос. Какая разница, к концу концов, кто сварит долбаный рис? И как его сварят. Да и глупо пытаться конкурировать с его матерью. Глупо же?

Постепенно она начала проваливаться в сон. Откуда-то пришло удивление. Как она вообще может спать в таком состоянии?

— Вставай, соня, — он поцеловал её щёку и гладил волосы, — мама с папой пришли. Я накрыл на стол. Идём?

Кира кивнула. Она знала, что надо встать и не усугублять ситуацию. Но ей что-то снилось... Что-то такое светлое и манящее... Хотелось нырнуть обратно в сон. Кира через силу заставила себя встать, бросила беглый взгляд в зеркало: глаза припухли от слёз. Она пальцем стёрла осыпавшуюся тушь. Совсем немного. Кира прекрасно знала, какую косметику использовать, чтобы она соответствовала... Чему? Кира задумалась. «Моему образу жизни», — наконец сформулировала она.

Волосы примялись и никак не хотели держать форму. Она взяла резинку с бусинками в зубы и уже на ходу собрала высокий хвост.

Свёкр и муж сидели за столом. Свекровь хозяйничала на её кухне.

— Кирочка, здравствуй, — улыбнулась она. — Как ты себя чувствуешь? Сына сказал, ты приболела. Садись скорее, я принесла запечённую курочку.

— Добрый вечер, Людмила, — поздоровалась Кира и подставила щеку для поцелуя. — Владимир, — свёкру она улыбнулась теплее.

— Привет, — тот поднял руку в приветствии.

— У нас есть говядина... — Кира поискала глазами бефстроганов.

— Нет, она испортилась, я выкинул. — Муж смотрел ей прямо в глаза.

— Но я же только...

— Ой, так бывает, — свекровь взяла её за плечи и направила к стулу, — мясо не очень или со специями что-то не то. А зая у меня гурман. — Она поцеловала сына в лысеющую макушку. — Ничего, с кем не бывает. Я всё исправила. Садись скорее. Картошечки?

Усталость накатила с новой силой. Кире захотелось просто раствориться в воздухе. Но, видимо, в тот день ничто не растворялось и не исчезало просто так. Как и обычно, впрочем. Глупо было надеяться на чудо.

Между тем свекровь продолжала накладывать еду ей на тарелку. Курица, запечённая с майонезом, была настолько жирная, что дорожки из масляных капель тянулись за кусочками через весь стол. Кира смотрела на контурную карту, образованную ими, на своей дубовой столешнице, и старалась не думать о том, что это всё, видимо, придётся оттирать ей самой. На секретного клинера она теперь решится нескоро. Кира покосилась на мужа. Он как раз впился зубами в куриное бедро и откусил кусок прямо вместе с кожей.

— М-м-м, мамуль, это божественно.

— Кушай, кушай, зайка, — ворковала Людмила.

Кира закрыла глаза.

— Заюнь, дай я тебе порежу кусок. А то что ты как дикарь? Кира, ну посмотри на него. Надо же срезать мясо с костей!

Кира схватила вилку и, молниеносно перегнувшись через стол, воткнула её в руку свекрови, пригвоздив к столу. Людмила завизжала. Муж подавился курицей, куски мяса вместе с проклятой кожей стали выпадать у него изо рта. Лицо моментально покраснело, глаза выпучились. Кира дёрнула вилку вверх. Та с неприятным чавкающим звуком вылетела из кисти свекрови, как пробка из бутылки шампанского. И — точно как шампанское — за вилкой брызнула кровь, прямо Кире на лицо.

— Добрый вечер, — оскалилась в хищной улыбке Кира.

Свекровь визжала.

Муж давился.

Свёкр, тоже забрызганный кровью жены, хохотал как безумный.

Кира посмотрела на него ошалевшим взглядом. И улыбнулась. А потом тоже разразилась ведьминским истерическим смехом.

А затем открыла глаза.

— Как прошёл твой день? — любезно спросила свекровь, убирая свой нож из тарелки сына и забирая кости.

— Продуктивно, — улыбнулась Кира. — У меня очень талантливый курс в этом году...

— Мне кажется, или у тебя грудь стала больше? — перебила её свекровь. — Вы ничего не хотите мне сказать?

— Мамуль, ну когда нам? У Киры карьера, — протянул муж.

— Ну, карьера — это прекрасно. Но как бы... — Свекровь подняла бровь. — В наше время в двадцать пять уже считались старородящими. А ты уже на десяток лет постарше.

— Сейчас и в сорок рожают, и ничего, — подал голос свёкр.

Кира с благодарностью посмотрела на него. Он ей незаметно подмигнул.

— Ты бы вот родил сам, а потом рассуждал. В сорок рожают... А когда у него будет выпускной в школе, ей будет пятьдесят семь? Пенсионеркой придёт?

Кира отложила вилку.

— Что-то мне действительно нездоровится, — сказала она. — С вашего позволения...

— Родители приезжают раз в год, — заметил ледяным тоном муж. — Может быть, ты примешь аспирин и посидишь с нами?

— Я лучше прилягу, — улыбнулась Кира. — Если вдруг мама права, то таблетки мне есть нежелательно.

— Вы стараетесь! — Людмила бросилась обнимать сына. Тот зло посмотрел на жену из-под руки матери. — Кирочка, пойдём я тебе помогу.

— Нет-нет, что вы. Я справлюсь. Кажется, заюша хочет добавки. Буду вам благодарна, если почистите ему ещё одну ножку.

— Конечно, конечно! — Свекровь схватилась за нож, проигнорировав сарказм в голосе невестки. Или просто не заметив его.

— Спасибо, мамуль, — муж поднялся, — я провожу Киру и вернусь.

Он протянул Кире руку. Та замерла, глядя на него. Медленно вложила свои пальцы в его ладонь, и он тут же сжал их до боли и дёрнул вверх. Кира покачнулась, и он подхватил её с

видимой заботой, но, в реальности, больно сжав её под рёбра. В спальню муж её буквально втолкнул, тут же закрыв за собой дверь.

— Какого чёрта ты себе позволяешь?

— Я? У меня болит голова. И я больше не могу есть весь этот жир...

Он наотмашь ударил её по лицу. Кира схватилась за щёку и в изумлении замерла.

— Ты ленивая сука, — прошипел он. — Целый день сидишь на диване, ни черта не делаешь, только врёшь мне и приводишь в мой дом чужих людей. Да лучше бы трахалась с любовником на нашей кровати, чем это! — И он снова ударил её, на этот раз в живот. Кира задохнулась и сложилась пополам. Через боль она с тихим стоном втянула воздух. И за этот звук тут же получила ещё один удар по лицу, откинувший её на кровать. За секунду муж оказался сверху, прижимая подушку к её лицу. Кира забилась под ним, пытаясь выбраться. Ей вдруг показалось, что если она не получит свободу прямо сейчас, то задохнётся. Сильнейший приступ клаустрофобии напугал её куда сильнее разъярённого мужчины сверху. — Заткнись, — прошипел он. — Ни звука! Поняла меня?

Она что-то утвердительно промычала, и он откинул подушку, оставшись сверху.

— Только посмей ещё хоть раз манипулировать моей матерью при помощи воображаемого ребёнка! — пригрозил он.

— У меня задержка, — просипела в ответ Кира. Голос пропал. Всё тело было напряжённым сгустком боли и ужаса. — Три дня.

Он отшатнулся.

— Ты врёшь.

— Нет, клянусь! — Она дотянулась до телефона в кармане, открыла приложение для отслеживания менструаций и повернула экран. Муж тупо уставился на надпись «ЗАДЕРЖКА 3 ДНЯ».

— Какого хера ты не сказала раньше? — прошептал он.

— Что, не бил бы меня в живот? — Она извернулась, пытаясь выбраться.

— Тебе нужно в больницу, — пробормотал он.

Она просунула руку между их бёдрами и залезла себе в трусы. Достала руку и провела пальцами по его щеке, оставляя на ней три алые полосы.

— Нет. Мне просто надо поспать. — Ей, наконец, удалось подняться.

Он сполз на пол и сел, привалившись спиной к кровати.

— Чёрт бы тебя побрал, Кира, — проговорил он.

— Да. Уже, — огрызнулась она. — Иди, курочка остывает.

— За что ты так со мной? — Он посмотрел на неё снизу вверх.

Кира спокойно выдержала его взгляд. Он оттолкнулся от кровати и встал на ноги. Пошатываясь, пошёл к выходу из комнаты.

— Умойся, — сказала ему вслед Кира. Она дрожала. Домашняя футболка была насквозь мокрой от пота. Когда за ним закрылась дверь, Кира взяла телефон и задумчиво повертела его в руках. Потом зашла в «месячное» приложение и исправила дату.

«МЕНСТРУАЦИЯ. 4-Й ДЕНЬ», — было написано на экране. Кира усмехнулась, а потом поморщилась от боли. Кажется, он разбил ей губу. Она дотронулась до лица. Губа казалась припухшей, левая скула болела. Кира подумала, не включить ли фронтальную камеру и посмотреть на себя. Но решила, что это будет лишним. Оттого, что она увидит себя, ничего не изменится.

Она улеглась на свою половину кровати и накрылась одеялом с головой, стараясь

согреться. Вспомнила недавнюю фантазию с вилок в руке свекрови. Такая жестокость... В тот момент она действительно была готова так поступить. Может быть, и стоило... А ещё лучше было бы воткнуть вилку в него...

Постепенно мысли теряли связанность. Кира проваливалась в сон.

Глава 3. Лена

Света без стука вошла в кабинет. Кира удивлённо вскинула бровь, но выражение лица помощницы заставило её промолчать.

Света обошла вокруг стола Киры, откинула её руку с клавиатуры и вошла на новостной сайт.

Шёл репортаж из торгового центра. В окружении полиции стоял мужчина в жилете со взрывчаткой в карманах. Кира сразу поняла, что это взрывчатка. И, конечно, сразу узнала мужчину.

— Сераф, что же ты делаешь? — прошептала она.

Люди жались к стенам и витринам, пригибались к полу, закрывая головы. Трансляция шла с камер видеонаблюдения торгового центра.

Прямо перед Серафимом стоял безоружный Влад, приняв устойчивую позу и выставив вперёд ладони в успокаивающем жесте.

— Что происходит? — прошептала Света и схватила Киру влажными от пота пальцами.

Кира утонула во вспышке света.

Она сидела на небольшой кухне и улыбалась. Влад раскладывал по тарелкам свежеприготовленные стейки со спаржей.

— Медиум рэа для дамы, — он чмокнул её в макушку, — и вэлл-дан для джентльмена. — И он плюхнулся на своё место.

Кира засмеялась.

— Как они могут быть разной прожарки, если делались на одной сковороде?

— Спросила ученица ведьмы, — хмыкнул он.

— Она не ведьма, — ответила Кира, но рассмеялась. А потом вдруг стала серьезнее. — Я переживаю за неё.

— Почему? Салату? — Он приподнял над тарелкой ароматные розовые помидоры с красным луком.

— Конечно. И лука побольше. А то опять будешь бояться на меня дышать ночью. Будем в одной лодке.

— Кошка, — Влад посмотрел на пушистое создание: та тут же поднялась на задние лапы и поставила передние к нему на колени, — ты сегодня спишь на кухне. Потому что в спальню доступ разрешён только тем, кто ел лук. — Он отрезал ей кусок стейка и положил на край стола, откуда его тут же сбросила когтистая лапа.

— Влад, что ты делаешь? Ей нельзя это есть, опять животик болеть будет.

— Твоя мама — жадина, Кошка, — прошептал Влад, глядя под стол. — Так почему ты переживаешь за свою не-ведьму?

Кира вздохнула.

— Она очень одинокая. — Кира опустила взгляд в тарелку и принялась сосредоточенно пилить недожаренный стейк тупым ножом. — Работает, общается. Но потом может часами

стоять у окна и смотреть на улицу.

— Её мужик погиб там же? Прямо напротив офиса?

Кира кивнула и посмотрела на Влада.

— Давай позовём её на ужин?

Кира с трудом выдернула себя из воспоминания Светы и с облегчением поняла, что вернулась в своё тело. Она очень часто оказывалась в воспоминаниях мёртвых и крайне редко — в головах у живых. При этом ощущения были совершенно разные.

Рассматривая память ушедших, Кира ощущала себя зрителем в 3D-кинотеатре. Она могла перемещаться по ней, заглядывать в разные уголки и под разными углами. Слушать любые разговоры, которые усопший поймал хоть краем уха — мозг хранит гораздо больше информации, чем подозревает его владелец. Кира умела это доставать, умела спокойно проваливаться и выскальзывать из нужных эпизодов.

В головах живых она была ограничена их телами и активными ощущениями. И отделаться от них было чрезвычайно сложно. К счастью, попасть в их сознание — тоже. Только при физическом контакте с человеком в возбуждённом состоянии — на пике восторга или ужаса — что, кстати, гораздо легче. Сейчас Света ужасно боялась за своего мужа. Инстинктивно, ища поддержки, она попыталась снова схватить Киру за руку, но та резко оттолкнулась от стола и молниеносно оказалась по другую его сторону.

— Когда приходил на консультацию, он должен был принести вещи жены. Что-то из этих вещей у нас осталось?

— Я... я не помню, надо посмотреть... — Взгляд Светы метался от изображения на мониторе к лицу Киры и обратно.

— Так посмотри. — Кира села в кресло, которое обычно занимала при работе с клиентами и закрыла глаза, пытаясь вспомнить липкое ощущение присутствия Серафа. Оно было так неуловимо близко — так же, как вылетевшее из головы слово. Оно вертится на кончике языка, но вспоминается только тогда, когда кто-то другой его произносит. — Дай мне хоть что-то, — прошептала Кира, обращаясь к Свете.

В приёмной что-то хлопало и шумело. Вдруг раздался радостный вздох. Кира улыбнулась: Света подбежала к ней и протянула шёлковый платок.

— Вот, он был за креслом. Серафим забыл его.

— Или о нём. — Кира взяла платок и повертела в руках. Потом встала и пошла в ванну. Глядя в зеркало, она заговорила, обращаясь к Свете, но разглядывая собственное отражение: — Ты должна мне помочь. В этом торговом центре он не просто так. И есть только один человек, который может понять и остановить его. — Она перевела взгляд на бледную Свету в зеркале, появившуюся в дверях ванной. С лица ассистентки словно ушли все краски; казалось, остались одни глаза: дикие и перепуганные. — Ты должна быть готова к тому, что сейчас произойдет. Она будет выглядеть так же, как я.

— Она? — голос Светы сорвался и превратился в свист.

— Да. Я позволю Лене занять моё место. Она будет тут до тех пор, пока надет платок. Твоя задача — убедить её нам помочь. А потом снять платок.

— Почему... — Света прочистила горло. — Почему ты не можешь пустить её в моё тело? Ты умеешь с ними... договариваться.

Кира усмехнулась.

— Не говори с ней как с мёртвой. Она будет очень напугана и сбита с толку. С ней

нужно будет поговорить — по-доброму. Так, как умеешь только ты. — Кира мягко улыбнулась. Она не стала говорить, что мир призраков, в который она периодически навевалась, был полон отчаяния и неразрешённых вопросов, которые не давали душам продолжить их путь дальше, во вселенную. К упокоенным с миром родственники не приходили. Их было не найти в этом калейдоскопе неудовлетворенности, зависти и жадности. И мало кто захотел бы вернуться туда добровольно. А ещё, честно говоря, Кира сомневалась, что сможет за один день и избавиться от безумного маньяка, и изгнать убитую этим самым маньяком женщину из своей ассистентки. — Готова?

Света умоляюще посмотрела на неё.

— Неужели нет другого выхода?

Кира вспомнила сеанс с Серафимом. Теперь, держа в руках Ленин шарф, ей было легко вспомнить все подробности. И главное — ту вязкость, которая не хотела уходить даже после очищения. Вот почему он остался с ней. Смерть всё это время была не снаружи, а внутри него.

— Серафу нужно прощение. Никто, кроме Лены, не может его дать.

Наконец Кира повернулась к Свете.

— Всё будет хорошо, — улыбнулась она. — Мы справимся.

И, повязав вокруг шеи шарф, закрыла глаза. Глубокий вдох. Медленный выдох.

Открыв глаза, Кира не увидела ничего. Ванна вокруг неё исчезла. На самом деле исчезло всё, она оказалась в большом чёрном ничто. У этого «ничто» не было температуры или вязкости, верха или низа. Ей не надо было дышать. Она не понимала, стоит она или парит. Но где-то в отдалении возникла маленькая светлая точка — Кира не могла сказать, как далеко. Как до неё добраться, она тоже не понимала. Просто захотела оказаться рядом с ней. Кире показалось, что правильнее всего будет к этой точке плыть. Она не умела плавать и всегда боялась открытой воды, но тут тело само поняло, что от него требуется. Кира оттолкнулась от неведомой скалы, взмахнула руками и ногами... и поплыла.

Она не чувствовала движения пространства вокруг или хотя бы какого-нибудь сопротивления. Единственное, что менялось, — это размер точки. Та постепенно увеличивалась. Как долго это происходило, Кира тоже сказать не могла. Время, как и всё остальное, прекратило своё существование.

Вдруг Кира поняла, что точка света — это вовсе не точка, а окно. И догадалась, что это за окно, ещё до того, как увидела открытую фрамугу, закопчённый чайник со свистком и остывший чай на столе. Под окном, прижавшись к батарее и пытаясь накрыться матрасом, сидела худая обнажённая женщина. Её спутанные, выжженные гидроперитом волосы закрывали лицо и грудь.

Кира сделала последний «гребок» и, развернувшись вертикально, поставила босую стопу на кафель — как будто приземлилась после полёта. Только теперь она обратила внимание, что её одежда тоже исчезла.

Пустой мир в один момент наполнили текстуры, звуки и запахи. Пол под ногами был ледяным и липким. Ветер из окна выл в щелях и ронял хлопья снега на подоконник и женщину — Лену, Кира помнила её имя.

Она подошла к Лене и опустилась перед ней на колени. Мягко убрала с лица волосы. Женщина открыла глаза — такие же холодные, как и всё вокруг, — и посмотрела на Киру.

— Я тебя знаю, — проскрипела она. — Ты уже приходила ко мне.

— Да. — Кира взяла свободную руку Лены в свои ладони и подула на оочеченевшие пальцы, хотя и понимала тщетность попытки их согреть. — Ты рассказала мне про этот день.

Лена устало откинула голову назад и закрыла глаза.

— Уходи. Ты ничем не поможешь. В прошлый раз я надеялась, что, открыв тебе всё, я смогу освободиться, но... — Она подёргала рукой, гремя наручниками о батарею. — Я просыпаюсь каждый раз от свиста чайника. Он сидит за столом. Потом говорит мне, что я воняю, и отводит в ванну. Потом приковывает меня мокрую обратно и уходит. Я жду его, пытаюсь выбраться... А потом наконец засыпаю. И надеюсь, что больше не проснусь. Но каждый раз меня будит свистящий чайник. Я не знаю, сколько раз этот день повторялся и сколько раз повторится ещё. Я просто... просто хочу остаться одна.

— Я знаю, как это прекратить. Навсегда, — твёрдо сказала Кира.

— Я тебе не верю.

— Я займу твоё место, — продолжила Кира. — И пушу тебя на своё на несколько часов. Потом нам надо будет поменяться местами обратно, иначе моё тело разрушится и мы обе застрянем тут навсегда. Если ты потерпишь неудачу, то цикл будет повторяться вечно. Но если преуспеешь, то будешь свободна.

— Преуспею в чём? — Лена не пошевелилась, но, кажется, заинтересовалась.

— Прямо сейчас твой муж...

— Сераф... — Лена открыла глаза и выпрямилась. Раненая рука выгнулась под странным углом, но женщина не обратила на неё внимания.

— Сераф, — согласно кивнула Кира. — Он в торговом центре с распиханной по карманам взрывчаткой, грозит убить много людей. В том числе мужа моей единственной подруги. Его можешь остановить только ты. Это шанс поговорить с ним в последний раз, простить друг друга и, наконец, обрести покой.

— Я смогу выбраться? — Лена подалась вперёд.

— Ты сможешь выбраться. И получить справедливость.

Лена откинулась к стене и прикрыла глаза.

— В конце концов, я ничего не теряю?

— Ты должна понимать, что это сделка, — Кира говорила медленно и чётко, — и если ты не выполнишь её условия, то вернёшься в эту самую точку. И во всех этих бесконечных повторениях будешь знать, что упустила свой шанс.

— Я понимаю, — прошептала Лена. — И другого у меня не будет. Я согласна.

Кира поднялась на ноги и громко сказала:

— Так встань, дух.

Лена хотела было вновь поднять руку, скованную наручниками, чтобы продемонстрировать всю глупость этого предложения. Но её запястье вдруг прошло сквозь металлический ободок. Женщина с удивлением уставилась на свободную руку, не веря происходящему. Ухватившись за батарею, она поднялась. Кира протянула ей свою ладонь, их пальцы соприкоснулись.

— Я отправляю тебя, дух, в своё смертное тело. Обязую тебя найти и остановить твоего мужа, Серафима. Жизни спасённых тобой людей станут платой за твоё освобождение. Если ты нарушишь обещание, то проведёшь вечность в своём наказании. Согласен ли ты, дух?

— Согласна. — На этот раз в голосе Лены не было сомнения.

— По закону вселенной, я обязуюсь занять твоё место и проходить твои мучения, пока

ты выполняешь свою часть сделки. Я добровольно соглашаюсь с условиями договора.

Женщины одновременно отпустили руки друг друга.

Ноги Киры тут же подкосились. Чтобы не удариться, она ухватилась за батарею. Наручник с холодным лязгом защёлкнулся вокруг запястья. Стало мокро и ещё более холодно. Лена смотрела на неё сверху вниз.

— Со стороны это выглядит не лучше, — заметила она.

— Да уж, — согласилась Кира. Зубы уже начинали стучать. — Поторопись, пожалуйста.

Лена шагнула к ней и попыталась закрыть окно.

— Не выйдет, — заметила Кира. — Таковы условия сделки. Поменять их нельзя, можно только выполнить условия.

— Что мне делать? — спросила Лена растерянно.

— Выйти за дверь. — Кира только сейчас заметила, что они находились на кухне с закрытой дверью. Никакого чёрного пространства вокруг больше не было. В какой-то момент всё стало нормальным... за исключением того, что она была мокрой и прикованной к батарее. — Там тебя уже ждут. Лена, — окликнула она женщину, когда та открыла дверь, чтобы выйти. — Будь осторожна! Он несёт смерть. Моё тело не должно пострадать, иначе...

— Иначе мы обе застрянем здесь. Я помню.

Лена кивнула и вышла прочь. Кира осталась одна.

Подёргала прикованную руку. Металлический звук разбавил монотонное завывание ветра. Она попыталась развернуться к батарее так, чтобы волосы быстрее просохли и стало не так холодно, но Серафим зафиксировал свою жену так, чтобы у неё было минимум опций для движения.

— Надеюсь, это не продлится долго, — пробормотала Кира.

Но это длилось целую вечность. Всё бесконечно повторялось: свист чайника. Ванна. Пощёчина. Холод. Тьма. Свист чайника.

Кира знала хронологию — «петля» длится полтора дня, — но всё равно сбилась со счёта на пятом повторе. Сколько их было после, она не могла сказать. Ещё пять? Пятьдесят пять? Кира плакала, кашляла, мочилась под себя и умирала — раз за разом. Она проклинала Серафима, Свету и себя — за то, что согласилась на это. Ну умерли бы все те люди в торговом центре, умер бы Влад — ей что с того? Она-то знает точно, что смерть — это не конец, а трансформация. И вместо того, чтобы освободить души всех этих людей, она сидит тут, прикованная к батарее.

В какой-то момент в лицо Кире ударил яркий свет.

— Держи её! — закричал знакомый голос.

«Зачем? Я же лежу».

Но она странным образом падала сквозь ткань вселенной. Тёмная воронка затягивала её тело, её сознание. Мысли спутались. Кира посмотрела на свои пальцы. Их очертания перестали быть чёткими, а кожа стала прозрачной. Кира смотрела как кровь бежит по сосудам, опутывавшим белые кости, и продолжала падать.

Её подхватили тёплые руки.

— Держу, — сказал голос. — Держу, держу. Почему она дрожит, что случилось?

— Одеяло, дайте одеяло. Скорее! — Кира узнала голос Светы. К её рукам прижалось что-то обжигающе горячее. Она попыталась их отдёргнуть, но не смогла. И наконец открыла глаза. Света прижимала её пальцы к своим щекам.

— Привет, — улыбнулась она. — Лена сказала, что ты будешь замёрзшая.

— Всё получилось? — Горло болело.

— Мы спасли людей. — Кира наконец-то узнала второй голос. Влад, конечно. — Люди не пострадали.

— Хорошо. Мне нужно... Нужно...

— В душ, — догадалась Света. — Влад, надо быстрее её отвезти.

Он, не задавая вопросов, подхватил Киру на руки и понёс к машине.

— Эй, вы куда? Это же свидетель... — окликнул их кто-то, но Влад только отмахнулся.

Он положил Киру на заднее сиденье служебного автомобиля и включил сирену. Света скользнула рядом с Кирой и положила её голову себе на колени.

— Гони. Давай к нам.

— Нет! — Голос окончательно пропал, Кира хрипела. Она попыталась сесть, но Света удержала. — К вам нельзя. Слишком больно. Слишком... темно. В офис.

— На работу, — Света похлопала Влада по плечу, — и включи обогрев на максимум.

Из печки подул горячий воздух, но Кира его не чувствовала. Закрыв глаза, она снова оказывалась у батареи. Вой сирен превращался в свист проклятого чайника.

Она заставила себя открыть глаза и снова оказалась в машине. Тело окунулось в тепло. Света крепко сжимала её, пытаясь согреть, и кричала на Влада:

— Быстрее, быстрее же!

— Ч-что происходит? — с трудом прохрипела Кира.

— Не закрывай глаза, умоляю, — вновь послышался, словно издалека, голос Светы. — Как только ты отключаешься, начинаются судороги. И твой пульс... я почти перестаю его чувствовать. Мне кажется, что ты соскальзываешь обратно.

Кира понимала, что Света права, что нельзя спать. Чайник свистел. Над ней стояла Лена.

— Всё получилось? — слабым голосом спросила Кира, закрыв глаза.

Лена ничего не ответила и опустилась перед ней на корточки. В нос Кире ударил тонкий парфюм. Она посмотрела на женщину, сидящую перед ней: одетую в элегантный деловой костюм, в туфлях лодочки на высокой шпильке. Волосы были аккуратно собраны на затылке.

Лена дотронулась до руки Киры. Её кожа была горячей, будто горела изнутри.

— Я должна выбраться, — прошептала Кира. — Это не мой ад. Я не виновата.

Чайник всё свистел. Лена исчезла. Сераф отключил газ.

Из очередной петли Киру вырвал поток ледяной воды. Она шумно втянула воздух и вскинула голову.

Света с Владом сидели у противоположной стены ванной. Они явно не ожидали движения, потому что вздрогнули.

— Слава богу, — прошептала Света и подбежала к Кире. — Ты очнулась!

— К-кажется, — простучала зубами та.

— Всё прошло?

— Мне надо согреться. — Кира откинула руку Светы и сама поднялась на ноги. — Оставьте меня, пожалуйста.

— Ты же не... не потеряешь сознание опять?

— Нет, Света. Ты молодец. Мы обязательно поговорим, но мне нужно несколько минут. — Кира указала на себя. Как была, в свитере, джинсах и ботинках, она, мокрая до нитки, стояла под ледяным душем. Губы посинели. Она давно привыкла к холодной воде, но

сейчас казалось, что переохлаждение всё же наступило.

Влад так и сидел, изумлённо глядя на неё.

— Я был уверен, что ты всё.

— Я и буду всё, если вы не выйдете сейчас же! — Кира начинала злиться.

Света схватила мужа за руку, дёрнула наверх и подтолкнула к выходу. Кира стянула свитер. Дверь в ванну снова приоткрылась.

— Мы тут, если понадобится, — сказала Света и успела закрыть дверь за секунду до того, как в неё полетел мокрый свитер, запущенный под безумный и истеричный хриплый хохот Киры, перерастающий в вой, который оборвался так же внезапно, как и начался.

Казалось, что она не согреется никогда. Холод расползлся из самых костей. Горячая вода согревала кожу, но дальше тепло пробиться не могло. Кира всё тёрла место, где был след от наручника. Но на коже ничего не было. Боль, как и холод, шла изнутри.

Несмотря на все опасения, через какое-то время она всё же согрелась. Закуталась в махровый халат, намотала полотенце на голову и, глубоко вздохнув, вышла из ванной и направилась в свой кабинет.

Света и Влад сидели в креслах вокруг её рабочего столика. Увидев её, они вскочили.

— Я только что приготовила горячий шоколад. Он должен тебя согреть. — Света протянула Кире термос и помогла усесться в кресло. Кира забралась в него с ногами и с благодарностью вдохнула запах горького шоколада.

— Расскажите мне всё, — попросила она. — У меня сплошной провал.

— Что последнее ты помнишь?

— Как я надела шарф Лены. А потом — пустота. На тот свет ещё не провели федеральные каналы.

— Вещают в один конец? — неловко пошутил Влад.

— Как тебя ещё не лишили погонов за такие шуточки? — Кира изогнула бровь.

— Кира вернулась. — Влад расплылся в улыбке. — У той, другой, совсем не было чувства юмора.

— Вообще-то она умерла в муках. Тут уж не до шуток, знаешь ли, — заметила Кира, а про себя добавила: — И умирала много, много, много раз подряд...

— Что там? На той стороне? — спросил Влад.

Кира ожидала этот вопрос и ещё в душе придумала, что на него отвечать.

— Ничего. Просто серость и пустота. Как я и говорила. — Она посмотрела на Свету, и та кивнула, подтверждая, что действительно уже слышала это.

На самом деле, открывая эту дверь, Кира никогда не знала, что именно за ней найдёт. Ад с чертями, котлами и всяческими демонами был чудовищным упрощением. Чаще всего он состоял из холодных хрущовок, пропахших мочой детских домов, пустых переулков с мёртвыми девушками. И у каждого он был свой. Люди при жизни изобретали себе грехи, а после смерти — наказания за них, которые повторялись вечно, пока души не смогут сами себя простить. Но Владу и Свете это знать было совершенно необязательно.

— Так кто-нибудь расскажет, что случилось в мире живых за то время, что меня не было? — поинтересовалась Кира. — И кстати, как долго меня не было?

— Часа два, — ответила Света. — Ты повязала шарф и зарыла глаза, а когда открыла — они поменяли цвет. Стали серыми, испуганными и злыми.

Я позвала тебя по имени. Но ты... она. Она сказала, что ты не Кира, и представилась Леной. Спросила, где её муж. Я отвела её в твой кабинет и показала видео.

— Это тот торговый центр в Мытищах, где мы отмечали свадьбу, — сказала Лена. — А это твой муж? — внезапно указала она на Влада. Я кивнула. — Твоя подруга сказала, что он пытается всех спасти. Он хороший?

— Очень. — Я почувствовала, что начинаю плакать.

— Пусть ему скажут ничего не предпринимать. Ты умеешь водить? Поехали к ним.

Мы сели в машину, и уже в дороге я позвонила коллеге Влада, сказала, что у нас есть важная информация по поводу преступника и попросила соединить.

— Влад, я везу к вам Лену!

— Какую Лену?

— Жену! Жену Серафима.

— Света, мне не до шуток, ты спятила? Он её убил и бросил труп в багажнике.

— Нет, послушай... Кира пустила её в своё тело.

— Нужно, чтобы меня пустили к нему, — твёрдо сказала Лена.

— Это невозможно. Он тут может всё к чертям взорвать. Мы пытаемся вывести людей, а не нагнать ещё больше гражданских. И уж тем более я не хочу, чтобы ты появлялась рядом.

— Скажи, что Кира — его психотерапевт, — выпалила я.

— Ты же говоришь, что это не Кира, а Лена?

— Да какая разница, об этом же никто не знает! Им нужно дать поговорить.

— Хорошо, но ты останешься в машине. Это не обсуждается.

Света, вцепившись мёртвой хваткой в руль, согласилась, и Лену пропустили.

— Я буду с ним говорить, постараюсь отвлечь. Выведите столько людей, сколько сможете, и уходите сами.

— Лена, что ты собралась делать? — спросила я.

— Он должен получить по заслугам. — Её челюсти сжались.

В этот момент я испугалась: Лена решила убить и его, и себя. Но при этом она могла убить тебя, Кира, ведь всё ещё была в твоём теле.

— Лена, ты помнишь, что у вас с Кирой сделка? — аккуратно поинтересовалась я.

— И я выполню условия. Никто не погибнет.

— Никто — значит, и Кира тоже.

Лена замерла и посмотрела на я.

— То есть я не смогу отомстить?

— Отомстим мы, — сказал Влад. — Мы уже нашли её... то есть твоё тело. За одно это он бы сел на всю жизнь. А сейчас ему ещё и терроризм светит. В том торговом центре полно детей. Знаешь, что с ним сделают в тюрьме за попытку убийства детей? Зэки нынче крайне принципиальные. Поверь мне, если ты его убьёшь — это станет для него избавлением. Отдай его мне.

Лена задумалась, а потом кивнула.

— И я провёл её внутрь, — заключил Влад, пока Кира внимательно слушала рассказ. — Серафим её сразу узнал.

Кира кивнула. Всё верно. Так и должно было быть. Она знала, что Лена найдёт способ достучаться до обезумевшего мужа.

Кире хотелось свернуться клубочком и забыть про это всё. Оставить Лену, Серафима и собственное путешествие в бездну в прошлом. Но, вопреки себе, она попросила Влада

продолжить рассказ.

— Вы привели ведьму? Она бесполезна, — крикнул мужчина и выше поднял руку с детонатором.

— Сераф? — мягко позвала Лена.

Он замер. Только один человек называл его так.

— Нет, не может быть, ты не...

— Тебе не стоило бросать меня там, — сказала Лена. Сераф побледнел. — Я ждала тебя. До самого конца. И после тоже, — едва слышно добавила она.

— Лена? — ошеломлённо проговорил он и отшатнулся от неё. — Как это возможно? Я думал, что я... думал, что ты...

— Но я здесь. — Лена сделала ещё один шаг вперёд. Влад попытался её удержать, но она отмахнулась. — Ведьма впустила меня в своё тело.

Из глаз Серафима потекли слёзы.

— Ты вернулась.

— Конечно, я вернулась, Сераф. Я люблю тебя. Без тебя я не найду покой ни на этом свете, ни на том. Мы должны быть вместе, — её глаза блестели. Влад задумался над тем, насколько искренне звучали её глаза. Чего она добивалась? Мести? Слушая Лену, Влад слышал только любовь и горечь сожаления. Вот только способна ли эта любовь спасти Серафима от той обиды, что таилась за ней?

Свободной рукой Серафим вытер сначала соплю, а потом слёзы.

— Ленк, прости меня. Я не понимаю, как так получилось, я этого не хотел, клянусь! Я уехал на работу. А там у начальника был юбилей. Ну мы и отметили. И наша секретарша, Алёнка...

— У которой маленький ребёнок?

— Да. Да. Вроде да... Я не помню. Она... Она пошла в туалет, и я пошёл за ней. И она мне отсосала. И я подумал, что, чёрт... Не приковывать же мне и себя к батарее? Кто тогда нас кормить будет? — Он хохотнул и шмыгнул носом.

— То есть ты мне изменил? — Лена склонила голову набок.

Сераф расхохотался.

— Ты — совсем как ты.

— Что бы это значило? — спросила Лена.

— У тебя её лицо. И тело. Но говоришь и двигаешься ты совсем иначе. Как говорила и двигалась до всего этого.

— До того, как ты обвинил меня в измене, а потом трахнул секретаршу?

— Стой, стой! — замахала рукой Кира, внезапно заинтересовавшись рассказом. — То есть она обвинила его в измене, а не в том, что он избивал её и посадил на цепь?

— Похоже на то, — пожал плечами Влад.

Кира посмотрела на Свету.

— Это нормально?

— Ты спрашиваешь, нормально ли, что мёртвая женщина в теле моего шефа обвиняет своего мужа-убийцу, обвязанного взрывчаткой, в том, что он ей изменял? Прости, конечно, но, на мой вкус, это самое нормальное во всей истории.

Кира несколько секунд удивлённо смотрела на Свету, а потом рассмеялась.

— Может быть, ты и права. Продолжай, — попросила она Влада.

— Так вот. Лена расспрашивала Серафима о том, почему он не пришёл тем вечером домой. Он говорил, что собирался, но эта секретарша, а потом наступило утро — и пора было на работу. Сказал, что вечером хотел её освободить. Понял, что перегнул. А пока она заговаривала ему зубы — мы стали выводить людей. По одному, по двое. Максимально тихо и беззвучно. Лена обходила Серафима по большому кругу, пока он не оказался спиной ко входу. И мы смогли вывести всех. Он был... одержим. Смотрел на неё, как замороженный. В итоге в помещении остались только они, мы с сапёром и снайпер.

— Когда я пришёл и понял, что ты мертва, я хотел убить себя. Я ведь люблю тебя больше жизни!

— Я знаю, Сераф. Я тоже тебя люблю.

— Но я думал, что ты мне изменила! И разлюбила! Я не мог умереть, не узнав наверняка. Поэтому я положил тебя в машину и поехал к этой ведьме. Она сказала мне, как сильно я ошибся, что я наделал. Я не могу жить с этим грузом, Лена, не могу...

— Поэтому, ты пришёл сюда убить ещё больше людей?

— Тут мы поженились, помнишь? — Он внезапно сменил тему и улыбнулся. — В этом атриуме играл вальс, и мы танцевали, помнишь?

— Конечно, — улыбнулась Лена. — Вальс из «Анастасии». «Как узор на окне снова прошлое рядом», — напела она.

— Ты была так чиста и прекрасна в тот день! Я так любил тебя тогда... А потом вся эта история с изменой... Когда ты перестала быть чистой и прекрасной?

— Но я тебе не изменяла. И ты это знал, — возразила Лена.

Сераф растерянно огляделся по сторонам.

— Постой... А где все? Куда все ушли? — заорал он. — Ты! — указал он на Лену. — Ты никакая не Лена! Ты та ведьма пришла меня отвлечь и обмануть!

В этот момент выстрелил снайпер, а сапёр, который был уже совсем рядом, прыгнул между тобой и им и закрыл тебя от взрыва.

— С ним всё хорошо? — спросила Кира.

— Да. У нас есть протоколы. Когда поняли, что будет взрыв, мы успели установить противоударные экраны и отойти со снайпером в укрытие. И сапёр был в защите. Он ранен и в больнице, но выживет — экипаж и экраны приняли удар на себя. Он сумел оттолкнуть тебя за колонну. Прогремел взрыв. Внутри, конечно, всё побили, но никто из людей не пострадал. Кроме самого Серафима, конечно. Он умер на месте.

— Всё как она и хотела, — кивнула Кира. — Отомстила.

— Она могла тебя убить, — заметила Света.

— Но я тут, — улыбнулась Кира.

— Ты знаешь, она пыталась сбежать в твоём теле. Хорошо, что взрыв оглушил её и я смогла снять платок. А то искали бы тебя потом с собаками.

— Не долго бы пришлось искать, — поморщилась Кира. — Наша сделка была ограничена определёнными событиями. Если бы она нарушила её условия — то вернулась бы... туда, откуда я её вытащила.

— А ты бы вернулась в своё тело?

— Скорее всего, да. Но я не уверена, — покачала головой Кира. Скорее всего, тело бы не выдержало такой нагрузки и разрушилось.

Призраки, лишённые своей телесной оболочки, могли заимствовать чужие. Но они расходовали ресурсы организма-хозяина гораздо быстрее, чем в нормальной жизни. И буквально через несколько дней наступает смерть. Формально не нарушив сделку, Кира бы просто не смогла вернуться в себя. Потому что возвращаться было бы некуда. Даже сейчас она чувствовала дикую усталость. Ей потребуется много времени, чтобы восстановиться.

— А что стало с Леной? Она теперь свободна? — спросил Влад.

— У тебя остался её шарф? — поинтересовалась Кира у Светы.

Та кивнула и достала из сумочки перепачканный шарфик. Кира взяла его в руку — и ничего не почувствовала. Понюхала. Тонкий, едва заметный, исчезающий след. Она улыбнулась. Упокоенных с миром и обретших прощение в безвременье нет.

— У неё всё хорошо, — сказала она Свете и Владу. — Теперь всё точно хорошо. А теперь отвезите меня домой, пожалуйста. Я так сильно хочу спать...

Интерлюдия 2. Бунтарка

Кира бросила сумку на кресло, а сама завалилась на диван. С покатою спинки ей в руки соскользнула книга. Кира провела пальцем по обложке и поддела мизинцем закладку.

Песчаный мир сильных людей и грязных космических интриг моментально увлёк её. Она знала книгу наизусть и встречала знакомые повороты сюжета, как старых друзей. Повороты сюжета в жизни юного наследника титула занимали её гораздо больше реальных историй однокашников из её выпускного класса школы.

Когда резкий звук телефонного звонка вырвал её с приёма у герцога, она недовольно моргнула несколько раз, возвращая себя в реальность. Телефон продолжал надрываться. Вселенная книги отступала. Комната вокруг вновь обрела материальность. Кира поняла, что она всё ещё одна дома и на звонок никто не ответит. Она с неохотой встала с дивана и подошла к телефону.

— Алло, здравствуйте, а Киру можно? — раздался из трубки гнусавый голос.

Одноклассница Рита. Кира вдруг очень остро захотела просто положить трубку. Но вместо этого она сказала:

— Привет, Ри, это я.

— Ки! — подруга обрадовалась. — Пойдём гулять?

— Не, я не могу.

— Почему? — удивилась Рита. — Второе сентября, уроков нет. Что ты делаешь?

— Музыкалка, — соврала мгновенно Кира. — Мне надо подготовиться. Этюды там поиграть. Пальцы совсем деревянные после лета. Училка убьёт завтра.

— Понятно, — вздохнула Рита. — Позвоню Вике.

— Давай. — Кира почувствовала укол ревности, но слишком слабый, чтобы заставить её передумать. Она положила трубку и вернулась к чтению.

Несколько часов спустя её потрясли за плечо.

— Кира! Ты чего не отзываешься? — над ней стояла бабушка.

— Я не слышала. — Кира бросила взгляд в окно. Сгушались сумерки.

— Почему ты валяешься с книжечкой? А уроки?

— Второе сентября же, — удивлённо моргнула Кира.

— И что, уроки делать не надо?

— Так не задали ничего. — Кира села, с сожалением откладывая книгу.

— Это значит, что можно бездельничать? А потом опять четвёрки начнёшь носить?

— Нам ничего не задали, — повторила Кира и протиснулась мимо бабушки.

— У тебя вечно отговорки. Если бы училась так, как споришь, то у нас бы не было таких проблем!

— Каких проблем-то? — Кира повысила голос.

— Каких проблем? Ты считаешь, что четвёрки по русскому, математике и физике в году — это не проблемы? Совсем скатилась.

— Мне норм, — ответила Кира.

— Тебе норм? Быть как все и даже хуже — тебе норм? Я звоню отцу!

Кира глубоко вздохнула.

— Я повторю математику, — сказала она, ненавидя себя и свою неспособность защитить себя и повлиять на ситуацию. Но больше всего она чувствовала усталость. «Кира то, Кира сё, Кира, Кира, Кира, Кира...» В какой-то момент звук собственного имени стал вызывать отвращение. Где-то за глазами начинала пульсировать тупая боль. Было проще согласиться со всеми условиями, чем спорить. Но бабушка уже набирала номер. Кира зажмурилась. Сейчас начнётся.

— Раньше надо было думать, когда пререкаться начала! Тёма? Да, здравствуй, сынок. Как дела? Да всё нормально, вот пришла домой, Кира валяется на диване, книжечки почитывает. Не знаю, говорит, что не задано. Повоспитывай её. Сейчас, — бабушка протянула Кире трубку и сказала тоном, в котором слышалось «Мне жаль, но я тебя предупреждала»: — Иди поговори с отцом.

Кира представила, как отказывается брать трубку, хватается плащ и убегает на улицу. Находит Риту — она знала, где искать подругу. Наверняка у старого кинотеатра в парке сидит и читает или пишет какой-нибудь фанфик. Она разрешит остаться на ночь, наверняка разрешит... Хотя... родители сдадут. Они же хорошие девочки, не сбегают из дома, не нарушают правил. Кире некуда идти. Чувствуя собственную беспомощность, она взяла трубку.

— Привет, пап. — Она старалась говорить спокойно, но голос дрогнул от напряжения.

— Привет, — отрывисто поздоровался он. — И что ты мне скажешь?

— Ничего.

— Ничего... Какого чёрта ты бабушке нервы мотаешь?

— Да как я их мотаю? Я никого не трогала!

— Заканчивай огрызаться, я сказал. Совсем совесть потеряла. Ну-ка живо за уроки!

— Но нам не задали ничего! Второй день в школе! — Слезы предательски потекли по щекам. Кира со злостью их вытерла. Она знала, что если этот разговор продлится чуть дольше, справиться с всхлипами будет сложнее. Бабушка стояла рядом и наблюдала за ней.

— Я сказал, быстро села решать математику! Уже все логарифмы выучила?!

— Но мы ещё не...

— Это твоя подружка может себе позволить ни черта не делать, потому что она головой думать умеет. А тебе надо всё задницей высидывать. Живо за уроки и пахать, я сказал! И чтобы бабушка мне больше не звонила с жалобами на тебя!

— Да как я могу запретить ей тебе звонить? — Кира оставила попытки справиться со слезами. — Ей вечно всё не так!

— Если ты сейчас же не замолчишь и не пойдёшь за уроки, я приеду и всыплю тебе, ты меня поняла? — жестко оборвал её отец. Кира молчала. — Я тебя не слышу. Ты язык, что ли, проглотила?

— Я поняла, — промямлила Кира.

— Что ты поняла? Повтори! Ни черта ты не поняла, всё по пятьсот раз надо объяснять.

— Что надо пойти делать математику... **НО Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ, НА НИЧЕГО НЕ ЗАДАЛИ!** — внезапно для самой себя закричала она.

Бабушка заломила руки и прижала ладони к щекам.

— Кирочка, не плачь, — бросилась она к ней. — Дай мне трубку.

С другой стороны провода на неё орал отец. Она пыталась увернуться от рук бабушки, потому что знала: надо выслушать до самого конца всё, что он хочет сказать.

— Так же нельзя, что вы кричите? — продолжала охать бабушка, а отец продолжал орать.

— ...мыть подъезды и курить траву с бомжами!

Кира продолжала рыдать.

— Тёмочка, так же нельзя! — Бабушка выхватила трубку.

Повисла тишина, которую нарушали только на удивление громкие гудки. Отец бросил трубку. Кира, как замороженная, смотрела на телефон.

— Довольна? Ты довольна? — Бабушка потрясла трубкой и вдруг схватилась за сердце. — Ой... ой-ой.

— Что с тобой? — Кира шагнула к ней.

— Сердце, рука... — Бабушка вдруг начала оседать на пол.

Кира подскочила к ней и подхватила за локоть, помогла сесть в кресло.

— Принеси мне водички, пожалуйста, — попросила бабушка. — И валидол. Вы меня в могилу загоните со своими уроками.

Час спустя, когда всё успокоилось, Кира сидела за своим рабочим столом. Коленки больно упирались в напиханные под него книги, но Кира сидела, не шевелясь. Эту боль она заслужила. Перед ней лежали открытый учебник математики и чистая тетрадь. Поверх неё — другая, на половину исписанная неаккуратным почерком Киры. Буквы прыгали вверх-вниз. «Как курица лапой», — вечно говорила мать, глядя на её почерк. Киру и саму он бесил, но другого у неё не было. Она писала в каждой строке, не оставляя полей. После ей нравилось переворачивать плотно исписанные, тяжёлые страницы и слушать, как они хрустят. Кира, дописав очередной смысловой кусок, могла долго сидеть и просто листать их, нюхая чернила и слушая шуршание.

На страницах её тетради был совсем другой мир. Собственный мир, где у неё, у Киры, были силы. Где она могла на что-то повлиять. Там она была дочерью короля — любимой дочерью. Ей подчинялись армии. Ей благоговели подданные. Она принимала мудрые решения и вечно расхлёбывала дерьмо, заваренное всякими идиотами, окружавшими престол.

— Кирочка, иди за стол, — позвала бабушка. — Дедушка тоже уже моет руки.

— Сейчас, — отозвалась Кира и продолжила писать.

На последней фаланге среднего пальца появилось красное пятно, которое вроде бы начало проходить за лето. За два часа письма оно вернулось. Ручка была слишком тонкой. Нужно купить другую и перестать так сильно давить на неё. Первое — решаемо. Второе с Кирой навсегда.

Сегодня юная принцесса подавила восстание против отца. В тронном зале он награждал её на глазах у всего народа.

— Кира! Я не буду весь вечер стоять у плиты!

— Ну и не стой, — буркнула Кира. — Как будто тебя кто-то просит...

— Что ты говоришь? — В голосе пророкотала угроза. Помня о недавнем скандале и не желая спровоцировать новый, Кира убрала свою «книжку» в рюкзак и с сомнением посмотрела на чистый лист тетради по математике, где должны были появиться формулы за те три часа, что она провела за этим столом. Но там появилась только дата.

— Кира! Мне ещё пять раз повторить? Да что я как прислуга в этом доме! — Что-то с звоном полетело в раковину.

Она встала из-за стола. Под коленками были красные горизонтальные полосы, надавленные за время сидения. Кира вздохнула и пошла на кухню.

Пахло вкусно. Бабушка поджарила курицу и картошку — тоненькими кружочками, которые красиво зажарились по бокам до золотистой корочки. Бабушка выложила всё на тарелку, украсила зелёным горошком и маслинами. Дедушка уже сидел за столом. Они с бабушкой обсуждали каких-то партнёров по бизнесу, которых Кира отдалённо знала и когда-то встречала у них дома, когда они приезжали к бабушке на встречи. Несколько лет назад дедушка уволился с текстильной фабрики и открыл собственную фирму по продаже металла.

— Чай с лимоном, Кира?

— Да, пожалуйста. — Девочка подцепила кружок картошки и отправила её в рот. Вкусно.

— Математику сделала?

Кира поперхнулась. Бабушка тут же налила ей стакан сока. Кира запила и кивнула.

— Как в школе дела? — спросил дедушка.

— Мы два дня учимся только, — Кира усмехнулась, — никаких дел пока нет.

— Тебя никто не обижает? — спросил дедушка.

Кира с теплотой посмотрела на него. Хоть кому-то интересны не только её жуткие промахи в виде четвёрок в году.

— Нет, — покачала она головой.

— Учителя не занижают оценки? — продолжил дедушка, и Кира поняла, что он спрашивал не про друзей. Она вспомнила, что когда-то, кажется, много жизней назад она маленькая лежала у него на животе, а он рассказывал ей про НЛО, инопланетян и жизнь на других планетах. Что-то он придумывал на ходу — но в вымысел искусно вплетал факты про чёрные дыры и звёздное вещество, про галактики и снимки с телескопов. Вместе они ждали 2000-й год: новый год, новый век, новое тысячелетие. Дедушка говорил, что Кира ещё может застать празднование нового столетия — он верил, что люди смогут добиться очень, очень долгой жизни. Кира смеялась и говорила, что, конечно, дедушка тоже его застанет. Ведь бесконечно долгой жизни осталось ждать совсем недолго. Да и со смертью она была знакома только по книгам и фильмам. Кира засыпала под рассказы дедушки, и ей снился космос. Огромное ничто не пугало её, а скорее манило. Она любила летом, сидя в траве после дедушкиных вечерних рассказов утром смотреть на капельки росы и представлять космос наоборот: многочисленные миры-матрёшки в маленьких капельках.

Однажды она рассказала об этой игре маме. Та лишь дёрнула плечами.

— Это страшно, — сказала она. — Понимать, насколько ты ничтожный и хрупкий.

Кире это не казалось страшным. Её манила эта неизвестность... и ценность

собственной жизни, ценность момента. Как из всех миллионов, миллиардов возможностей получилась именно она? Почему именно здесь и сейчас?

— ...а не четвёрки приносить, — заканчивал дедушка какую-то мысль.

— Ты музыкой сегодня не занималась? — спросила бабушка.

— Нет, — кисло ответила Кира.

— Вот так вот! — Горькое торжество в голосе бабушки и вечное «я так и знала, можно было и не спрашивать» между строк.

— Сейчас поиграю, — вяло отозвалась Кира. Спорить не было сил и желания.

— Какой поиграю, одиннадцатый час!

— Я тихо. На педали.

— Не придумывай. Раньше надо было делами заниматься, а не книжечки читать по сотому разу.

Кира видела, что движения бабушки становились угловатыми и отрывистыми. Она знала, к чему всё идёт, поэтому постаралась доесть всё как можно скорее и ретироваться из кухни. Грязную посуду она составила в раковину (бабушка помоеет) и скрылась у себя в комнате. Писать больше не хотелось. Кира разобрала диван и завалилась на него. Пружины протестующе заскрипели. Затем достала книгу.

— Кира! — позвала бабушка. Та закатила глаза. Её когда-нибудь оставят в покое?

— Чего? — крикнула она, не вставая.

— Ложись спать! Завтра вставать рано.

Кира услышала, как пищит таймер на плите. У них не было будильника. И каждый вечер бабушка считала, сколько им осталось спать, чтобы завести таймер на плите, который будет тонко и мерзко пищать следующим утром, пока кто-нибудь не подойдёт и не заставит его замолчать. При этом проснутся все — даже те, кому ещё слишком рано вставать. Но будильник всё равно никто покупать не думал.

Кира выключила свет и забралась под одеяло.

В её мире, где она была принцессой, имелся генерал королевской стражи. Высокий, черноволосый с ледяными серыми глазами. Его все ненавидели за мерзкий характер. Но принцесса Кира знала, что это маска, защитный механизм. Однажды вечером она прогуливалась в саду и встретила с ним там. Он был на службе.

— Вы не возражаете, если я составлю вам компанию? — спросила принцесса.

— Что вы, миледи. — Его тон оставался вежливым, хотя челюсти плотно сжались.

Принцесса усмехнулась.

— Вы сами проводите патрулирование?

— Непокойные времена, миледи. Моим солдатам лучше знать, что я рядом.

В этот момент раздался смешной тонкий звук, и генерал сбил Киру с ног. В дерево, где только что была её голова, воткнулась стрела.

Генерал поднял тревогу, сгрёб принцессу в охапку и затащил в замок.

Кира подумала, что надо будет завтра раскрыть эту сцену подробнее, но пока...

Пока генерал постучал в дверь покоев принцессы. Фрейлина пустила его. Принцесса сидела перед зеркалом, на ней был тонкий шёлковый халат. Она сама причёсывала свои длинные рыжие локоны.

— Миледи, — генерал смутился, — прошу прощения, что потревожил. Я пришёл проверить, не поранил ли я вас.

Принцесса поднялась на ноги. Она казалась маленькой и хрупкой рядом с ним в полной

экипировке.

— Генерал, если бы не вы, я бы была не ранена, а мертва. — Она посмотрела ему в глаза и сделала ещё один шаг к нему. — Оставьте нас, — приказала она служанкам.

С тихим шорохом девушки выскользнули из покоев.

— Что ты делала ночью на улице? — Злость наконец-то прорвалась через его маску спокойствия. — Если бы меня не было рядом?

— Но ты был, — она положила руку ему на грудь, — и я искала тебя в саду.

— Принцесса, — выдохнул он, — если с тобой что-то случится...

— То мой отец будет крайне недоволен, — улыбнулась она и принялась снимать его доспехи. — Впрочем, если он узнает...

Генерал подхватил её на руки.

Рука Киры скользнула в трусики. Думая про смелого генерала и нежную принцессу, она ласкала себя. Несколько минут хватило, чтобы оргазм спазмом сжал её тело. Пружины скрипнули, но Кира их уже не слышала. Она уснула в волне наслаждения и долгожданного покоя.

Утром они с Ритой шли по коридору школы, шёпотом обсуждая, что, похоже, их одноклассница трахалась с первокурсником.

— Это жуть! — Голубые глаза Риты были распахнуты в ужасе. Но Кира видела, что за её осуждением читалась зависть. В одиннадцатом классе они делали вид, что девственность была их выбором. Но у Киры имелись серьёзные подозрения, что именно их с Ритой выпускной будет записан как самый скучный в истории человечества. Парни, казалось, не интересовались ни одной из них.

— Кира! — Классный руководитель оказалась у неё за спиной. — Ты почему снова не в форме? Мне это надоело. Десять лет я с тобой борюсь. У тебя же выпускной класс!

Вокруг них собирались другие школьники. Сериал «Кира и школьная форма» был любимым в их потоке. Чуть в отдалении стоял Лёша. У него были такие же жёсткие тёмные волосы и ледяные глаза, как у генерала принцессы.

Киру вдруг захлестнули азарт и злость. Она посмотрела в глаза классной руководительнице.

— Если вас не устраивает, я могу это снять, — сказала она. — Прямо здесь.

Парни захохотали и заулюлюкали в голос, поддерживая её утвердительными выкриками. Щёки Киры вспыхнули. Она гордо вздёрнула подбородок, глядя на панику и растерянность в глазах классной руководительницы. Она сделала шаг вперёд.

— Нет? Я так и думала. Пропустите. — И она прошла сквозь толпу в кабинет.

Прозвенел звонок.

— Кира, красавица! — крикнул кто-то. Ученики рассаживались. Учителя всё не было.

— Будут проблемы, — заметила Рита, усаживаясь рядом. — Но получилось хорошо.

— Да пошла она, — отмахнулась Кира. — Что она мне сделает? Родителей вызовет в школу?

Распахнулась дверь; в кабинет ворвалась классуха и директриса.

— Ты! — Классуха направила палец на Киру. — Встать! Совсем совести нет?! Где ты собиралась раздеваться? Из тебя десять лет делали леди, а вырастили... шлюху! — последнее слово она выплюнула с презрением.

Классная и директриса наперебой читали мораль. Кира смотрела в окно, не слыша ни одного их слова. Постоянные крики дома позволили ей выработать иммунитет ко всем этим

чтениям морали. Чем громче было вокруг, тем глубже Кира уходила в себя. Она думала о том, как вечером откроет книгу, будет читать... или писать. Миры на страницах её привлекали гораздо больше того, что был вокруг. Того, где её отчитывали на весь класс за острый язык и юбку серого, а не чёрного цвета.

— Кира! Садись. — Рита дёрнула её за руку. — Уже всё.

— Спасибо, — улыбнулась та. — Что было?

Рита тихо засмеялась.

— Ни слова не слышала?

— Не, — отмахнулась Кира. Рита прекрасно знала об этой её способности прятаться в себя и моментально вычисляла отсутствующий, стеклянный взгляд.

— Вы ещё мне поболтайте! — гаркнула классная, и девушки, хихикая, уставились в тетради.

В тот день у бабушки не было учеников, и, придя домой, Кира обнаружила её на кухне. Та хлопотала у плиты, что-то напевая.

— Кирочка пришла, — улыбнулась она. — Как твой день?

— Опять из-за формы был скандал. — Кира села за стол и взяла с тарелки булочку, откусывая кусок. Бабушка тут же поставила перед ней кружку с горячим какао.

— Да ну их, — усмехнулась она. — Лучше бы учили детей нормально, а не военщину воспитывали.

Кира рассмеялась и рассказала ей про сцену в коридоре. Она была так увлечена булкой и рассказом, что не сразу заметила, как бабушка перестала готовить и теперь стояла над ней, внимательно слушая.

— Как она тебя назвала? — прищурилась она.

Кира выругалась про себя. Вечно её язык без костей. И надо было рассказать! Лучше бы молчала. Сейчас начнётся...

— Ну, она не меня именно. Она сказала «вырастили шлюх»...

Дальше события развивались очень быстро. В течение часа дома собрались все, бросив работу: отец, мать, дедушка, бабушка. Они позвонили Рите — узнать её версию происходящего. Бабушка постоянно подливала Кире горячий чай с мёдом и успокаивала.

— Ну ничего, ничего, я до неё доберусь, — шипела она.

— Да всё нормально. — Кира попыталась встать, но её толкнули обратно на стол и вручили очередную кружку чая.

— У ребёнка травма! — кричала бабушка.

— У меня нет...

— Её должны уволить! — Дедушка стукнул кулаком по столу.

— Да мне надо было...

— Ты завтра в школу не идёшь, — сказал отец.

— Почему? — Кира перестала понимать, что происходит.

— Потому что у тебя травма. Нам надо с этим разобраться. — Мама положила ей руку на плечо. — Ничего, малыш, всё будет хорошо.

Кира снизу вверх смотрела на лица членов своей семьи, настроенной воевать. Впервые в жизни они все вместе дружным, единым фронтом шли отстаивать её. Защищать её. Все эти люди бросили свои дела, чтобы сказать всей школе, всему миру, что она была права?.. Кира почувствовала, как на глаза навернулись слёзы.

— Вот видите! — Бабушка указала на неё. — Довели ребёнка до слёз! Я не позволю.

чтобы эта скотина работала в школе!

Кира не пошла в школу на следующий день. И в тот, что был за ним, тоже. Рита звонила и рассказывала ей новости. Пока Кира валялась с утра до ночи с книгой на диване (родные настолько уверовали в её травму, что даже с уроками не приставали), скандал набирал свои обороты. Всех учеников опрашивали, пытались узнать, что на самом деле сказала Кира, что ответила классная и что было потом.

— Классуха сказала на весь класс, что твоя бабка неадекватная. Я сказала, что она не бабка, а бабушка, и выбежала из класса, — рассказывала Рита.

— Ага, спасибо. — Кира безразлично водила пальцем по узору на обоях, хотя и была благодарна подруге за то, что та на её стороне. Скандал затягивался. Ей становилось скучно.

Всю жизнь Кира чувствовала себя одинокой. Кроме Риты, у неё подруг не было. Но она воспринимала Риту как нечто само собой разумеющееся — видимо, потому что тоже была её единственной подругой. Они словно были двумя тенями в классе, старались держаться от всех подальше. Остальные ученики, в свою очередь, тоже не интересовались подругами. Девочки казались одноклассникам весьма скучными... или просто-напросто незаметными. И Кира всё это время жила под своим личным куполом. Чувство изоляции стало частью её личности настолько, что она перестала его осознавать.

Но в один миг она сделала шаг из тени на свет, и лучи всех прожекторов оказались направлены на неё. Люди, с которыми она училась десять лет с первого класса, вдруг узнали её имя и заметили её существование. По словам Риты, нашлись те, кто открыто выступил на её стороне — и их было большинство. Вдруг оказалось, что она вовсе не невидимка. Она была той самой принцессой на горе, подход к которой все считали слишком сложным, — проще было держаться подальше. А сейчас вдруг всем захотелось оказаться рядом с ней.

И Кира нежилась в этом внезапном внимании, как сытая кошка на солнышке. Ей не терпелось наконец-то появиться в классе во всей красе, в неизменной серой юбке. Возможно, даже покрасить ногти.

Вечером третьего дня бабушка пришла домой.

— В понедельник в школу.

— Ура, наконец-то! — обрадовалась Кира. Она представила, как входит в класс победительницей.

— Мы перевели тебя в другую, — сказала бабушка.

— Что? В какую? — Мир вдруг остановился. — Что ты сейчас сказала?

— Что я перевела тебя в другую школу. В гуманитарную гимназию.

Кира отшатнулась.

— Как в гуманитарную? Я готовлюсь к поступлению в мед! — Её голос сел, вместо слов вырывались только сиплые звуки.

— Они не хотят увольнять эту тварь. И ты будешь держаться от неё подальше. Заодно закончится эта твоя блажь с медициной.

Кира отступила на шаг.

— Нет, — сказала она.

— Да! Десять лет тебе позволяли делать что хочешь, и посмотри, куда это тебя завело! Мы так надеялись, что ты одумаешься и сделаешь правильный выбор. Ты должна стать дипломатом, повидать мир, а не чужие кишки рассматривать.

— Нет, — прошептала Кира. — Нет, нет, нет! Что вы наделали! Я не хочу!

— Эта тема закрыта, ты меня поняла? Документы уже оформлены. — Бабушка схватила

её за ухо и больно вывернула его. — Я тебя спрашиваю, ты меня поняла?

Кира завывла.

Утром понедельника она в своем сером костюме стояла на пороге новой школы. В ней не было формы. Не было знакомых. Не было привычного расписания и десяти часов химии в неделю. Зато был французский, на котором Кира — благодаря своим «книжечкам» — могла сказать, что не ела шесть дней.

«Это враг. Школа — враг. Система — враг. Я одна. Теперь действительно одна».

Она гордо вздёрнула подбородок и вошла в ворота, окутанная драмой.

Принцесса со страниц тетради в рюкзаке Киры шла к престолу нового монарха под торжествующими взглядами тех, кто ещё вчера ей завидовал.

У Киры не осталось никого в обоих мирах.

Глава 4. Мастер

— Как твои кошмары?

Кира чувствовала себя неудобно с непривычной для себя стороны стола.

Как у психологов есть супервизоры, так же они есть и у представителей её профессии. Они не настолько востребованы. Обычно после окончания обучения связь между учителем и учеником ослабевала и оставалась атрибутом памяти. Но в тяжёлых ситуациях было принято обращаться именно к своим бывшим учителям. У них не было какого-то конкретного названия. Собственно, как и у самой профессии.

Кем была Кира?

Тарологом? Область её умений была гораздо шире просто гадания на таро.

Прорицательницей? Этого слова она избегала всеми силами. Судьбы нет. Кира усмехнулась про себя. Человек, который каждый день помогал людям заглянуть в будущее, отрицает судьбу? Смешно.

Кира представляла себе будущее бесконечным веером. Ниточки убегали вперёд, и каждое принятое решение человека уменьшало и одновременно увеличивало количество вариантов развития будущего. Всё, что делала она, — это помогала своим клиентам осознать уже принятые решения и проанализировать, к чему они приведут. При этом, конечно, нужно учитывать, что никто из нас не остров — жизни людей связаны между собой и влияют друг на друга. Поэтому даже самое точное предсказание может не сработать просто потому, что одно из действующих лиц погибнет под колёсами фуры. По этой же причине она никогда не смотрела веер глобальных событий. Когда изобретут лекарство от рака? Когда закончится война? Кто победит на следующих выборах? Впрочем, по последнему вопросу никакие прорицания не нужны.

Некромант? Ха.

Саму себя Кира идентифицировала как ведунью. А женщину, сидящую напротив, называла Мастером. И всегда чувствовала себя неудобно в её присутствии. Сегодня — особенно.

Не дождавшись ответа, Мастер спросила:

— Ты не спишь, не работаешь... Как ты восполняешь энергию?

Кира чувствовала себя школьницей, не выполнившей домашнее задание. После возвращения из персонального ада Лены прошло три месяца.

Сначала Кире казалось, что она просто устала и надо отоспаться. И она действительно

спала. Спала несколько суток подряд, пока её не выдернули из сна колотящие в дверь Света и Влад. Пока Света готовила завтрак, Кира опять уснула так крепко, что Владу пришлось встряхнуть её за плечи, чтобы разбудить. Ребята решили, что оставлять её одну нельзя, и с тех пор она жила у них на диване.

Примерно неделю Света боролась с постоянной сонливостью Киры. Будила её, заставляла есть. Чем дольше это тянулось — тем раздражительнее становилась Кира. Она язвила, грубила и отказывалась хоть как-то взаимодействовать с внешним миром.

Понимая свою природу, она осознавала, что лишает себя источников энергии, тем самым вгоняя ещё глубже в энергетическую яму. Заставляя волноваться Свету и Влада, она, конечно, подпитывалась их страхом, но этого было мало. И источник постепенно иссякал. Кира понимала, что нужно остановиться, — но не могла.

В какой-то момент всё изменилось само.

Кира проснулась посреди ночи от звука. Ветер выл в приоткрытое окно.

— Света, — прорычала Кира и неохотно выбралась из-под одеяла. По холодной плитке подошла к окну... Но оно было закрыто. И стояла она на ковре. На востоке занималась заря. Удивлённо встряхнув головой, она вернулась в постель. Большой той ночью она не уснула.

Утром она встала первая, сходила в душ и приготовила гренки с беконом к пробуждению Светы и Влада. Гренки она сожгла и зачем-то положила сахар во все кружки кофе. Но ребята стонали так, как будто ничего вкуснее в жизни не ели.

В тот день Кира навела порядок во всей квартире, вымыла окна, а вечером рухнула в постель без сил и моментально уснула.

Несколько часов спустя она проснулась от свиста чайника.

На следующий день у неё стало болеть запястье.

Ещё через день она едва успела схватиться за ручку двери, чтобы не упасть, но не удержалась на внезапно онемевших ногах.

Теперь она постоянно куталась в пледы и халат и пыталась безуспешно согреться. Одежда, горячие напитки, тёплый душ — ничего не помогало.

— Кира, так дальше не может продолжаться, — сказала Света, прибежав на её очередные ночные крики. Теперь она просыпалась с воплями, услышав металлический лязг. — Я знаю, что ты не рассказываешь всего, что с тобой случилось, пока Лена была в твоём теле. Я даже не уверена, что смогу это понять, если расскажешь. Но должен же быть тот, кто понимает? Кто-то такой же, как ты? Ты же не единственная?

Кира усмехнулась.

— Конечно нет. И далеко не самая сильная. Есть ведунья, которой я доверяю, она меня и учила. Мастер.

— Давай ей позвоним?

Кира скривилась.

— Она не скажет ничего из того, что я бы не знала сама. Что моя связь с этим миром истончилась, что мне надо работать, иначе окончательно затянет в... другую реальность. Я это всё понимаю.

— И ничего не делаешь?

Кира вздохнула. Света была права.

— Давай попробуем. Назначь сеанс на завтра. У нас же ещё есть желающие?

Света довольно хмыкнула и открыла ноутбук.

— Есть очередь из желающих на любой вкус. Ревнивый супруг ищет любовника

жены... — Света бросила на изогнувшую бровь Киру осторожный взгляд. — Согласна, дурацкая идея. Есть подросток, который никак не может определиться — бунтовать ли ему против родителей и сбежать с подружкой или поступать в университет. Нет, это скучно...

— Вообще-то, — перебила её Кира, — это именно то, что нужно. Пусть это будет *pro bono*¹.

— Ты же не работаешь бесплатно? — удивилась Света. — И кейс скучный.

— Ты же не начинаешь грызть морковку сразу после удаления зуба. А ешь скучные пюрешки. Вот этот студент — моя пюрешка.

— Надеюсь, ты не сожрёшь его целиком. — Света явно не оценила сравнение.

— А про бесплатно... Что у нас с деньгами? — спросила Кира. Тонкие материи — это хорошо, конечно. Но связь с материальным миром всё ещё никуда не делась. Им всем всё ещё было нужно где-то жить и что-то есть.

— Ты ещё года три можешь сидеть на каникулах, — хмыкнула Света. — Душа всегда была прибыльным делом, доказано ещё две тысячи лет назад.

Кира кивнула. Жалко, что энергия — не счёт в банке. Такими темпами она и трёх месяцев не протянет.

Той ночью она проснулась от жажды. Горло драло словно наждачкой. Кира, закутавшись в одеяло, как несуразное приведение прошлёпала босыми ногами на кухню и достала бокал.

— Не спится? — раздался голос за спиной. Кира вздрогнула и выронила бокал. Он разбился со слишком громким звоном в ночной тишине.

— Ой! Я тебя не заметила. — Кира повернулась к Владу, который сидел за столом. Как она могла его не почувствовать, не понять, что он там? Её подавленное состояние накладывало отпечаток на него тоже. Привычная улыбка мужчины давно не появлялась. Под глазами пролегли глубокие тени.

— Я понял. — Он поднялся и сделал шаг к ней; Кира вжалась спиной в раковину. Влад тяжело облокотился одной рукой на столешницу, а другой — на дверцу шкафа рядом с её головой.

— И долго это будет продолжаться? — пристально глядя на Киру, спросил Влад.

— Послушай, мне нужно время. — Кира постаралась контролировать голос, чтобы он не дрожал, но с омерзением отметила собственный страх. Сейчас она ничего не может противопоставить его силе.

— Мне нужно работать, — прошипел он.

— Так работай. — Кира попыталась оттолкнуть его, но он схватил её за плечи и встряхнул.

— Я и работаю. Но это *не то*. Всё не то. Прекращай валять дурака, Кира. Ты же знаешь, что будет, если я лишусь привилегий. Ты лишишься кормушки, и все узнают, кто ты на самом деле.

— Отпусти меня, Влад, — прошипела Кира.

— Или что? — Он схватил её за волосы. Вторую руку поставил на раковину. — Чёрт побери! — Осколок бокала воткнулся ему в ладонь.

Кира почувствовала кровь. В неё хлынули страх, неуверенность и возбуждение Влада. Она вдохнула воздух полной грудью сквозь сжатые зубы и положила руки на его лицо.

— Привет, любовь моя, — Света поцеловала Влада в щёку. — Это Кира, я тебе про неё

рассказывала. — Она сделала шаг в сторону.

На пороге стояла высокая грудастая рыжуха. Влад окинул её взглядом сверху вниз и обратно. А потом встретился с её глазами. Она смотрела слегка расфокусированно. Под наркотиками? Потом вдруг её взгляд сконцентрировался. Она улыбнулась.

— Привет, Влад. Света много про тебя рассказывала.

— Взаимно, — протянул он руку для пожатия. Её хрупкая узкая ладонь утонула в его лапе. Где-то внутри шевельнулось желание обладать. Сжать эти пальцы до боли, развернуть рыжую сучку лицом к стене, задрать ей юбку... Он вдруг понял, что она знает, о чём он думает. Он понятия не имел, как она это делала, но был уверен в своей догадке. Он поспешил выпустить её руку. — Проходи, ужин уже готов, — выжал он из себя улыбку.

Её глаза смеялись.

— Благодарю. Где я могу помыть руки? — изогнула она тонкую бровь. Сука.

После ужина Кира осталась на кухне — помочь Свете с посудой. Влад наблюдал за ними из комнаты. Девушки о чём-то болтали и смеялись. Жена говорила, что у рыжей только что кто-то умер и она убита горем. Что-то не похоже она была на скорбящую вдовушку.

— Девушки, я курить. Кира, ты не хочешь?

— Да, очень кстати. — Вызов во всём: во взгляде, в позе. — Света?

— Я не курю, но вы идите. Мне осталось посудомойку загрузить, и я присоединюсь к вам, — махнула она рукой.

Кира и Влад вышли на балкон. Он прикурил её сигарету. Улыбка рыжей растаяла, как и не бывало.

— Так чем вы будете со Светой заниматься? — спросил он.

— Будем делать вид, что ничего не происходит? — спросила Кира.

— Отлично. Не будем. Ненавижу танцы. — Влад повернулся к ней лицом.

— Нам нечего делить, — сказала Кира. — Я не претендую на вашу жизнь.

— Ещё бы ты претендовала, — фыркнул он.

— Тем не менее, мы можем быть полезны друг другу.

— Чем мне может быть полезна гадалка? — Он презрительно скривился.

— Ты прекрасно знаешь, — она смотрела ему в глаза, — и понял всё ещё там, в коридоре. Я знаю правду и могу делать так, чтобы люди говорили. Понимаешь, что это значит для тебя?

Он курил и изучал её.

— А тебе-то что с того?

— Ты будешь обеспечивать меня питанием, — сказала она и посмотрела на светящийся город внизу. — Мне нужна энергия. У тебя есть доступ в места, где её много: тюрьмы, психиатрические лечебницы, больницы... Там полно всяких эмоций. Мне нужен доступ во все эти места.

— И всё?

— И Света, — добавила Кира, Владу показалось, что неожиданно даже для самой себя. — Ты будешь вести себя с ней уважительно. А не так, как... — Она скривилась, и он с удивлением увидел, какое отвращение в ней вызывал. — Если ты её обидишь, то я вырву твоё сердце.

— Да ты охренела, что ли? Она моя жена уже пять лет. А ты какая-то непонятная тёлка и говоришь мне, как себя вести?

— Я предупредила. Тронешь её — и сделке конец. — Кира внимательно смотрела на него.

Влад поджал губы и погладил бороду.

— Докажи, что говоришь правду. Тогда и будем обсуждать условия сделки.

Кира кивнула. Они вновь пожали руки. На этот раз Влад не смог понять, что скрывается за неподвижной маской на лице рыжей.

Влад открыл глаза. Кира вглядывалась в него. Усталость навалилась неподъёмным грузом, и он попятился назад. Кира следовала за ним, не отнимая рук от его лица.

— Отпусти, — теперь уже он попытался её оттолкнуть, но не смог.

— Не забывайся, — сказала она и уронила руки. Они стояли в разных концах кухни, тяжело дыша и глядя друг на друга. — Я восстановлю силу, и мы продолжим наше дело. Но мне, чёрт побери, нужно время! — Щёки Киры горели нездоровым румянцем. Он медленно кивнул. — Влад? — Она подошла к нему вплотную и прижалась всем телом. Одежда упала на пол, и он чувствовал её затвердевшие соски. Хотел отстраниться, но не смог. — Если ты ещё раз поднимешь на меня руку, то я не остановлюсь. Я тебя уничтожу, — с этими словами она подняла одеяло и вышла.

Утром они сели в белую Тойоту Светы и поехали в офис.

Его машину Кира увидела, едва они свернули на нужную улицу.

— Стой! — закричала она, и Света резко ударила по тормозам. Их обеих бросило вперёд, а потом прижало ремнями к сиденьям.

Света огляделась по сторонам, а потом крикнула, повернувшись к Кире:

— Да что с тобой не так? — Но, увидев бледную подругу, повторила вопрос гораздо мягче: — Кира, что случилось? Куда ты смотришь? — Она окинула взглядом пустую улицу.

Кира смотрела на фигуру рядом с чёрной машиной. Вероятно, он услышал скрип тормозов и повернулся в их сторону; увидел Киру и улыбнулся. Вот только на этот раз у него не было половины лица и одежда оказалась пропитана кровью. Он оттолкнулся от машины и пошёл в их сторону. Кира зажмурилась. Света продолжала что-то говорить, но она не слышала. Кира заставила себя открыть глаза: он всё ещё шёл к ним, жутко сверкая челюстью через дыру в щеке. Сейчас в него полетит крышка... Но, раз он ранен, то крышка уже была?

— Поезжай. Задом. Сейчас! — Кира схватилась за рычаг переключения передач и воткнула заднюю. Надо отдать должное Свете, она тут же нажала на газ, не задавая вопросов.

Он побежал к ним.

— Быстрее, быстрее! — орала Кира.

Света добавила газу и, чуть не въехав в проезжавшую по перпендикулярной улице машину, развернулась. С пробуксовкой она наконец рванула вперёд и выехала на дорогу.

Кира оглянулась. За ними шёл поток машин. Водитель, едущий сзади, показал им средний палец, и она смогла прочитать по его губам всё, что он орал. Но его видно не было.

— Похоже, приём надо отменять. — Света кинула на Киру быстрый взгляд, а потом перевела его обратно на дорогу.

Кира сжалась в комочек и сделала потеплее печку.

Постепенно ситуация ухудшалась. Однажды вечером Света села на кровать к Кире.

— Это предел, — сказала она. — Я не могу смотреть, как ты убиваешь себя и всё вокруг. В квартире из электроники уже ничего не работает, Влад меняет лампочки каждый день. Все цветы сгнили, и я не видела Кошку уже неделю. А мы начали болеть, Кира. У Влада проявились псориаз и аллергия, которых уже лет десять не было. У меня не проходит насморк и обострился гастрит.

— Я уеду утром, — прошептала Кира, понимая, что это нужно было сделать уже давно.

— Разрешая тебе оставаться здесь и ничего не делать для изменения ситуации, я помогаю тебе себя убивать. Но и выгонять не хочу. Позволить тебе сейчас уехать — значит подписать смертный приговор.

— Я не понимаю, — вздохнула Кира.

— Дай мне телефон Мастера.

Кира кивнула. Спорить сил не было, и она протянула Свете свой телефон.

— В избранных.

Света тут же набрала номер и протянула Кире трубку.

— Алло, — раздалось из телефона после первого же гудка. Кира вздрогнула и облизнула пересохшие губы, уставившись на протянутый ей мобильник, и закуталась поплотнее в кофту. — Кира?

Наконец она взяла телефон из рук Светы.

— Алло, — едва успела произнести она, как голос сорвался и из глаз потекли слёзы. Мгновенное облегчение накрыло её тёплой волной. Она не сдержала порывистый вздох и последовавший за ним стон.

— Понятно, — после паузы сказала трубка. — Приезжай. Через час.

— Сейчас же ночь, — одними губами промямлила Кира, но на том конце её слышали.

— А ты уверена, что дотянешь до утра?

И связь оборвалась. Света протянула Кире обе руки, но та не смогла встать. В комнату вошёл Влад — он понял всё сразу и взял Киру на руки. Она стала почти невесомой. Влад опустил её на заднее сиденье, Света села вперёд. Кира назвала адрес.

Мастер жила в посёлке в пятидесяти километрах от города. Они добрались туда ближе к полуночи. Хозяйка встречала их на пороге. Она не пошевелилась, когда Влад со Светой вышли из машины; ничем не проявила заинтересованность, когда Влад на руках вынес Киру и двинулся к её дому.

— Вы Мастер? — спросила Света.

— Вообще меня зовут Виктория. Но у Киры с этим всегда были сложности, — пожалала она плечами. — Заносите её в гостиную. Я затопила камин с особой щепой. Ей должно стать полегче.

Влад положил Киру на диван, на который указала Виктория. В комнате пахло чем-то сладковатым. Наверное, той самой особой щепой из камина. Мастер достала серое покрывало из жёсткой шерсти — колючее и тяжёлое на вид — и накрыла им Киру. Провела тыльной стороной ладони по её лицу. Вздрыгнула.

— Девочка моя...

Кира посмотрела на неё, но ничего не сказала и снова закрыла глаза.

— Поспи. — Виктория выпрямилась.

— Она не спит. Кошмары. — Света выглядела обеспокоенной.

— Сейчас поспит, — заверила её Виктория. — Вы тоже так себе выглядите. Давно она вами питалась? Пойдёмте на кухню, напою вас чаем.

— Особым? — хмыкнул Влад и тут же получил тычок локтём под рёбра от Светы.

Виктория жила в стильном доме с лаконичным скандинавским дизайном. Влад невольно глазел по сторонам, разглядывая современную кухню и лаконичную посуду ручной работы. Он почему-то подумал, что Виктория сама её ваяет, и где-то за домом есть отдельная гончарная мастерская женщины. Образ очень явно встал у него перед глазами. Влад тряхнул головой, чтобы отогнать его.

— Что, не так себе представляли избушку Бабы Яги? — улыбнулась Виктория, ставя перед ними чашки из тончайшего фарфора. — Что она вам обо мне наговорила?

— Практически ничего, — Света покачала головой, — я вообще узнала о вашем существовании совсем недавно.

— Кира всегда была очень самостоятельной. И старалась держаться особняком от себе подобных. — Виктория бросила в заварной чайник какие-то травы и залила их кипятком. Кухню тут же наполнил пряный аромат. Света обратила внимание, что Виктория рассказывает о Кире так, как обычно родители говорят о своих детях, попавших в сложную ситуацию.

— Что это? — спросил Влад.

— Просто травы, — усмехнулась Виктория. — Вернёт вам силы. Не за один раз, естественно, но я дам вам с собой. Вы, конечно, смелые люди — оставить у себя чародейку, решившую умереть.

— Она не хочет умирать, — разозлилась Света. — Мы привезли её к вам, чтобы вы помогли.

— Посмотрим. Готова спорить, что она согласилась на это только потому, что у неё не осталось сил сопротивляться. Как давно она в таком состоянии?

Света и Влад переглянулись.

— Около месяца.

— Как долго дух занимал её тело?

— Два часа.

Виктория постучала тонкими пальцами по столешнице и принялась разливать чай.

— Достаточно долго. И то, и то. Но, раз она жива до сих пор, думаю, вы правы, и она действительно хочет бороться. Эта её самоуверенность... Посчитала, что может выбраться сама. Вечно всё сама... — В её ворчании не было злобы, только досада. — Чай пейте, вам полегчает. И адрес свой скажите. Я завтра заеду, почищу вам квартиру.

— А Кира? — спросила Света.

— Кире лучше побыть тут.

— Тогда я останусь с ней, — сказала девушка.

— Интересно. Так это ты не хочешь жить, а не она? — Виктория с интересом посмотрела на Свету. — Сейчас она пойдёт на поправку и ненароком вытянет из тебя все жизненные силы. Лучше в ближайшее время держаться от неё подальше. — Виктория насыпала траву в льняной мешочек и бросила его через стол Владу. — Принимать одну неделю, три раза в день после еды по одной столовой ложке на кружку. Остатки потом вернёте Кире, она знает, что с ними сделать.

— Остатки чего? — В дверях стояла Кира, завёрнутая в серый плед. Её голос был хриплым, но твёрдым. Щёки порозовели.

— Того, что вернёт им силы, которые ты чуть не отобрала. — Виктория подошла к ней. — Чем ты вообще думала? — Она ткнула указательным пальцем Кире в лоб, так, что

той пришлось сделать шаг назад, дабы сохранить равновесие. Затем вдруг раскрыла рот и зашипела. Влад и Света отпрянули. — Пошипи мне тут! — Голос Виктории стал более резким. — Почему не позвонила раньше? Например, когда решила в одиночку проводить этот безумный обряд. Подумать только, пустить душу жестоко убитой в себя без страховки и без всякого контроля! Я до сих пор чувствую от тебя вонь мертвечины, — Виктория презрительно сморщила нос, — мерзость.

— Чтобы избежать вот этого всего, — буркнула Кира, отводя взгляд. Она стояла, разглядывая собственные носки.

Виктория повернулась к Свете и Владу.

— Вам лучше уйти, — сказала она. — Завтра я приеду к вам. А свою ведунью сможете забрать через неделю.

Света хотела подойти к Кире, но Виктория её остановила.

— Это сейчас лишнее, поверь. Она плохо себя контролирует. Прощайтесь так.

— С тобой всё будет в порядке? — спросила Света. Сейчас Кира напоминала ей нашкодившую младшекласницу. Казалось, что она вот-вот расплачется и начнёт вытирать пузырящиеся сопли рукавом.

— Угу, — кивнула Кира, всё ещё не поднимая взгляд. Ну точно маленький обиженный ребёнок.

— Я могу остаться, — предложила Света, но Кира помотала головой.

Мастер проводила их до двери. Уже на улице она сказала:

— Я уже видела такое и смогу её поддержать. Но вам надо найти Йохана.

— Кто это? — нахмурилась Света.

— Это ученик Киры. Раз вы ничего не знали обо мне, то я могла бы догадаться, что о нём вы тоже слышали в первый раз.

— У неё есть ученик?

— Да, был когда-то. Он силён и... он другой. Ты поймёшь. Он специализируется на мире духов и будет полезен как с практической, так и с этической точки зрения.

— С этической?

Виктория прищурилась, оценивая, какой информацией стоит делиться, а какой нет. Видимо, приняв решение, она пояснила:

— Мы, ведуньи, существуем в балансе с природой. Берём энергию у людей взаймы и всегда возвращаем то, что взяли. В нас самих что-то оседает, но не больше необходимого. Мы никого не обкрадываем, обычно люди этого обмена даже не замечают. То, что вам сейчас досталось, это результат сломанного барьера внутри самой Киры. Это поправимо. А Йохан... Он не отдаёт, только берёт и оперирует очень тёмными, пугающими материями. Кира считает своей виной то, что он выбрал этот путь. С ним она помимо своей воли возьмёт себя в руки. Но он же научит её, как восполнить ту энергетическую яму, в которую она попала.

— А вы не можете её этому научить? — спросил Влад, который, видимо, представил, как гоняется за тёмным волшебником по всему миру.

— Увы, — Виктория пожалала плечами, — нам нужен Йохан. Чем скорее, тем лучше. Через неделю она действительно сможет вернуться домой — я остановлю прогрессирующее разрушение. Но стать собой ей поможет только он.

— А она не станет, ну, такой же, как он? — забеспокоилась Света.

— Интересно. Ты хочешь, чтобы она выжила? Или чтобы осталась доброй? —

Последнее слово Виктория выплюнула почти с презрением. Не дав Свете ответить, она продолжила: — Не переживайте, она свой выбор уже сделала и определили путь. Едва ли она поменяет его добровольно. Но после этой глупой выходки ей просто придётся трансформироваться и научиться оперировать теми материями, с которыми Йохан работает постоянно. Иначе они её сожрут.

Неделю после этого Кира занималась практиками вместе с Мастером. Когда Света приехала забирать Киру, та была всё ещё тихой, но выглядела уже значительно лучше.

— Увидимся через неделю, — сказала Виктория.

— Спасибо! — Кира вдруг шагнула к ней и обняла. Виктория напряглась и попыталась отстраниться, но Кира усмехнулась. — Я знаю, что ты меня любишь. Ты себя выдала.

Виктория закатила глаза.

— Ты слишком тесно общаешься с людьми. Нахваталась. — Но тоже обняла её, посмотрела на стоящую за спиной у Киры Свету и одними губами произнесла: — Спасибо.

— Я всё слышу, — пропела Кира и отпустила Мастера. — До встречи через неделю!

Через неделю они опять сидели в комнате с камином. Света ждала её на кухне, дочитывала роман про путешествия во времени и пила чай, который уже заваривала сама. А Мастер смотрела на Киру сверху вниз.

Кира вспыхнула.

— Да, у меня всё ещё проблемы со сном. Но они уже не настолько серьёзные. Я делаю практики, но всё в пустую. Силы не возвращаются. — Она всплеснула руками. — Как я могу вернуться к работе, если ничего не могу? Могу пойти психологом поработать — диплом у меня есть.

— Психологом? Ты смеёшься? Тебе не кажется, что пора принять помощь? — настаивала Виктория.

— Я уже здесь, о какой ещё помощи ты говоришь? Видишь же, что ничего не работает.

— Сколько вечностей ты провела в аду этой женщины?

— Она на то и вечность, чтобы быть единственной и бесконечной, — вспыхнула Кира.

— Ты понимаешь, что боишься неизвестности? И страх блокирует все твои способности.

Кира не стала спорить. Она пришла к тем же выводам. И то, что она смотрела на людей и не видела ничего за их лицами, наводило на неё ещё больший ужас. Она с детства была очень чуткой, умела замечать то, что не видят другие. Потом с ней стали случаться удивительные вещи. Она угадывала будущее. А потом в её жизни появилась Виктория и показала Кире её настоящую силу, научив с ней обращаться.

С самого детства Кира умела делать и видеть то, что другим не подвластно. Утратить эти способности означало потерять часть себя. Даже если бы она оглохла и ослепла одновременно, то не переживала бы так сильно. Возможно, она бы вообще этого не заметила. Эта сила могла заменить ей все остальные органы чувств. Но ничто не могло заменить её силу. Мир вдруг стал плоским, скучным и примитивным. Настолько, что она, привыкшая к сложным системам, просто не могла понять, как существовать в этой пустоте. Кира пыталась учиться у Светы — но с каждым днём всё больше и больше тосковала по утерянной жизни. И Мастер сейчас была по самым больным местам.

— Ты будешь и дальше молчать? — спросила Виктория. — Хорошо, тогда закругляемся. Невозможно помочь тому, кому помощь не нужна. Уходи.

— Неужели больше ничего нельзя сделать? — наконец выдавила Кира, заставив себя поднять глаза на Мастера.

— Можно. И нужно. И ты знаешь, что требуется.

— Нет, — Кира решительно покачала головой, — Влад сказал, что нашёл его, но нет. Я не готова на это.

— Трусиха, — прошипела Мастер. — Вон из моего дома. Мне противно смотреть на тебя.

Кира схватила сумку и бросилась к выходу.

— Мы уже уходим? — Света оторвалась от книги, когда Кира пронеслась мимо кухни по коридору.

— Да! — крикнула она в ответ, вколачивая пятки в пол. — Мы уходим и больше не вернёмся.

— Что? Ты восстановилась?

— Она трусиха! — крикнула Мастер, выскочив вслед за ними в коридор. — Ты предаёшь природу, меня и саму себя! Ты не сможешь жить, вечно сбегая и прячась от своих страхов!

— Ещё как смогу! — Кира решительно выскочила из дома и зашагала по тропинке, идущей от дома. Маленькие корешки цепляли её за ноги, словно пытаются остановить. — Пошли вон! Отзови своих тварей! — крикнула она Мастеру.

— Это не мои, что ты придумываешь? — крикнула ей в ответ Мастер и замерла. Кира тоже остановилась и резко оглянулась.

— Если это не твои, то чьи?

Тонкий стебелёк уже поднялся до колен и полз выше. Кира хотела скинуть его, но он не причинял вреда. Ей стало любопытно, что будет дальше. Он добрался до её талии, переполз на локоть, спустился в ладонь и там распустился нежным цветком.

— Это мой, — сказал тихий голос. — Здравствуй, Кира.

Она хорошо знала этот голос.

— Ну ты и... — прошипела Кира Мастеру и резко оглянулась, сминая цветок. В сантиметре над капотом машины Светы в позе лотоса сидел мужчина в бежевом костюме-тройке в клеточку. Его рыжие волосы были собраны в хвост на затылке. Тонкие очки в золотой оправе поблескивали на солнце. — Здравствуй, Йохан.

— Это не я, между прочим, — сказала Мастер и подошла к ней. — Эй ты, слезь с моих энергетических линий, — махнула она мужчине.

— Хоть кто-то мне тут рад вообще? — спросил он, распутывая ноги и становясь на землю. Обувь на нём не было. — Что за семейка у меня?

Света протиснулась между Кирой и Мастером и подбежала к мужчине.

— Ты Йохан? — взволнованно спросила она, хотя это было очевидно.

— Да, как Кира и сказала. А ты... просто человек?

Вместо ответа Света бросилась ему на шею.

— Слава богу!

Йохан удивлённо вскинул бровь, но вежливо приобнял её в ответ, а потом посмотрел на изумлённых Киру и Мастера.

— Вот так надо встречать того, кто всех вас спасёт, учитесь.

Кира вертела в руках рисунок.

— По всему выходит, что ценные бумаги, — сказала она.

Женщина напротив вздохнула.

— Думаю, это ненадёжно. Мой брокер ожидает обвал рынка. Хотя это потянет за собой и обвал рынка недвижимости тоже. С другой стороны, стагнации — это нормальная часть процесса. Как долго она продлится, можешь сказать?

— Женя, я тебе уже много раз говорила, что прогнозировать риски в международной экономике надо финансовыми инструментами, а не спиритическими, — сказала Кира. — Твой вопрос заключался в том, что лучше для тебя, вот я и подтолкнула твоё сознание к решению. Это твои собственные выводы — что ценные бумаги сейчас выглядят привлекательнее недвижки. Вопреки выводам твоего брокера.

— Но я же могу ошибаться. Можно как-то поточнее сказать?

— На кофейной гуще посмотреть?

— А давай!

Кира закатила глаза.

— Это сарказм.

— Твою мать, Кира, это не шутки! Речь идёт про все мои деньги. Из которых я плачу тебе за эти вот сеансы, между прочим.

— Которые ты получила от трёх своих предыдущих браков. А с чем остались твои горе-супруги, напомни?

— С хреном! — Женя расхохоталась. Кира вежливо улыбнулась грубой и плоской шутке. Куда подевались клиенты с вопросами про любовь? Где люди с просьбами помочь с формулировками в завещаниях смертельно больных родственников? В какой момент ей стало остро не хватать финансового, политологического и ещё чёрт знает какого образования? Почему всё так...

— Послушай, ты успешный предприниматель и умеешь обращаться с деньгами. Так почему считаешь, что ведунья сможет проанализировать финансовую ситуацию лучше, чем ты?

— Но ты же... ведунья!

— Я не экономист, — развела руками Кира. — Но, да, что-то я могу. Например, общаться с твоим подсознанием лучше, чем ты сама себе разрешаешь. Только об этом тебе стоит пообщаться со своим психологом, честное слово. Почему ты доверяешь всем, кроме себя? А заодно оценить, сколько ты сэкономишь на мне, если перестанешь ходить сюда раз в неделю.

— В общем, ценные бумаги. Ты ангел, Кира. — Остальное Женя будто пропустила мимо ушей.

Кира рассмеялась.

— Сомнительное утверждение. Но не буду спорить.

— Кстати, не хочешь сегодня пойти потусить? — предложила клиентка. — Мы будем отмечать запуск нового продукта Павлика, а ты сыграла в этом не последнюю роль. Приходи. Я скину тебе подробности в календарь.

— Почему бы и нет. — Кира поднялась. Женя хотела её обнять, но та остановила женщину рукой. Недавно, копаясь в голове Жени, она обнаружила серьёзные блоки. Она знала, что именно их вызывает: у таких блоков может быть только химическая природа. Или

Женя была до одури влюблена — что Кира сразу же исключила, ведь та была не способна любить никого, кроме себя. Или достаточно плотно сидела на наркотиках. Сам факт этого Киру не смущал. Но любой физический контакт мог «заразить» её на какое-то время действием веществ, которые Женя принимала.

Зависимости не были обозначены Женей как проблема и сами по себе Киру не волновали. Вполне возможно, они не причиняли клиентке неудобств и являлись её осознанным выбором. Но у Киры была полная запись до вечера, и она не могла попадать под воздействие посторонних веществ. Ну а вечер... Почему бы и нет? Тусовка — значит тусовка.

Позже днём она приехала по полученному от Жени адресу. Охранник на входе спросил имя, сверился со списком и пропустил Киру внутрь.

Вечеринка была на крыше. Громко гремела музыка. Столики стояли полукругом вокруг сцены, на которой выступал какой-то кавер-бэнд, обращённый лицом к городу внизу. Площадка была огорожена стеклянными перилами, обвитыми стеклянной гирляндой. Слева от входа находился бар, за которым, пританцовывая, бармен смешивал коктейли. К нему-то Кира и отправилась напрямиком. Заказала и сразу же выпила две стопки текилы — одну за другой, чтобы притупить восприятие эмоций и возбуждения людей вокруг. Когда крики в её голове наконец-то стали тише, чем музыка, она огляделась вокруг. Нашла взглядом Женю и Павла: они стояли, обнявшись, и общались с окружающими их друзьями. Женя увидела Киру и помахала ей. Та опрокинула в себя третью стопку и направилась к ним сквозь толпу.

— Ребята, ребята, это Кира! — закричала Женя. — Она — чародейка!

— Ведунья, — поправила Кира.

— Как это? — спросила тощая барышня с широко посаженными рыбьими глазами и идеальными желтоватыми локонами. Бесцеремонно разглядывая Киру, она сделала глоток шампанского.

— Гадаю на таро. — Кира посмотрела ей прямо в глаза. Текила притупила ощущения, но чтобы прочесть недоверие и брезгливость на кукольном лице, не нужно было иметь никаких способностей.

— О, она делает гораздо больше, чем просто гадает на таро, — протянула Женя, и Кира поняла, что та уже очень пьяна. — Она может видеть мёртвых.

— И что же они делают, мёртвые? — спросила другая девушка с идеально уложенными белоснежными локонами, словно зафиксированными на безупречной груди. На ней не было лифчика, но это никак не сказывалось на формах. Кира посмотрела на её губы: их край в некоторых местах уже потерял чёткость. Они должны были выглядеть соблазнительными и аппетитными. Но выглядели пластиковыми. Казалось, что барышня искренне заинтересовалась.

— В основном — лежат, — ответила Кира, и Женя расхохоталась.

— Позвольте вас спасти, — вокруг локтя Киры вдруг сомкнулись прохладные пальцы.

Она чуть повернула голову и увидела элегантного лысого мужчину с густой короткой чёрной бородой с серебряными нитями в ней.

— С удовольствием. — Она обрадовалась внезапному спасению и позволила мужчине утянуть себя к краю крыши, пока сомнительная компания провожала их удивлёнными взглядами.

— Я видел, что вы пьёте текилу, — сказал мужчина, когда к ним подошёл официант с двумя стопками и лаймом. — Позволил себе заказать ещё.

— То что надо, — улыбнулась Кира.

— Вы разрешите? — Мужчина протянул к ней руку ладонью вверх.

В голове у Киры мелькнули картинки: он целует её шею; его руки поднимают подол её платья; он входит в неё... Кира ещё раз окинула его взглядом: чтобы считать его намерения, тоже не надо быть медиумом. Почему бы и нет?

Она вложила свою руку в его раскрытую ладонь. Он перевернул её запястьем вверх и, наклонившись, провёл языком по венам. Взял солонку с подноса официанта и насыпал соль на влажный след. Потом быстро проделал тоже самое со своей рукой. Протянул стопку Кире.

— Поехали?

— Поехали, — засмеялась она.

Они припали к запястьям друг друга. «Как вампиры», — мелькнуло у Киры в голове. Выпили и заели лаймом.

— Ух! — Она дёрнула плечами.

— Ещё по одной! — крикнул он официанту. А потом представился. Кира почти сразу забыла его имя.

— Кира, — ответила она.

Они пили, и танцевали, и снова пили. В какой-то момент он подхватил её и посадил себе на талию. Она обвила его ногами и наклонилась. Они целовались прямо на танцполе, и его руки были под её юбкой.

— Давай уйдём? — предложил он.

— Я думала, ты не предложишь, — улыбнулась Кира ему в бороду.

Был тёплый летний вечер. Выйдя на улицу, он хотел вызвать такси, но Кира его остановила.

— Давай немного пройдемся?

Голоса в её голове молчали. Зато она видела яркие картинки, и такси в них не было.

Они шли и болтали. Он рассказывал что-то смешное, и Кира смеялась на всю улицу, откинув голову. Они шли где-то в районе Патриарших прудов, когда он остановился и развернул её к себе. Нашёл губами её губы... Её рука скользнула к его ширинке.

— Тут люди, — пробормотал он.

— Плевать, — ответила она. Каждое его прикосновение обжигало огнём. Алкоголь убивал экстрасенсорику, но компенсировал это, в разы усиливая физические ощущения.

— Иди сюда. — Он потянул её за собой. Они перелезли через какой-то забор. Её каблуки проваливались в землю. Пройдя по вспаханному газону, они перелезли через ещё один заборчик и оказались в пустынном дворе. Он сел на лавку, расстегнул ширинку и достал уже вставший член. Кира сдвинула вбок трусики и пристроилась сверху. Задержалась на секунду над ним. Он сделал резкое движение вверх и вошёл в неё.

Её мозг взорвался разноцветными красками. Он с силой притянул её к себе и снова резко дёрнулся вверх. Ощущения обрели не только цвета, но и формы. Они смешивались и разделялись. Кира застонала; он прижал руку к её губам, и она его с силой укусила за ребро ладони. Почувствовала вкус перетекающей через укус энергии, которая делала её зубы острее, а в сознании мужчины боль заменяла наслаждением. Кира слизнула выступившую каплю крови, а потом припала к ране и втянула в себя ещё крови и жизненной силы своего партнёра. «Как вампир», — снова подумала она. Он тоже застонал от удовольствия, всё глубже погружаясь в эйфорию. Кира пила кровь и наслаждение в ней с его руки и двигалась всё быстрее. Он что-то принял, помимо алкоголя, и теперь это что-то попало в её организм.

Оргазм окунул её во вспышку белого света и уничтожил всё остальное. Он резким движением снял Киру с себя и кончил ей на бедро. Она откинулась назад и повисла на его руках, сконцентрировавшись на быстро остывающей дорожке спермы, стекающей по её ноге. Потом он прижал Киру к себе. Так они и сидели какое-то время. Он нюхал её волосы и шептал, что ничего лучше с ним не случалось. Кира верила. Вместе с её слюной в укусы на руке попали и её ощущения — она умела не только забирать. Конечно, ничего подобного раньше он действительно не испытывал. «Добро пожаловать в мой мир. На четверть часа», — подумала она.

Потом он вызвал ей такси.

— Мы ещё увидимся? — спросил он.

— Конечно, — искренне улыбнулась Кира.

Дома она скинула туфли и, как была, в платье рухнула на постель.

Наутро она проснулась с диким похмельем, откинула одеяло и замерла. Её ноги были все в грязи. Белоснежные простыни — в земле. Ей пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, откуда она взялась.

Секс на лавочке на Патриарших с каким-то банкиром.

Она застонала. Как сложно быть человеком.

Добралась до кухни, выпила таблетку от головы и только после этого сняла вечернее платье и залезла в душ. Бегущая вода всегда помогала. Кира смотрела, как смывается грязь, и вдруг поняла, что смотрит на чужие ноги. Огромные, волосатые, мужские ноги. Она протёрла глаза. Ничего не изменилось. Пошевелила пальцами. Определённо, стоило состричь ногти. Возможно, то, что было в крови того мужика, всё ещё действовало? Кира прислушалась к своему телу. Кроме головной боли, её больше ничего не беспокоило. Значит, дело не в наркотиках.

Ночной спонтанный секс был очень ярким. Он мог пробудить в ней... Рука легла на промежность, и Кира заорала: у неё был член!

Она выскочила из ванной и кинулась к зеркалу. Огромными мужскими ладонями протёрла запотевшее стекло.

Из отражения на неё смотрели обезумевшие зелёные глаза с покрасневшими склерами на тонком лице в веснушках. Длинные рыжие волосы прилипли к шее.

— А-а-а! — Кира отшатнулась. Ей не в первый раз приходилось обнаруживать себя в чужом теле или кого-то другого — в своём. Но это всегда было сознательно и на сеансах. И всегда это были тела известных ей людей. — Так, — проговорила она басом. Чёрт, и голос тоже мужской. — Так, так, так... — Она открыла кран и ополоснула лицо ледяной водой. Опять посмотрела в зеркало. — Да что ты за чёрт? — спросила у рыжего незваного гостя, глядя в отражение. Кира вновь с надеждой опустила глаза, но член не только никуда не делся — он ещё и привстал от охватившего её возбуждения. — Уймись, — пробормотала она.

Затем схватила свой шёлковый пеньюар, кое-как влезла в него и выскочила в комнату. Зеркало во всю стену отражало всё того же рыжего захватчика. Только теперь он был в её халатике, не закрывающем достоинство внушительных размеров.

Кира протопала на кухню и поставила чайник. Пока он закипал, принесла бумагу и простые карандаши. Выгребла все травы из шкафчика — и пожалела, что самое основное осталось в офисе. Даже подумала, не переместиться ли туда, но потом представила реакцию таксиста на неё в таком виде и отмела эту идею.

— Только не уходи, только не уходи, — бормотала она, замешивая коктейль из трав. Скинула всё в кастрюлю, залила кипятком. Перед кастрюлей положила лист и карандаши, накрыла голову полотенцем, опустила над отваром и принялась глубоко дышать. Время шло. Кира дышала. Постепенно голова очистилась. Удивление, паника, страх, возбуждение — всё отступило.

Она стала чистым листом.

Он стал чистым листом.

Они сидели под пальмой. На нём были плавки и расстёгнутая белая льняная рубашка. Кира подумала, что ему бы уйти с солнца — его светлая, как у неё самой, кожа обгорит моментально. Кира посмотрела на себя. На ней был лёгкий сарафан, идеально совпадающий по тону с его рубашкой. И её кожу солнце тоже припекало. Надо бы уйти в тень. Но так лень. Ноги утопали в идеальном мягком как пудра песке. Кира смотрела на океан. Он тоже. Двигаться не хотелось. Говорить не хотелось. Даже думать было сложно.

— Зачем мы здесь? — нарушил он тишину, наконец, с явной неохотой.

Кира вяло повела плечами и прислушалась к его голосу. Звуки незнакомого языка чудесным образом складывались в слова, которые она понимала где-то глубоко внутри себя.

— Ты пришёл ко мне.

— Я искал не тебя.

— А нашёл меня. Не могу сказать, что я ждала встречи с тобой всю жизнь.

— Зачем мы здесь? — повторил он свой вопрос.

— Ты достаточно грубо вломился в... меня, воспользовавшись слабостью. Я пытаюсь понять, с какой целью. И что мне с этим делать. Зачем ты пришёл ко мне?

— Да что ты заладила? Я никуда не приходил. Чем меня таким накачали, что меня так торкнуло? — пробормотал он.

Кира посмотрела на него, прищурившись. Рыжие волосы взъерошены, будто он только что встал с постели. Кира внимательнее присмотрелась к нему. То, что сначала показалось ей льняной рубашкой, таковой не являлось. Точнее... Слишком длинные рукава, странная шнуровка. Смирительная рубашка?

Кира начала понимать.

— Думаешь, у тебя галлюцинации?

— Да у меня всю жизнь галлюцинации, — ответил парень. — Поэтому папаша и решил меня «исправить», — он громко усмехнулся, — только я уверен, что мой мир «галлюцинаций» реальнее, чем его.

— Какие галлюцинации? Как сейчас? — спросила Кира.

— Нет, — он покачал головой, — такая в первый раз. Но это потому, что они накачали меня всякой дрянью, — настойчиво повторил он и прикрыл глаза.

Её мысли полетели вперёд со страшной скоростью.

Кира напилась накануне. Потом трахалась и приняла какую-то неизвестную дрянью. Всё это ослабило её сопротивление и защиту — чего она частично и добивалась, чтобы почувствовать себя нормальной. Как все. Без всех этих её, — Кира прогнала мысль. Сейчас надо думать о другом.

Парнишка — очевидно, стихийный ведун — находится на лечении. И таблетки сделали с ним то же, что алкоголь и наркотики с ней. За счёт этого их сознания смогли войти в контакт. Но это не продлится долго и вряд ли повторится. Если парня не вытащить, он действительно сойдёт с ума в той лечебнице, куда его запихнули встревоженные

родственники.

А он очень силён — судя по тому, что сейчас они сидят целиком в его фантазии, а не в её. Разрушая себя, он может причинить немало вреда окружающим. В целом, это было бы не её дело, но... Он пришёл к ней. От такого не отмахнуться. Если проигнорировать, это может навредить и ей тоже. Когда подобные им приходят за помощью — отказывать очень опасно. Это может разрушить равновесие, в котором пребывает ведун и ввергнуть его в хаос своей вины и безысходности новичка.

— Послушай, — заговорила Кира, внимательно глядя на парня, — ты не сумасшедший. Ты такой же, как я. У тебя есть способности.

— Сказала одна часть его мозга другой, — хмыкнул он.

— Не думай, а чувствуй. Ты веришь в то, что всё происходящее — бред? И я — часть тебя? — Кира дала ему немного времени подумать, и когда он качнул головой, продолжила: — Я могу вытащить тебя и всему обучить. Но ты должен сказать мне, кто ты и где находишься.

Над ними закричала чайка, слишком долго и слишком пронзительно. Её крик превратился в звук какого-то звонка.

Парень вскочил и панически стал озираться по сторонам.

— Они идут! — закричал он и попытался убежать, но зацепился ногой за лежак и чуть не упал. Восстановил равновесие, и бросился прочь. — Они идут!

— Назови своё имя! — крикнула ему вслед Кира, перевернувшись на колени и схватившись за спинку лежака. Он стремительно удалялся по неизвестно откуда взявшемуся белому коридору, выложенному плиткой. — Как тебя зовут?

Но её крик потонул в темноте — мир рассыпался. Кира с шумом втянула воздух и отпрянула от кастрюли. Посмотрела на лист. Вокруг валялись карандаши, все до единого сломанные.

На листе было написано:

Йохан Гринберг, Мюнхен.

— Да! Да, да, да! — Кира вскинула руку в победоносном жесте и обратила внимание, что её рука — снова её рука. — Да! — Ещё один радостный крик.

Не утруждаясь наводить порядок, она бросилась к компьютеру и в тот же день купила билеты до Мюнхена.

Уже сидя в самолёте, она подумала, что не говорит по-немецки, и рассмеялась. Это должно быть забавно.

Кира мысленно подгоняла самолёт, умоляя его лететь быстрее. В итоге, когда они приземлились в аэропорту Мюнхена на десять минут раньше запланированного времени, она была совершенно вымотана. Ускорять самолёты — это вам не шутки.

До отеля она добиралась на такси. Был уже поздний вечер, и, конечно, ни в какую психиатрическую лечебницу её бы не пустили. Но просто сидеть и ждать утра она не могла.

Слишком хорошо Кира помнила свой страх, когда в своё время осознала, что с ней действительно что-то очень сильно не так. Что весь мир не такой, каким ей рисовали в школе.

А потом в её жизни появилась Мастер, и всё сразу встало на свои места. Кире пришлось долго учиться, познавать себя и окружающее заново. Но самое главное, ни с чем не

сравнимое чувство, которое она испытала, — это облегчение от осознания, что она не сошла с ума.

Сейчас этот несчастный Йохан сидит взаперти, сомневаясь в себе и не понимая, где бред, а где реальность. Нет, она просто не могла лечь спать.

В Мюнхене было несколько государственных и частных лечебниц. На третьей Кира поняла, что наконец-то пришла по адресу. Отчаяние и страх Йохана она почувствовала ещё за два квартала. Казалось, даже воздух стал холоднее.

Госпиталь был расположен в узком пятиэтажном здании, зажатом между двумя другими домами. Кира сразу поняла, какое окно — нужное. Она замерла, глядя на него, и буквально через пару секунд в окне появился бледный силуэт.

«Силён», — подумала Кира, и в неё первый раз закралось сомнение — а справится ли она? Не стоило ли позвать Мастера с собой?

Нет, не стоило. Он пришёл к ней — значит, это её ответственность и её задача. В таких вещах невозможно ошибиться.

— Завтра я заберу тебя, — прошептала Кира, зная, что он слышит и понимает.

— Поспешу, — отозвался он.

Некоторое время они смотрели друг на друга, больше ни говоря не слова. Потом Кира развернулась на каблуках и пошла прочь, чувствуя его взгляд и тоску.

За ночь Кира придумала план. Она пришла в клинику к самому открытию, и её сразу же узнали.

— Доброе утро, фрау Гринберг, — поздоровались с ней.

— Не очень. Я хочу видеть лечащего врача своего сына! — Она сама удивилась тому, каким визгливым может быть человеческий голос.

Врач почти мгновенно возник перед ней.

— Фрау...

— Я забираю своего сына! Немедленно!

— Но...

— Как я могла его поместить в такое место?!

— Фрау Гринберг, это лучшая клиника в Германии, смею вас заверить, что...

— Да? А вот в газетах так не считают! — И она швырнула в него какую-то спортивную газету, подобранную на ближайшей автобусной остановке. Он изумлённо уставился на заголовок: «Случаи суицида среди персонала клиники...» — Где мой сын? Немедленно подготовьте вещи и приведите его сюда. — Она уселась на стул и отвернулась от врача. Увидев, что тот не пошевелился, она достала телефон и принялась набирать номер.

— Куда вы звоните?

— Своему адвокату. А потом в полицию.

Доктор вздохнул.

— В этом нет необходимости. Вы — законный опекун Йохана. Мы не можем удерживать его против вашей воли. Но я должен сказать, что ваш сын очень болен.

— Сначала наведите порядок со своим персоналом, а потом уже попытайтесь лечить моего сына, — отрезала Кира.

Доктор кивнул, подозвал медсестру и что-то ей сказал. Кира не поняла, что именно. Она достаточно грубо манипулировала их эмоциями, и, кажется, у неё получалось. Но то, что она говорила, могло не совпадать с тем, что слышали все вокруг. До тех пор, пока достигался нужный эффект, её это устраивало.

Вывели Йохана. Парень удивлённо посмотрел на неё. Она покачала головой.

— Мой бедный мальчик.

— Что происходит? — Конечно, он не понял ни слова. На него её морок не действовал.

— Я подам на вас в суд! — продолжала кричать Кира, волоча его за руку к двери и игнорируя его вопросы. Он не сопротивлялся, но смотрел на неё во все глаза. А потом вдруг начал хохотать. Ей пришлось ткнуть его локтём под рёбра — хорошее настроение Йохана казалось крайне заразительным, но пока было рано терять концентрацию.

Под её крики и вялые протесты персонала они вышли на улицу и сели в ожидающее их такси. Когда машина пришла в движение, они первый раз посмотрели друг на друга — и рассмеялись.

— Голодный? — спросила Кира по-английски.

— Ещё бы, — ответил Йохан. — Ты такая, как я себе и представлял. — Он улыбнулся. — Спасибо тебе.

— Обращайся.

— Кстати, я Йохан.

— А я Кира. И тебе придётся учить русский.

— А почему не тебе — немецкий?

— Потому что учитель здесь я, — сказала Кира, и оба снова рассмеялись не потому, что это было смешно. А потому, что удивительная лёгкость и счастье переполняли обоих. Как будто после долгих мучений наконец-то удалось правильно сложить кубики в детской головоломке.

— Как твои уроки немецкого, хорошая? — спросил Йохан. — Раз уж теперь мы поменялись ролями.

Кира с кислым лицом посмотрела на Мастера.

— Можно вернуть наши занятия? Они были не так уж плохи.

— У вас семейная традиция такая, вытаскивать друг друга из психушек? — ответила вопросом на вопрос Виктория.

— Присоединяйся в следующий раз, — подмигнул ей Йохан и добавил: — Бабуля. Это весело.

Глаза Мастера блеснули.

— Ты играешь с огнём, мальчишка.

— Да, ты права: ты мне не бабушка. Потому что теперь мне придётся восполнять пробелы твоего образования у Киры. Из-за которых она чуть не застряла в аду навсегда, между прочим.

— В аду? — ойкнула Света, и все как будто вспомнили о ней.

— Вы теперь тусите с людьми? Это новая мода? — спросил Йохан. — Мне тоже надо завести своего человечка? А чем вдруг стали плохи кошки?

— Да ради бога! — Кира закатила глаза. — Ты приехал самоутвердиться или помогать?

— Не вижу противоречий. Но ты права: дел невпроворот, а мы теряем время. — Он предложил ей локоть. — Прощу.

Кира бросила последний жалобный взгляд на Мастера, но та только помахала ей ручкой.

— Последи за офисом, — попросила Кира Свету, а затем повернулась к Йохану. — Ты

невыносим! — И она приняла его руку.

— Дамы. — Он приподнял воображаемую шляпу, а в следующее мгновение они с Киroy просто исчезли.

— Вы и так умеете? — спросила потрясённая Света. — А зачем она тогда всё время просила возить её на машине?

— Мы не умеем, — ответила Мастер печально. — Йохан использует совсем другие пути и силы. Надеюсь, что сейчас это общение пойдёт на пользу им обоим. Чаю?

Интерлюдия 3. Гонщица

Кира проехала через терминал оплаты, положила билетик в бардачок и сделала музыку погромче. Несколько метров — и ограничение скорости возрастёт до 120 км/ч, но дальше по трассе камер нет. Можно будет «положить» стрелку.

Она с сомнением посмотрела на грязные обочины со снежными наносами на них. Да чёрт с ними.

Проносясь мимо последней камеры, Кира ещё прибавила громкость музыки и нажала на педаль газа. Двигатель поднял обороты, заурчал и отозвался на её движение. Машина полетела над трассой. Шипы разбрасывали грязь вокруг себя. Не отрывая взгляд от дороги, Кира прикурила сигарету.

Права она получила сразу, как только стукнуло восемнадцать. Отец учил её на площадке за городом на старой механической «Ладе». Лучше всего Кира усвоила с тех занятий команду: «Что ты делаешь?!». Каждый раз на неё требовалась разная реакция, но Кира умела угадывать, какая именно. Она чувствовала машину.

Оказавшись за рулём, она воспринимала автомобиль как продолжение себя: всегда чувствовала, когда нужно повернуть руль, чтобы выровнять машину — или, наоборот, отправить её в занос. Каждый год она ждала, когда ляжет снег — чтобы иметь возможность погонять по скользким трассам.

Она выезжала по первому льду, всё ещё на летней резине, и гнала так быстро, как только могла, проверяя возможности себя и автомобиля. Для таких заездов она выбирала ночь. Люди на удивление отвратительно водят зимой. Совершенно не понимают тех инструментов, которые оказались у них в распоряжении. Поэтому Кире хотелось уехать подальше от них, оказаться там, где никто не будет мешать.

В тот день всё пошло не по плану.

Доверившись навигатору, Кира свернула с платной дороги на маленькую просёлочную. В какой-то момент она зацепила грязную обочину, и грязи оказалось больше, чем она ожидала. Автомобиль потащило в сторону, Кира нажала на газ и выкрутила руль. Она вдруг перестала слышать музыку и собственный пульс, моментально забивший канонадой в уши. Всё, что она слышала, — это колючая грязь, скребущая по днищу.

Машина отлетела к противоположной стороне обочины. Кира усмехнулась, вывернула руль в другую сторону... и сняла ногу с педали.

Переднеприводная «Тойота» исполнила команду однозначно — как и должна была. В конце концов, мозги из них двоих были у Киры.

Вместо того чтобы стабилизироваться, машина ещё больше закрутилась. Когда Кира поняла свою ошибку, все четыре колеса уже были в воздухе и они летели в глубокий засыпанный снегом кювет.

Кира видела приближающиеся деревья. Понимала, что уже ничего не сможет сделать. Она ощущала замедленное движение времени, но догадывалась, что это игра её разума —

тело осталось жить в обычном временном потоке. Кира жалела только о том, что не успеет оторвать руки от руля и раскинуть их — как птица. Раз уж ничего другого она сделать не может, надо хотя бы насладиться последним полётом. Внутри себя она визжала от восторга и хохотала безумным смехом.

Страх пришёл, но позже. В момент полёта Кира наслаждалась потрясающим ощущением беспомощности и отсутствия контроля. Кажется, первый раз в жизни она была... свободна?..

Удар оказался совсем не жёстким. Той зимой в городе почти не было снега, но в области намело чуть ли не рекордное количество. То, что казалось просто глубоким кюветом, на деле обернулось очень глубоким кюветом, засыпанным снегом на две трети своей глубины.

Машина плоско упала на брюхо, зарылась в снег и замерла.

Кира огляделась. Снег закрывал стёкла до середины. Девушка заглушила мотор. Удар всё же был, и среди всех этих звуков, которые предпочитаешь не слышать никогда, она разобрала хруст. Конечно, это мог быть куст или бампер. А могло оказаться серьёзное повреждение, и оставлять двигатель работающим было нельзя.

Наконец оставшись в тишине и позаботившись о машине, Кира стала ощупывать себя. Удивительно, но после такого полёта и посадки ран и ушибов на ней не оказалось. Снег полностью погасил инерцию и смягчил удар.

Кира достала мобильный. Сети не было.

— Чёрт! — Она откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Тут же вернулся звук скребущей по днищу грязи.

Кира вздрогнула и открыла глаза. Всё могло кончиться плохо. Навстречу могла ехать фура. Да даже если и не фура, её сотни километров в час при лобовом столкновении было бы достаточно, чтобы обеспечить трупы в обеих машинах, если бы кто-то выехал навстречу, пока машину мотало по трассе.

Она могла улететь на другую сторону дороги в болото, и сейчас её машина постепенно наполнялась бы ледяной водой.

Она могла проехать на несколько метров дальше и приземлиться не в снег, а в дерево, и тогда сейчас уже не думала бы над вариантами, от которых ещё можно умереть. Она просто была бы уже мертва к этому моменту.

Оставалось только порадоваться, что у истории нет сослагательных наклонений.

Выезжая из дома в тот день, Кира не понимала, для чего ей возвращаться обратно. Ради рутинной работы, которая не приносила ни денег, ни удовольствия? Ради наскучивших отношений, которые ей было лень прекращать?

«А такой ли случайной была авария?» — вдруг подумала Кира.

В тот момент она не видела смысла в жизни... Если бы на встречеке был хоть кто-то, всё действительно кончилось бы очень быстро.

Кира поёжилась. В тот момент, когда автомобиль оказался полностью в воздухе, она отчётливо поняла, как сильно хочет жить.

— Раз хочешь жить, то выбирайся отсюда, — буркнула она самой себе.

Теплее в машине не становилось. Впрочем, как и светлее вокруг. Кира предполагала, что с трассы крышу её белого автомобиля не было видно совсем. А непрекращающийся снег скоро скроет следы на дороге, и до весны ничто больше не напомнит о том, что тут что-то случилось.

Кира попыталась открыть дверь. Водительская и пассажирская оказались наглухо замурованы.

Кира переползла на заднее сиденье. Левая дверь не поддавалась, а вот правую удалось немного приоткрыть. Девушка посмотрела в образовавшуюся щель. Слишком мало. Не пролезть. Она закрыла дверь и открыла окно.

В салон посыпался снег.

На секунду Кира испугалась. Ей показалось, что снег будет падать и падать, пока не займёт всё пространство вокруг, так что она не сможет дышать. В салоне вдруг стало катастрофически мало места. То, что она считала своим убежищем и местом силы, превратилось в гроб, который стремительно сжимался вокруг неё.

Вдруг по трассе проехала машина. Свет фар скользнул по полю, осветил снег, и Кира отчётливо увидела полоску света на фоне тёмного неба над окном.

Способность думать вернулась так же быстро, как и исчезла мгновение назад. Ни в какой она не в ловушке. И вокруг неё не вода, а снег. И всё, что надо сделать...

Кира открыла окно пошире, на этот раз проигнорировав полетевший в салон снег. Она встала на сиденье на колени, отодвинула снег и, ухватившись за крышу, выползла из машины. Тут же провалилась в снег и упала. Взвизгнула от холода и чертыхнулась. Пуховик остался внутри — она никогда не водила в верхней одежде. Холод моментально выбил воздух из лёгких. Кира шумно вдохнула и засмеялась. Всё было хорошо! Она жива и свободна, осталось только выбраться на трассу. Кира заглянула в салон: пуховик, шарф, шапка и варежки лежали с другой стороны от неё, за водительским сиденьем. Дорога, с которой её унесло, была не очень оживлённой. Выжить в аварии, а потом замёрзнуть насмерть было бы крайне глупо.

Изнутри открыть дверь Кира не смогла. Но теперь она была снаружи и могла расчистить к ней путь и дотянуться до одежды.

Она запустила руки в снег, ругая собственную глупость. Почему она не оделась до того, как вылезла из машины? Пальцы замёрзли моментально. Сначала было больно, а потом Кира перестала что-либо чувствовать. Активно копая, она частично отогрелась.

Наконец она освободила достаточно места, чтобы открыть дверь. Оглядев себя, поняла, что оставаться в мокром насквозь свитере нельзя. А вот джинсы придётся потерпеть, выбора не было. Она стянула свитер и бросила его на заднее сиденье. Там, внизу, ветра почти не было, поэтому она закуталась в пуховик поверх тонкой майки, не успев замёрзнуть. Руки, оказавшись в варежках, никак не отреагировали на них и не почувствовали тепло. Кира сжала пальцы в кулак и посмотрела вверх. Слишком крутой подъём. Слишком много снега. И так стремительно темнело. Нужно спешить.

Повозившись в снегу, снова намокнув и дрожа от холода, она наконец сумела вскарабкаться наверх. Пританцовывая на обочине, обхватила себя руками и попыталась согреться. Через несколько минут она почувствовала покалывание в пальцах. Постепенно чувствительность возвращалась.

Кира достала мобильник. Заветное LTE горело рядом... с двумя процентами зарядки. Экран погас.

— Твою мать! — чертыхнулась она. И вдруг услышала звук мотора и увидела свет от фар.

Стоя на обочине, Кира прыгала и махала руками. Выйти на дорогу опасалась — будучи уверенной в собственных навыках, она всегда помнила о том, что другие могут не суметь

вовремя затормозить. Или не захотеть. Несмотря на холод, она усмехнулась. Как показала практика, даже её хваленые навыки иногда сбоят.

В сгущавшихся сумерках её заметили. Белая «Мазда» сбросила скорость и остановилась в нескольких метрах. Водитель выскочил и бросился к ней.

— Что случилось? — крикнул он, подбегая.

Кира попыталась ответить, но только лязгнула зубами. Только сейчас она поняла, как же сильно на самом деле замёрзла. Она махнула рукой себе за спину. Мужчина посмотрел в том направлении. Сперва ничего не заметил, но, приглядевшись, увидел выступающую из снега крышу автомобиля.

— В машине кто-то есть? — быстро спросил он.

Кира отрицательно покачала головой.

— Только я, — выдавила она и покачнулась, но мужчина поймал её.

— У тебя губы синие, — заметил он. — Давай посадим тебя в машину.

Она обратила внимание, как легко он перешёл на «ты», но, конечно, возражать не стала. Фамильярность спасающего её незнакомца точно не была проблемой в данный момент.

Он открыл пассажирскую дверь и помог ей забраться.

— У меня есть кофе, я сделал буквально пару глотков. Должен быть ещё тёплым. Допивай, я пойду посмотрю, получится ли подцепить тебя.

Она не успела предупредить о глубине снега, как он захлопнул дверь и, ёжась от ветра, потрусил к месту аварии.

Кира выкрутила печку на максимум и подставила руки к обогревателям. Тёплый воздух дул ей на ладони. Она щёлкнула обогрев сиденья и через несколько секунд почувствовала приятное тепло, обволакивающее тело. Она отогревалась, а снег на ней таял. Вскоре она уже сидела в приятной тёплой луже, напряжённо вглядываясь в сгущающиеся сумерки. В заряднике торчал провод. Кира подключила свой телефон. Экран остался тёмным — батарейка была полностью разряжена.

Владелец авто тем временем спустился вниз, огляделся и выбрался обратно на дорогу. Сел на водительское место.

— Нет, мне не выдернуть, тут эвакуатор нужен. Она застряла в кустах. Если начать просто так тянуть, то мы её ещё больше закопаем, — он вытащил телефон, — чёрт, не ловит. — И посмотрел на Киру. Она уже не стучала зубами, но выглядела жалко, кутаясь в мокрый пуховик. — Тебе надо переодеться, иначе никогда не согреешься. Давай схожу в твою машину за вещами?

— У меня ничего нет, — ответила Кира.

— Ты между Москвой и Питером со столичными номерами и без вещей?

— Я не... не ехала никуда. Точнее, я не ехала в определённое место, — ответила она. — Просто каталась.

Он изогнул бровь.

— Ясно. У меня с собой спортивный костюм. Будет великоват, конечно, зато чистый и сухой. Надень. — Он вышел из машины до того, как Кира успела возразить.

Пока мужчина рылся в багажнике, она сделала глоток кофе. Действительно ещё тёплый. Капучино. Ещё и сладкий. Обычно Кира такой не пила — но сейчас он так приятно проваливался внутрь и согревал тёплой волной...

Мужчина вернулся, приоткрыл дверь и протянул ей одежду.

— Я не буду смотреть. Попробую остановить кого-нибудь ещё.

Кира не успела поблагодарить и узнать имя, как он опять ушёл.

Изогнувшись, она с облегчением сняла с себя мокрую одежду и натянула спортивный костюм своего спасителя. Костюм сильно пах стиральным порошком и древесным парфюмом. Кира очень остро реагировала на запахи. Обычно они вызывали у неё аллергию и головную боль. Но костюм пах приятно.

Кира накинула пуховик и вышла на улицу. Пока она отогревалась и переодевалась, опять пошёл снег.

Мужчина увидел её и махнул рукой.

— Возвращайся в машину, не мёрзни, ты тут ничем не поможешь.

Но Кира подошла к нему.

— Слушай... Спасибо тебе, что помогаешь.

— Да прекрати. Любой сделал бы то же самое. — Мужчина вдруг улыбнулся, и она заметила, что у него приятная внешность, открытая улыбка и добрые глаза. — Как тебя зовут?

— Кира, — она вернула улыбку, — а тебя?

— Машина, — сказал он вместо ответа и вышел на середину дороги, подняв обе руки. В одной из них был телефон с зажжённым фонариком. Кира вспомнила свои недавние мысли о том, что водитель может не успеть среагировать на внезапное препятствие. И каким бы мужественным ни выглядел её невольный ангел... — ангел! Она будет называть его «Анхель», на испанский манер, — в споре с железной машиной он однозначно проиграет. Его самого, впрочем, это не волновало совсем. Он спокойно наблюдал за приближающимся автомобилем.

— Вдруг он... — забеспокоилась Кира.

— Спокойно. — В голосе Анхеля появилась сталь.

Кира вздрогнула и подавила желание отступить, вместо этого шагнула к нему и встала рядом. Он бросил на неё беглый взгляд, усмехнулся и опять посмотрел вперёд. Кира взглянула туда же: казалось, машина не собиралась останавливаться.

Девушка обхватила себя руками за плечи, будто пытаясь защититься.

Джип затормозил прямо перед ними. Сначала ничего не происходило. Кира хотела подойти к водителю, но Анхель поймал её за руку и едва заметно покачал головой. Его пальцы оказались сухими и горячими, несмотря на то что он так долго пробыл на холоде.

Наконец водитель не торопясь вышел из машины. Сплюнул на обочину и закинул что-то в рот. Опять сплюнул, приближаясь к ним. Кира поняла, что он щёлкает семечки, и усмехнулась.

Середина зимы, богом забытая дорога, два джипа и мужчины на спорте. Ученики с её курса наверняка смогут развить эту мысль.

— Вы чё? — спросил мужик и щелкнул семечку.

Анхель протянул ему руку для пожатия и кивнул на Киру с лёгким пренебрежением.

— Девчонка с дороги улетела. Надо дёрнуть.

Мужик пожал его руку и огляделся по сторонам.

— Где тачка?

— Там. — Анхель отошёл к обочине. Мужик последовал за ним.

— Ух ё... Повезло.

— Ага.

— Там же нет никого?

— Нет. Просто машина. Водитель цела.

— Костян! — крикнул мужик в сторону своей машины. — Иди сюда.

— Иди в машину, — Анхель обратился к Кире тихим низким голосом, — мы дальше разберёмся.

— Но вдруг...

— Кира, верно? — Она кивнула, и Анхель продолжил так, чтобы мужик и присоединившийся к нему Костян (Кира мельком увидела, что лицо у него разбито и в свежих синяках) их не услышали: — Эти вроде бухие, но безобидные. Кто знает, кто остановится следующим. Так понятно?

Кира посмотрела в его потемневшие глаза и вдруг осознала, что действительно оказалась одна ночью зимой в поле. И, уезжая, никого не предупредила куда и зачем едет. А сам Анхель? Ему можно доверять? Как будто прочитав её мысли, он усмехнулся. Кира вздрогнула, кивнула и пошла к его машине. О доверии надо было думать раньше. Да и вообще надо было думать до того, как начать лихачить на пустом всеми забытом куске трассы. Если подумать, то небывалое везение, что тут оказалось столько народу вместе с ней.

Тепло автомобильного салона и мягкий древесный запах владельца «Мазды» тут же окутали её. Она смотрела, как мужчины спускались вниз и поднимались, о чём-то спорили, смеялись.

Вскоре подъехала ещё одна машина. И ещё.

Кира согрелась окончательно, адреналина больше не было, и навалилась тяжёлая усталость — от долгой дороги, стресса и последующих приключений. Она смотрела, как машины приезжают и уезжают, постепенно засыпая.

Ей снилось, что она снова за рулём. Снег дерёт днище, машину крутит. Кира ловит движения рулём, старается быть быстрее заноса, быть на шаг впереди, но, что бы она ни делала, занос не прекращается. Кира делает худшее, что можно сделать, но ничего другого ей в голову не приходит — она нажимает на тормоз до упора и не отпускает педаль. Колёса блокируются. Машину несёт боком, она ударяется обо что-то, взлетает в воздух и переворачивается через крышу, а затем ещё раз.

Кира смеётся в летящей машине.

Она открыла глаза. Машина не летела! Машина стояла на месте — вращался мир вокруг.

— Эй, — в лицо ударил холодный воздух, и Кира вздрогнула, — спокойно, это я.

— Анхель? — Она растерянно захлопала глазами, вспоминая всё и стараясь одновременно избавиться от головокружения и проснуться.

— Что? — переспросил он, не разобрав, как она к нему обратилась, а потом махнул рукой. — Неважно. В общем, нужен трактор. Так не вытащить. Мужики поехали искать тракториста в деревню. Ты как?

— Кажется, я уснула. Тебе надо ехать? — спросила она и вдруг представила, что будет, если он ответит утвердительно.

— Нет, я останусь. Но предлагаю сгонять до заправки и купить нам по хот-догу.

В ответ желудок Киры заурчал. Она с сомнением посмотрела на людей, столпившихся рядом с местом аварии.

— Было бы здорово, — ответила она и хотела выйти из машины. — Давай я подожду здесь, а ты заодно погреешься, пока едешь.

— Ну вообще я хотел предложить съездить тебе. Заодно заправишь её, а то бензина не

очень много. А я побуду тут.

— Ты дашь мне свою машину?

— Ну, у меня будет твоя, — усмехнулся он.

— Знаешь, — проговорила Кира, — вообще такой обмен мне нравится.

Он рассмеялся.

— Я записал номера. Мне без майонеза, пожалуйста.

— И кофе без кофеина?

— Кофе обычный. И Кира... следи за дорогой. — Он придержал ей дверь, пока девушка пересаживалась за руль. — Разберёшься?

Кира хотела похвастаться тем, что прекрасно чувствует машины и может водить всё что угодно, но потом вспомнила причину их встречи и просто кивнула.

Она развернулась и, знакомясь с машиной, медленно покатила в сторону заправки. «Мазда» была совсем другой по характеру и управлению, чем её. Кира нажала на газ.

Перемёрзшая грязь застучала по днищу. Кира ударила по тормозам и замерла, не убирая ногу с педали. Она посмотрела на руки, сжимающие руль. Костяшки пальцев побелели.

Дверь открылась.

— Ты чего? — Анхель раскраснелся и обеспокоенно разглядывал её.

Кира оторвала взгляд от дороги и посмотрела на него.

— Я не могу, — прошептала она, из глаз брызнули слёзы. Вождение было частью жизни, частью её самой, как зрение или слух, и лишиться его... А если она больше никогда не сможет?..

— Так, ясно. — Анхель положил свою руку на её руку на руле, сам перегнулся через неё и толкнул передачу на паркинг. — Можешь отпустить педаль. Кира? Подними ногу.

— Но...

— Она не поедет. Видишь? Паркинг. Давай вообще заглушим её. — Он ещё раз перегнулся через Киру и нажал на кнопку запуска двигателя. Их накрыла тишина. Где-то в отдалении смеялись люди. — Теперь точно никуда не поедет. Давай-ка, выбирайся, — он помог Кире вылезти, — легче?

На морозном воздухе ей действительно становилось лучше. Паника отпустила горло, сердце постепенно успокоилось.

— А есть-то всё равно хочется, — Анхель бросил взгляд через плечо, — думаю, успеем вместе. Момент, — он трусцой добежал до группы людей, пьющих что-то по очереди из одной бутылки. Кажется, спасение машины Киры превратилось в стихийный праздник. Анхель вернулся быстро. — Жека и Костян не уедут. И если придет тракторист, они тут покомандуют. Нормально?

— Да, — рассеянно ответила Кира.

— Да, да, — передразнил её Анхель. — Ты уже так говорила. Ты не отъедешь тут у меня? Точно не ударилась головой?

— Точно, всё хорошо. — Кира уселась на пассажирское сиденье и с тревогой наблюдала, как Анхель завёл машину. — Давай потихоньку только? — попросила она.

Он кивнул и взял её руку. Положил на руль и накрыл сверху своей. Плавно нажал на газ.

— Видишь, — улыбнулся он. — Ты рулишь.

Кира слабо улыбнулась, руль не отпустила и руку высвободить не попыталась.

В итоге, чтобы вытащить машину, пришлось вызывать эвакуатор — на нём же её и

отвезли в Москву.

Кира ехала в эвакуаторе, Анхель — за ними. Он договорился с другом о сервисе, и когда они уже глубоко за полночь добрались, мастер их ждал. Кира расплатилась с эвакуаторщиком и повернулась к Анхелю.

— А тебе вообще куда надо было? — спросила она.

— Я уже опоздал, — пожал он плечами. — Давай довезу тебя? А ещё я бы поел. Как ты смотришь на завтрак?

Кира смутилась. Он, конечно, был очень мил, спас и её, машину и всё такое, но завтракать с ним...

— Я знаю хорошее заведение, где завтраки круглосуточно. Очень нужно заесть заправочный хот-дог чем-то приличным. Что скажешь?

Кира улыбнулась.

— Я «за».

Они пили кофе и ели завтрак до четырёх утра.

После этого Анхель отвёз её домой. Они сидели в машине у её подъезда, и Кира раздумывала, что делать дальше. Он был смешным и добрым и, казалось, совершенно бескорыстно помогал ей. Они слушали одинаковую музыку и читали одинаковые книги.

Она открыла было рот, чтобы предложить ему подняться, но он опередил её.

— Кира, это прозвучит странно... но я рад твоей аварии.

Она усмехнулась.

— Кажется, я тоже.

— Я бы хотел позвать тебя в кино... когда-нибудь. Или не в кино. Поесть стейков. Ты любишь стейки?

— Могу только ими и питаться. — Её улыбка стала шире.

— Ты пойдёшь есть стейк со мной? Не сейчас, но когда-нибудь. Скоро. — Он вдруг начал смущаться.

Несколько часов подряд она наблюдала, как этот мужчина руководит спасательной операцией, договаривается с пьяными деревенщинами, с эвакуаторщиком и работягой на сервисе. А теперь, когда пришлось звать её на свидание, вдруг всё его красноречие пропало. Она рассмеялась про себя. Ей хотелось слушать ещё и ещё, как он подбирает слова. Но ранить его не хотелось — поэтому она дотронулась до его руки и сказала:

— Я пойду с тобой есть стейки. Скоро. — Она всё же позволила себе улыбнуться.

— Спасибо! — ответил он с облегчением. — Тогда я тебе позвоню?

— Куда? — Её улыбка стала шире.

— Ой, — окончательно смутился он, — а дашь телефон?

Кира наконец-то рассмеялась, продиктовала ему номер и, избавив обоих от очередного раунда смущений и сомнений, чмокнула его в губы.

— Спасибо, Анхель, — выдохнула она ему в губы и выскочила из машины.

Так он стал Анхелем, и — как и обещал — он накормил её стейками.

Семь лет спустя Кира слушала, как Анхель провожает родителей и наводит порядок на кухне, притворяясь, что спит.

Глава 6. Некромант

Кира открыла глаза. Косой солнечный луч пробивался сквозь жалюзи и щекотал её

ресницы. Она потянулась и перевернулась на другой бок. Так хорошо было выспаться. Прошёл уже год, как она смогла взять под контроль свои кошмары и бессонницу, но всё равно каждую ночь, ложась спать, никак не могла избавиться от тоненького голоска страха, который шептал ей, что выспаться она не сможет. И никогда не могла. И весь этот год — плод фантазии её воспалённого разума. Поэтому, просыпаясь каждое утро, она была безумно рада и благодарна, что раздражающий голосок ошибся.

Она выскользнула из-под простыни, накинула длинный шёлковый халат и вышла на террасу.

Солнце играло на идеально тихой глади океана, оставляя белые сполохи. Все волны разбивались далеко от берега о риф и до пляжа докатывались крайне редко. В тихий безветренный день, как сегодня, был полный штиль. Кира спустилась по деревянной лесенке на ровный белый песок и беззвучно подошла к перевернутой лодке. Он сидел на пересохшем днище и проверял снасти. Она невольно залюбовалась им и всей картинкой. Наверняка он почувствовал заранее, что она вот-вот проснётся, и подготовился. Пусть так — менее прекрасными от этого ни вся сцена, ни утро не стали.

— Привет! — Она запустила пальцы ему в волосы.

Он вскинул лицо, усыпанное веснушками, и посмотрел на неё выжженными вовсе не солнцем белыми глазами. Сначала они безумно пугали Киру, но постепенно она привыкла. Особенно когда начала видеть точно такие же в зеркале. Приобретая что-то, платишь за это цену. Цвет глаз был индикатором происходивших внутри изменений.

Йохан вытянул руку и притянул её к себе. Кира наклонилась и поцеловала его.

— Я тебя разбудил?

— Нет. Не слышала, как ты ушёл.

Вот уже год они были вместе. И жили в месте, которое больше всего напоминало рай Йохана, в который он затащил Киру при первом их знакомстве.

Год назад Кира не представляла, как такие, как они, могли выжить в изоляции. Теперь же она не представляла, как ей придётся вернуться к людям. Тем не менее, это предстояло сделать уже через несколько минут. Они не обсуждали этого раньше, но оба чувствовали, что время пришло.

— Большой день, хорошая? — Его голос звучал бодро, но Кира видела печаль. Не столь сильную, чтобы попытаться её остановить или отправиться с ней. Теперь она понимала это чувство, то самое, которое причинило ей столько боли, когда он ушёл в первый раз. Внезапный порыв ветра распахнул её халат. Она рассмеялась.

— Это очень дешёвый трюк, ты можешь лучше, — сказала Кира ему, отступила на пару шагов, повела плечом и позволила халатику упасть на песок.

Йохан поднялся на ноги.

— Лучше, говоришь? — Он откинул сеть и рванул к ней, перепрыгивая через лодку.

Кира взвизгнула и бросилась бежать к океану. Она почти добралась до воды, парень возник прямо перед ней.

— Достаточно хорошо?

Она провела ладонью по его лицу.

— Почти успела, — улыбнулась она.

— Почти не считается. Как видишь, тебе ещё есть чему поучиться.

— Если ты не хочешь, чтобы я уезжала, так и скажи.

Йохан отпустил её, и Кира сразу же уловила перемену в его настроении. Поняла, что он

не готов шутить на эту тему.

— Я не могу решать за тебя. Хочешь остаться — оставайся. Хочешь уехать — я не стану тебя держать. Но если ты хочешь, чтобы я тебя уговаривал, этого не будет. Ты знаешь все мои мысли на этот счёт. — Он посмотрел на океан. Кира закатила глаза и обняла его сзади. Поцеловала в основание шеи — куда дотянулась.

— Не злись.

На берег накатила неожиданная волна и намочила их ноги до колен. Йохан на секунду задержал дыхание, повёл плечами, скидывая её руки, и, разбежавшись, нырнул. Его кожа ещё помнила её касания. Он вынырнул, отфыркиваясь, и оглянулся. На берегу больше никого не было. Халатик тоже исчез. Он захохотал и поплыл дальше к рифу.

Света заехала в офис за остатками вещей и замерла на пороге. Дверь в кабинет Киры была открыта.

Света поставила сумку на свой стол и прошла в соседнее помещение.

Девушка стояла у окна, завернувшись в шёлковый халат, курила и смотрела на улицу. Как будто не прошло всего этого времени. Её волосы выгорели и отросли. Кожа потемнела. Фигура стала точёной и подтянутой.

— Кира? — позвала Света.

Девушка у окна оглянулась, и Света отшатнулась. Зелёные глаза Киры стали почти белыми.

— Ты долго. — Голос её не изменился.

В первую секунду Света хотела броситься к Кире и обнять её — или ударить: она сотни раз представляла их встречу, но никогда в своих фантазиях не замирала на месте, как это случилось в реальности. Её будто остановила неведомая сила. Кира внимательно изучала её и как будто чего-то ждала. Из всех вопросов, роящихся в голове, Света выбрала один.

— Ты опять исчезнешь?

Кира покачала головой.

— Я дома.

Света почувствовала предательские слёзы. Шмыгнула носом.

— Кофе?

— Да, пожалуйста. — Кира села за свой стол, открыла крышку ноутбука и как ни в чём не бывало сказала: — И давай посмотрим, что у нас с базой?

— Мне потребуется немного времени, — ответила Света.

— Конечно. — Пугающе белые глаза Киры уже бегали по строчкам на мониторе.

Света прошла на кухню, промыла танкер для воды и кружку, открыла пакет с зёрнами. Всё ещё ароматно, хотя запах уже начал выветриваться. Надо будет заказать свежий пакет после того, как разберётся с базой.

Пока кофемашина начинала жужжать и прогреваться, Света сделала один звонок.

— Добрый день. Да, это Светлана. Завтра у меня должен быть первый рабочий день офис-менеджером в вашей компании. Прошу прощения, я не приду. Нет, мне не нужно время. Да, да, я понимаю. Прошу прощения. — Она положила трубку и понесла кофе Кире.

Когда она вошла, Кира уже переоделась. Халат валялся на кресле.

Света машинально сгребла его и вышла в приёмную, мягко прикрыв за собой дверь. Прислонилась к ней и заплакала. Теперь всё будет хорошо. Наконец-то всё будет хорошо. Света сделала глубокий вдох, а потом медленный выдох. Нужно сделать очень многое.

Обзвонить старых клиентов, составить расписание. Прежде всего — нужно собраться. Решить, рада она, или обижена, или всё вместе, Света сможет и после.

Скрюченная бабка бесцеремонно протиснулась в дверном проёме мимо Светы.

— Мне назначено! — рывкнула она, и Кира удивлённо подняла взгляд от компьютера.

— Кира, это Анна Семёновна, и... — Света взглянула на часы, — ...ей действительно назначено.

— Да, как я и сказала, — с этими словами бабка плюхнулась на место Киры. Света невольно поморщилась и бросила взгляд на своего шефа. Ни лице Киры не дрогнул ни один мускул. — Принеси-ка мне чаю. Какого-нибудь травяного, я не употребляю кофеин. И без сахара, сладкое я тоже не ем. Плохо влияет на кожу. — Она подмигнула Кире.

— Сию минуту, — изумлённо проговорила Света.

— Сию минуту, — передразнила её бабка. — Ты почему ещё здесь? Или чай у вас готовит кто-то другой?

— Анна Семёновна, — Кира вышла из-за стола и спокойно опустилась в кресло для посетителей, — у вас были ко мне вопросы? Давайте я их выслушаю, пока чай готовится?

— Ты слепая что ли? — Анна Семёновна прищурилась. — Мне почти сто лет! У меня только один вопрос!

Кира поняла, что вопрос про зрение вовсе не был реакцией на её белые глаза. И улыбнулась: бабка начинала ей нравиться.

— По правилам, вы должны задать этот вопрос, чтобы я смогла дать на него ответ, — серьёзно проговорила ведунья.

— По каким-таким правилам? Кто их придумал?

— Это уже два вопроса. На какой мне отвечать? И точно ли это те самые вопросы, ради которых вы проделали весь этот путь?

Анна Семёновна прищурилась.

— Ишь ты. А говорят, это я ведьма.

— Вам врут, — Кира позволила себе улыбнуться, — никаких способностей у вас нет и всю жизнь не было. Хотя в проницательности вам не откажешь до сих пор.

Дверь в кабинет открылась, и вошла Света с подносом. Выставила две чашки и чайник. Кира всегда пила то же, что и её клиент.

— А мёд? — Бабка посмотрела на Свету.

Та с мольбой взглянула на Киру, которая едва заметно кивнула.

— Несу, — улыбнулась Света.

— Итак, ваш вопрос? — Кира продолжала изучать Анну Семёновну.

— Любит ли меня Аркашка из семьдесят восьмой? — выпалила бабка, и Кира отпрянула, удивлённо глядя на неё. Бабка расхохоталась настоящим ведьминским смехом. — Видела бы ты себя сейчас, ведунья.

Вернулась Света. Посмотрела на хохочущую бабку и удивлённую Киру. Покачала головой, молча оставила мёд и вышла.

— Ох, молодёжь, — бабка вытерла выступившие слёзы, — конечно, любит. Как можно не любить? Разве стала бы я на такую ерунду тратить свой вопрос? Он вечно мне письма приносит. И когда ко мне скорая приезжает, караулит у двери. Всегда говорит, что боится не успеть посмотреть, как меня вынесут ногами вперёд. Молодой вертихвост.

— Сколько ему лет? — спросила Кира потому, что Анне Семёновне этого явно

хотелось.

— Семьдесят пять! — с гордостью ответила та. — На тринадцать лет меня моложе. Скажешь, что это ненормально? Но знаешь, что скажу я? Что мне плевать. Вот. Совершенно плевать.

— Так что же вы хотите узнать?

Анна Семёновна сделала глоток чая, одобрительно кивнула головой и заела его мёдом. Кира терпеливо ждала, пока у бабушки кончатся все причины уходить от главной темы.

— Я слышала о вас, — наконец сказала бабушка. Кира сосредоточилась на смысле слов, а не на голосе — низким и скрипучем. — Слышала, что вы были в мире мёртвых и вернулись из него. — Она украдкой взглянула на Киру. Чародейка сидела без движения, будто превратилась в статую и никак не реагировала на слова клиентки. Не было видно даже колыхания её груди при дыхании. Бабушка отчаянно хотела, чтобы ей помогли с вопросом, но Кира этого делать не собиралась. Очень уж... сладким на вкус оказалось замешательство посетительницы. Женщина наклонилась к Кире и попыталась взять её за руку. Та подавила вспышку раздражения и спокойно отстранилась. Да что за манеры такие? — Я всю жизнь работала в органах. Мы делали важную работу, защищали страну изнутри любыми методами. Вы понимаете? — Острый взгляд тёмных глаз впился в Киру. На этот раз она позволила себе отрывисто кивнуть, но молчание не нарушила. — Не все могут понять, какую цену нам приходилось платить.

— Вам? — всё же подала голос Кира.

Старуха откинулась на спинку кресла и, кажется, расслабилась.

— Конечно, мне, а кому же ещё? Общаться со всеми этими изменниками и предателями... — Скрип ушёл из её голоса, как будто на ржавые петли наконец полили масло. — Эти твари делают что хотят, а мне потом распутывай всё и подчищай за ними. И чья душа на кону? Их, что ли? У них её не было и нет!

Кира задумалась о том, почему КГБ-шница вообще допускает существование какой-то там души. Но, разумеется, спрашивать не стала. Вместо этого она сказала:

— Задайте вопрос, Анна. — В её голосе прозвучала сталь. Она не психолог, чтобы это бесконечно выслушивать.

Замешательство сменилось гордыней, а она, как правило, очень пресная и разбухает во рту. Как полежавшая маца. Старуха вздрогнула.

— Как мне избежать ада? — спросила она.

Между ними повисла тишина. Теперь уже Кира подалась вперёд и впилась взглядом в клиентку. Бабушка заёрзала. Резким движением Кира выбросила руку и схватила Анну Семёновну за кисть. Старухе нужен был физический контакт — так вот он. Бабушка дёрнулась и попросила высвободить руку. Но Кира крепко сжала пальцы вокруг тонкого, будто обтянутого папирусом, запястья. Под истончившейся кожей прощупывалась каждая косточка. И где-то там бился пульс. Кира читала сидящую напротив ведьму. Она усмехнулась про себя: у слова «ведьма» было строго определённое значение, которое к Анне не имело никакого отношения. Но именно оно казалось сейчас правильным.

Кира безучастно наблюдала за ростом карьеры клиентки, как будто смотрела фильм на ускоренной перемотке. Это был серый фильм без цветов. Наружная слежка. Допросы. Работа в кабинете. Вызовы наверх. Изнасилование в кабинете начальника. Пока он её трахал, глаза смотрели на герб и портрет генсека под ним. Ещё допросы. Какие-то праздники с семьёй. Путёвки в Крым. Незнакомые люди, которые расступаются при одном её приближении,

чувствуя силу и опасность.

Гиена, идущая по саванне с мордой, перепачканной кровью.

Кира зафиксировалась на образе. Задержала кисть женщины ещё на секунду и, наконец, выпустила её. Анна Семёновна тут же отпрянула от неё и вжалась в дальний подлокотник кресла, глядя с неприкрытым ужасом и удивлением от этого самого ужаса. Она уже не помнила, когда последний раз в жизни ей было страшно.

— Так за что вы собрались в ад? — спросила Кира.

— Как за что? — скрип вернулся в голос. — Я же пытала людей!

Кира откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

— Вы в книжке прочитали, что это плохо?

— Да что вы такое говорите?! — взвизгнула Анна. — Это же... это...

— Ценность человеческой жизни? — подсказала Кира. — Бросьте, вас это никогда не заботило. Что, вы думаете, случится после смерти? Суд присяжных заседателей, который вынесет вам приговор? Это так не работает. Наказать себя можете только вы сами. За то, в чём считаете себя виноватой. За долгие годы вы убедили себя в том, что все ваши действия служили высшей цели — защите вашего государства. Даже если вы там ели младенцев, то свято верите в то, что иначе было нельзя. Я не вижу для вас ада за это, можете расслабиться.

Анна Семёновна склонила седую голову набок. Солнце проходило сквозь её волосы, сделав похожей на одуванчик или на рентгеновский снимок.

— Если не за это, то за что? — спросила она.

— Почему вы так уверены, что должны попасть в ад? — Кира устала. Почему концепцию ада не преподают в школах? Всё всегда сводится к одному. Надо научить Свету отвечать на эти вопросы и самой больше никогда не принимать таких клиентов.

— Я не знаю... но чувствую! — выпалила Анна. — Потому что я плохой человек!

— Так простите себя, — Кира пожала плечами, — здесь и сейчас. При жизни. После это будет сделать крайне сложно. — Она сдержала желание поёжиться и осталась неподвижной.

— Просто взять, и простить? — Бабка опешила. Кира кивнула. — Но разве не должен простить... кто-то ещё?

— Если для собственного прощения вам необходимо прощение других людей, то, конечно, должен. Но, кажется, вы всю жизнь были вполне самодостаточны и никогда не опускались до мнения других людей. Почему же сейчас решили?

— Я не понимаю. То есть, чтобы избежать наказания, надо всего лишь простить себя? Какая ерунда.

— А вы попробуйте. Вот сейчас у меня в кабинете сидит, наверное, самая влиятельная женщина своего поколения и пытается понять, как не попасть в ад. Никогда её этот вопрос не волновал, а когда она решила, что пора умирать, — вдруг начал. Она стала думать, не пойти ли и не попросить ли у кого-то прощения. Например, у сына, чей отец умер в застенках по её милости. Какой его ответ вас устроит больше? «Прощаю»? Или «Гори в аду»? Почему преступники всегда хотят, чтобы их поймали? — Кира наклонилась к бабке. — Потому что наказанием извне пытаются компенсировать ненависть к себе внутри. Но знаете что? Тот, кто обижает Свету, действительно достоин ада.

Анна Семёновна ушла некоторое время назад. С той минуты Кира ни разу не пошевелилась. Света заходила, что-то говорила, но та будто ушла в глубокий транс. Даже когда её тело встало и пошло к выходу, она сама всё ещё сидела в клиентском кресле.

Кира спустилась вниз и вышла за дверь.

Он был там — прислонившись к машине, ждал её. Его лицо снова было целым.

Он сделал шаг к ней. Она замерла. Ещё шаг. Она ждала. Наконец вылетела огромная шина и сбила его с ног.

Кира моргнула.

Он вновь стоял, прислонившись к машине, и ждал её.

Кира села на ступеньки. Сцена повторилась.

Она положила голову на переплетённые руки и раз за разом смотрела, как он умирает. Начался дождь. Она промокла и дрожала, но не отрывала взгляд от сцены, которая больше не вызывала в ней никаких чувств.

Вдруг над ней распахнулся зонт. Света.

— Простынешь, — заметила девушка, постелила пакет и села рядом. — На что смотрим?

Шина как раз ударила его в бок в очередной раз.

Кира тихо заговорила.

— Ты помнишь день, когда мы познакомились?

— Да, конечно. — Света удивлённо моргнула. Ностальгия не была характерной чертой Кире.

— Расскажи мне. В подробностях.

— Да нечего рассказывать. Я приехала на стрижку и остановилась, чтобы пропустить тебя. Ты переходила дорогу в этом самом месте. И вдруг ты... у тебя началось что-то типа судорог. Ты упала. Я выбежала из машины тебе помочь, отвезла в больницу. А на следующий день приехала тебя навестить, ты попросила отвезти тебя домой и по дороге спросила, не нужна ли мне работа. Вот и всё.

— Вот и всё, — повторила Кира. — Никакой аварии не было?

— Ты про ту, где погиб твой мужчина? Ты о ней рассказывала. Но это было не при мне.

— То есть своими глазами ты её не видела? — прошептала Кира.

— Нет. Да что происходит?

Кира продолжала смотреть на него. Он оттолкнулся от машины и сделал шаг к ней.

— Тогда кто ты такой, чёрт тебя подери? — пробормотала она. На этот раз она повернула голову вверх по улице за секунду до того, как там появилась шина. Никакой фуры не было. Просто колесо взялось из ниоткуда. Для призрачного колеса это не было необычным, но она всё-таки ведунья.

Кира лёгким движением оказалась на ногах и почти бегом направилась вверх по улице. Дождь усилился и хлестал её по щекам. Теперь она стала замерзать.

Улица кончалась — или, правильнее сказать, — начиналась Т-образным перекрёстком. Перпендикулярный ей переулок был с односторонним движением. Он традиционно был загружен... но слишком узок, чтобы на нём поместилась фура.

Кира оглянулась. Он стоял, привалившись к машине, и наблюдал за ней.

Глава 7. Влад

— Всё было очень вкусно, спасибо. — Кира отложила приборы.

Света неловко улыбнулась.

— Я рада.

Кира чувствовала, что это правда. Но также чувствовала недоверие к самой себе. Что глаза ей не лгут и Кира действительно здесь.

— Покурим? — предложил Влад. Кира внутренне вздохнула. Его нетерпение и злость перекрывали всё на свете. Она улыбнулась: история повторялась.

— Покурим.

Они вышли на балкон. Внутри Света гремела посудой. Влад прикрыл за ними дверь, отсекая звуки комнаты. Как только они остались вдвоём, он прыгнул к Кире и схватил её за горло, перегнув через перила. Она скорее услышала, чем почувствовала, как в спине что-то затрещало.

— Что ты себе позволяешь, ведьма? — прошипел он сквозь сжатые зубы. — Какого чёрта ты исчезла на долбаный год и чуть не похоронила мою карьеру? После всего, что я для тебя сделал?

— Я должна была восстановить силы, — прохрипела она. — И я вернулась.

— Ещё бы ты не вернулась, — он придушил её чуть сильнее, а потом отпустил и отошёл, достал сигарету и закурил. — Когда сможем продолжить? Результаты должны быть очень хорошие, Кира. Я в такой жопе из-за тебя.

— Что нужно сделать? — спросила она.

— Есть один политик, который взял на себя слишком много. Нужно, чтобы он заговорил.

Кира кивнула.

— Порядок действий ты знаешь, — сказала она.

— Да уж, не забыл, — огрызнулся он.

Вдруг она оказалась перед ним. И уже Влад оказался прижат к перилам.

— Наша сделка в силе до тех пор, пока мы нужны друг другу, — донёс ветер её слова. Она же стояла к нему очень близко, так, что он чувствовал её парфюм, но губы её не шевелились. — Но если ты ещё раз позволишь себе угрожать мне, я тебя уничтожу.

Ему казалось, что его обволакивает липкая чёрная туча, мерзкие отростки-тентакли которой заползают к нему под одежду, склизким холодом ласкают кожу. Он почувствовал, что его сейчас вырвет от отвращения. Приятные духи Киры вдруг стали пахнуть сладковатым гниющим мясом.

Вдруг всё кончилось. Только что он смотрел в её безжизненные белые глаза дохлой рыбы — и вот уже она выходила с балкона, пытаясь победить слишком длинную занавеску.

— Сука, — прошипел Влад. Когда он узнал, что она вернулась, то почувствовал облегчение. Но вместе с тем и страх. Где-то в глубине души он надеялся, что больше никогда её не увидит, пусть это и означало конец карьеры для него.

Следующей ночью он отправил за ней служебную машину. Она уже была готова и ждала свой почётный караул. Они приехали на правительственный аэродром. Влад ждал её у трапа в самолёт.

— Прошу, — расшаркался он.

Она прошла мимо, игнорируя его сарказм и раздражение. Лететь было около полутра часов. Кира не любила летать: слишком мало связи с землёй. Её силы будто бы оставались внизу, она чувствовала себя маленькой и беспомощной. Бабочкой в спичечном коробке.

Она опустила в кресло, пристегнула ремень. После взлёта сняла очки.

Влад посмотрел в её глаза.

— Так это линзы? — удивился он. — Я так и знал, что ты валяешь дурака.

Кира достала мобильный и открыла фронтальную камеру. Краска вдруг вернулась в радужную оболочку. Чем выше поднимался самолёт, тем ярче становились её глаза.

Кира откинулась в кресле и закрыла глаза. Она снова была в хижине Йохана на берегу, лежала поперёк кровати, свесив голову так, что рыжие волосы подметали пол. Йохан положил голову на её собранные домиком ноги, курил и улыбался чему-то в телефоне. Кира изогнулась так, чтобы поместиться на кровати, не потревожив его.

— Что будет дальше? — спросила она.

— Ну, — он отложил телефон, — никаких причин оставаться тут у тебя больше нет.

— Кроме моего желания? — Она улыбнулась, вопреки серьёзности разговора.

— Я его не чувствую, — честно признался Йохан. — Можешь злиться сколько хочешь, но это факт.

— В итоге ты не так уж и хорошо меня знаешь... — Она накрутила локон на палец.

— Ты очень хочешь хотеть остаться, — его мёртвые белые глаза смотрели в её, — но то, чего ты на самом деле желаешь, — это пройти и опробовать свои силы. И это нормально, тут нечего стыдиться. Было бы странно получить такой ресурс и просто отмахнуться от него. Через это проходят все, это неизбежно. Я же не смирению тут тебя год учил, — усмехнулся он.

Кира вспомнила день, когда ушёл он. Вспомнила, какой обманутой и беспомощной тогда чувствовала себя. Не хотелось думать, что сейчас ею руководит месть. Но Йохан был прав: просто проигнорировать это чувство она тоже не могла. Тем более зная, что врать ему бесполезно. В ходе обучения им вместе пришлось оказаться в самых тёмных уголках сознания друг друга. Никакие тайны сохранить при таком погружении было просто невозможно. Эмоции друг друга стали даже более понятны, чем собственные. Это и привлекало, и вызвало желание дистанцироваться одновременно.

— Думаю, что ещё неделю побыть тут я могу себе позволить. — Она изучала его реакцию. Ему хотелось, чтобы она осталась, но хотелось и практик в одиночестве. Он устал за этот год.

— Торги? — усмехнулся Йохан. — Всю неделю будем ждать расставания? Говорить друг с другом, понимая, что всё уже конечно?

Кира выбралась из-под него и села сверху. Он убрал прядь её волос за ухо.

— Мы не будем говорить, — она улыбнулась, — будем пить, курить и трахаться.

Он погладил её по спине.

— У тебя бывают блестящие идеи, мой старый учитель.

Кира почувствовала снижение по тому, как энергия стала наполнять её тело. Она сделала несколько глубоких вдохов, проверяя, что всё хорошо и ничего из её способностей в полёте не потерялось. В момент, когда шасси коснулись взлётно-посадочной полосы, она открыла глаза. Влад вздрогнул. Она улыбнулась ему самой жуткой из всех своих улыбок и надела очки.

За бортом было минус пятнадцать и выюга. Кира верила, что в Мурманске всегда минус пятнадцать и выюга.

Сопrotивляясь ветру, оно дошли до ожидавших их джипов. Влад сел в один, Кира — в другой. Пейзаж за окном мало отличался от того, что она видела в иллюминаторе раньше — ровное белое полотно и ни души. Только трясло сильнее.

Они ехали часа два. Водитель предложил Кире воды, но она отказалась. Что-то смутно знакомое беспокоило её.

Наконец машины остановились перед КПП. Одна из колоний сверхстроого режима, о которой мало кто знал, но где Кира и Влад бывали достаточно часто. По привычке Кира вышла из машины, предъявила документы и позволила себя досмотреть. Затем вернулась в машину, и они ещё несколько минут ехали до следующего фильтра.

После всех проверок они, наконец, попали внутрь. Влад отдавал короткие приказы, и сотрудники молниеносно их исполняли. Все знали, что будет происходить дальше.

— Готова? — спросил Влад. Кира кивнула. — Открывай, — приказал он охраннику. Тот хотел о чём-то предупредить, но наткнулся на взгляд Влада и молча кивнул.

Кира смерила его взглядом. Что-то не так... Что-то... Голод был сильнее тревоги, и она, отмахнувшись от сомнений, шагнула вперёд. Как закрылась сзади дверь, Кира уже не слышала, отдавшись всей той бури эмоций, что ждала её впереди.

Это было крыло осуждённых за особо тяжкие преступления. Убийства, изнасилования, терроризм, педофилия. Искалеченные души, которые никогда не были целыми. Много боли, своей и чужой. Кира сглотнула слюну.

— Отключай видеонаблюдение, — приказал Влад.

— Но они её просто порвут, — попытался возразить охранник, наблюдая, как хрупкая женская фигура идёт по проходу. — В некоторых камерах замки неисправны, как вы и приказали. Они..

Влад наклонился над ним и тихо приказал:

— Отключай видео, солдат. Иначе отправишься туда её спасать. Один.

Охранник побледнел и нажал на кнопку. Экраны тут же погасли.

— И звук.

Ещё одно нажатие. Они оказались вдвоём в тишине. Влад сел на свободное кресло и достал журнал. Сотовой связи, конечно, тут не было. Он взглянул на часы и уставился в потолок.

Охранник беспокойно ёрзал рядом. Влад приоткрыл один глаз и посмотрел на него.

— Ты уймёшься? — И сразу же отвернулся, показывая, что ответ он не ждёт.

Влад был уверен, что Кира серьёзно не пострадает. Но её надо проучить. Она должна понимать, кто тут хозяин положения. Невольно он вспомнил сцену на балконе и вздрогнул. Совсем берега потеряла ему угрожать.

Он взглянул на часы. Прошло пять минут с тех пор, как она там. Изначально Влад хотел доставать её примерно через это время. Но мрачное воспоминание подсказало ему, зачем вообще всё это затевалось. Ещё пять минут с этими джентльменами ей пойдут только на пользу. Он опять расслабился и даже начал что-то насвистывать. Он бы с удовольствием посмотрел, что там происходит, но тогда не сможет заявить на полиграфе о своей неосведомлённости. Пришлось отказать себе в маленькой радости. Мир не идеален, что поделать.

Наконец Влад поднялся на ноги, достал пистолет, проверил, что он заряжен, и снял с предохранителя.

— Открывай, — приказал он. Охранник тут же с явным облегчением разблокировал замок, выхватил своё оружие и встал рядом. Дверь открылась.

Вопреки ожиданиям, их встретила гробовая тишина.

Влад медленно двинулся вперёд на полусогнутых ногах.

— Вызвать подмогу? — прошептал парнишка.

— Заткнись, — коротко велел Влад.

Они дошли до первой камеры. Запертой. Зэки сидели, обнявшись, прижавшись к дальней стене камеры, и беззвучно плакали.

В следующей камере картина повторилась. Агрессивнее уроды, построившие внутри колонии собственное государство с жёсткой иерархией, сидели рядом друг с другом и плакали, как маленькие школьницы. Влад понял: если его гениальная идея и сработала, то явно не так, как он планировал.

В третьей камере дверь была открыта. Там не было никого.

В четвёртой (закрытой) камере пятеро зеков как замороженные смотрели на шестого — повешенного. Моча всё ещё текла по его ногам, болтающимся в полуметре над полом. Влад не сразу понял, что верёвка есть только на тени.

Влад с сомнением посмотрел на свой пистолет.

— Что же ты, дорогой? — проговорила Кира мягким напевным голосом. Влад с трудом его узнал. — Ты уже прошёл такой путь. Неужели не сделаешь последний шаг?

Охранник с Владом переглянулись, и последний кивнул.

— Ладно, — а затем шагнул вперёд.

Кира сидела в центре камеры. Влад не сомневался, что это она. Но... совсем другая. Она была облачена в чёрное пышное платье. Фатиновая юбка лежала вокруг неё идеальным кругом. Белые волосы колыхались на ветру, который Влад не ощущал. Такие же белые глаза в упор смотрели на него.

Кира ела. По её подбородку текла кровь. Будто обкладывала куриную косточку, она держала руку, оставшуюся от одного из заключенных, и лениво слизывала кровь. Вокруг неё лежали мёртвые зэки с перекошенными лицами. Ну, те, у кого ещё остались лица. У кого-то не хватало глаз, у кого-то были спущены штаны, обнажая отсутствующие половые органы.

Двое заключенных в углу были всё ещё живы. Уставившись друг на друга безумным глазами, они молча ели языки друг друга. Только неприятное чавканье да капающая откуда-то с потолка то кровь нарушали тишину.

— Твою мать, — выдавил охранник и обмочился.

Кира отбросила руку и посмотрела на пришедших.

Охранник заорал и выпустил в неё полную обойму. Звук выстрелов разрезал пространство, причиняя физическую боль всем, кроме чёртовой ведьмы. Её хохот заглушил и поглотил все остальные звуки. Влад с ужасом смотрел, как парня — он вдруг осознал, что охранник действительно был очень молод, не старше двадцати пяти — подкинуло в воздух и швырнуло об стену. Он выронил пистолет и принялся рвать собственную шею когтями.

— Хватит, — прошептал Влад.

— Что? — Кира посмотрела на него невинным глазами. Ему вдруг показалось, что она тоже очень юна и смотрит на него снизу вверх со всей наивностью, которая только возможна в этом мире.

Охранник на секунду замер и сумел втянуть немного воздуха. Его хрип разорвал тишину громче недавних выстрелов. Влад замер. Кира вздохнула и опять перевела взгляд на парня. Тот снова забился в агонии.

— Хватит! — заорал Влад. — Прекрати, умоляю!

— Прекратить что, Влад?

Он открыл глаза. Они стояли перед дверью фильтра. Кира обеспокоенно смотрела на

него, склонив голову набок. Охранник удивлённо переводил взгляд с Киры на Влада и обратно. В камерах впереди улюлюкали зэки.

— Закрывай, — приказал Влад охраннику.

— Но...

— Закрывай, — прошипел Влад, и его рука легла на пистолет, что не ускользнуло от охранника. Он поспешил выполнить приказ. — И почините замки в камерах, — Влад говорил с трудом, горло драло словно наждачкой, — это не безопасно. Кто-то может пострадать. Идём, — он обратился к Кире, — нам в другое крыло. Я ошибся.

Она кивнула и, не выражая никаких эмоций, двинулись вслед за ним. Влад отметил, что её движения стали более плавными и тягучими. «Как после секса», — подумал он. Девушка и правда выглядела удовлетворённой.

— Подкормилась? — прошипел он.

— Всё было очень вкусно, спасибо, — она улыбнулась, — не понимаю твоего возмущения. Мы же за этим сюда и приехали? Ты должен быть доволен.

— Ты должна была жрать не меня. Опять, — прорычал он.

— Прости, я не сдержалась, — она продолжала улыбаться.

Он сделал шаг и навис над ней. А потом замер.

— Ты точно хочешь это сделать? — уточнила Кира.

Влад закрыл глаза и глубоко вздохнул. Затем открыл и улыбнулся.

— Очень. Но у нас нет на это времени. Ночь длиннее не становится. Мы пришли.

Они вошли в небольшой кабинет. Кира сразу посмотрела на стеклянную стену. По ту сторону сидел уставший мужчина, уронив голову на грудь. Было видно, что он недавно быстро потерял вес. Косматая щетина выглядела лохматой и запущенной. Вокруг глаз были характерные морщинки. Этот мужчина любил смеяться. Когда-то.

Влад протянул Кире досье и в деталях рассказал, кто это и чего нужно от него добиться. Она слушала вполуха и листала папку, не глядя в неё. Сам мужчина был ей гораздо более интересен. Кира ходила вдоль стекла, пытаясь рассмотреть его.

— Я поняла, — наконец прервала она словесный поток Влада. — Отведи меня к нему. И проследи, чтобы мне не помешали.

— Он не должен пострадать. Физически, — предупредил он, и Кира кивнула.

Влад отвёл ведьму в соседнюю комнату и вернулся к смотровому окну.

Попытался включить звук, но динамик остался мёртвым. Почему в её присутствии вечно всё ломается? Придётся довольствоваться только изображением.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Киру, замершую у входа. Что-то сказал. Отрицательно махнул головой. Ещё раз. Попробовал отстраниться, но Кира медленно двинулась вперёд. Положила на стол одну руку, затем другую. Поставила на стол колени, затем забралась на него целиком и медленно поползла к мужчине, как кошка. Влад наблюдал, как заворожённый. Кира взяла мужчину за голову, откинула её назад и оседлала его. У того сразу начались судороги, а изо рта пошла пена.

— Твою мать! — Влад бросился в соседнюю комнату. Звуки накрыли его громкой волной: мужчина визжал. Пена изо рта летела в разные стороны. Кира сидела, прижавшись к нему лбом, и что-то шептала. Её длинные бледные пальцы, похожие на белых червей, вплетались к нему в волосы, в сам череп.

— Отойди от него, — приказал Влад, но Кира не отреагировала. Он попытался взять её за плечо, но она откинула его руку и зашипела, повернувшись к нему. От увиденного Влад

истощно заорал: у неё не было лица. Ниже уровня волос и до самой шеи было сплошное месиво из копошащихся белых червей.

Влад выхватил пистолет и выпустил полную обойму в эту массу, не переставая орать.

В комнату вбежали люди. Кто-то выбил у него пистолет и заломил руки назад, швырнув лицом в стол. Крик сменился хрипом. Влад с силой дерутся и посмотрел перед собой.

Кира, всхлипывая, сидела у противоположной стены, сжавшись в комочек и прижав ноги к груди. Мужчина в наручниках сидел, откинув голову. Из его рта капала кровь. Всё тело было испещрено пулями, а последняя красовалась во лбу. Стена за его спиной была в крови и мозгах, теперь медленно стекающих на пол.

— Нет, — изумлённо прошептал Влад. — Нет, нет, нет! Это не я! Это она! Ведьма! Ть ведьма! — Он дёрнулся к Кире, но кто-то ударил его под дых, потом ещё и ещё.

Его потащили из комнаты. Влад пытался сопротивляться. Видел, как кто-то подошёл и Кире и накрыл её пиджаком. Она посмотрела на этого человека с благодарностью, а потом перевела взгляд на Влада. Он был готов поклясться, что Кира ему подмигнула.

Влад заорал с новой силой, и его выволокли в коридор.

— И что потом? — спросила Мастер.

Кира затянулась сигаретой, глядя, как пузырьки неторопливо лопаются вокруг лимона в её чашке с кофе.

— Обычный процесс. Меня спрашивали, зачем вообще Влад привёз меня туда. Я сказала, что это наша обычная практика. Я, как много раз до того, помогала ему работать с проходящими по его делам. Об этом есть множество записей. Но в этот раз он вёл себя странно, и всё вышло, как вышло. Персонал подтвердил мои слова. Как и записи с камер, конечно, — Кира сделала глоток и поморщилась. Кофе остыл и стал слишком пряным.

— А Света?

Кира ждала этот вопрос и готовилась к нему. Но всё равно в груди неприятно кольнуло.

— Ей лучше держаться от всего этого подальше.

— Интересно, — протянула Мастер и замолчала.

Кира ждала. Потом мысленно закатила глаза. Никогда ничего не бывает просто.

— Что интересно?

— Что ты всё равно продолжаешь её защищать. И что, отрицая собственную человечность последнее время, ты всё равно пришла ко мне. Фактически ты тут бываешь через день. Я уже думаю подарить тебе зубную щётку и выделить спальню.

Кира секунду всерьёз обдумывала это замечание, прежде чем усмехнуться.

— Думаю, это будет уже перебор.

— Да что ты. Как бы там ни было, ты стала ощутимо сильнее, увереннее в себе и жёстче. Но всё равно ты задаёшь не те вопросы ни тем людям. Тебе не кажется, что Йохан с призраком поможет больше, чем я? Или тебе мешает гордость?

Кира постучала пальцами по столу и тут же поймала себя на этом жесте. Мастер, конечно, права: Йохан тут справится лучше, чем любая из них. Но что-то её останавливало. Они теперь регулярно общались — и каждый раз Кира обходила эту тему стороной. Почему-то ей было важно разобраться во всём без его помощи. Но с каждым днём ощущение сдавливаемой на шее удавки становилось всё сильнее.

Глава 8. Призрак

Когда-то давно Кира вела дела без Светы. С тех пор прошло много лет.

Кира думала, что поток клиентов иссякнет, но люди продолжали приходить с вопросами и приносить ей деньги и энергию. Она не прилагала для этого никаких усилий — всё как-то происходило само. Конечно, куча всего, за чем следила Света, постепенно приходило в упадок. Например, Кира сама купила кофе, чем очень гордилась. До тех пор, пока не заварила первую же чашку и не обнаружила, что кофе пережжённый и без кофеина. И с ванилью. Какая гадость.

Она гипнотизировала чашку с жижей, которую было невозможно пить, когда дверь кабинета открылась. Вошла Света. Не говоря ни слова, она выхватила кружку у Киры из рук и практически сунула в неё нос. Удовлетворённо кивнула.

— Что? — не выдержала Кира.

— Этой мерзостью воняет из коридора.

— Мне нравится. — Кира упрямо поджала губы.

— Ну и пей, — Света сунула кружку обратно ей в руки. Кира покосилась на её содержимое. Подняла взгляд на Свету, которая стояла над ней, сложив руки на груди. Потом опять посмотрела на кофе.

«Я прошла через ад, — подумала Кира. — Я смогу».

И поднесла чашку к губам.

— Ой, да прекрати! — Света выхватила у неё кружку и вышла.

Кира устроилась в кресле поудобнее и стала ждать. Вселенной совершенно всё равно, как именно исполнять твои желания. Иногда они просто исполняются.

За тот короткий миг, что их пальцы соприкоснулись, Кира уловила смятение и борьбу внутри Светы. Прочувствовала бессонные ночи и тяжёлые суды. Непонимание, жалость к себе. Ненависть к Владу и Кире. Если спросить Свету, что именно её привело в офис Кирь тем утром, наверное, она сама бы не ответила. Какая-то болезненная тоска. Убеждённость, что сейчас она окажется с близким человеком в привычной обстановке, и всё станет как прежде. Кира знала, что не станет. Они с Владом годами обманывали Свету, не рассказывая ей о подробностях своих отношений. В ответ на свою открытость Света получала тайны. И это ранило её больше, чем то, что происходило на самом деле, и то, как всё завершилось.

Света вернулась через несколько минут. Кабинет наполнился привычным запахом. Кира чуть не застонала от счастья.

— Я проверила бухгалтерию. Это ужас! Ты знаешь, что теперь придётся платить штраф за неуплату налогов? И есть несколько просроченных платежей. Но это не так критично. Хуже то, что нет ни одного чека за последний месяц. Чем ты думала?

— Я? — Кира начала злиться. — Я ведунья, а не бухгалтер! Почему всем нужно напоминать об этом?

— А я ассистент, а не... А не... — Света так и не продолжила.

Женщины смотрели друг на друга. Кира — снизу вверх, исподлобья. Света — сверху вниз, упрямо надув губы.

— Он действительно водил тебя в тюрьмы кормиться? — спросила Света. Кира отрывисто кивнула. — И ты... вытягивала для него информацию из подозреваемых? — Ещё один кивок. — Но зачем?

Кира вздохнула.

— Мы те, кто мы есть, Света. И он, и я. Эта сделка была всегда. Просто в какой-то

момент её условия перестали нас устраивать. И он понял, как меня уничтожить. — Кира была уверена, что полёт домой она бы не пережила. На десяти тысячах её способности не работали. Его грубой физической силе ей было нечего противопоставить. Кира не сомневалась, что с ней бы произошёл несчастный случай на борту. — И он бы это сделал. Из мести. Я успела ударить первая, хоть и знала, что это причинит тебе боль.

Света опустила в клиентское кресло. Кира напрягла память. Кажется, это второй раз, когда Света позволила себе сесть здесь. Первый был, когда они с Владом ждали, пока Кира придёт в себя после визита Лены.

— Что теперь будет?

— Это твой вопрос? — спросила Кира. Раз уж Света была в клиентском кресле...

Света усмехнулась.

— Я знаю, как это у тебя работает.

— И как же? — Кира вытянулась в кресле за письменным столом, не пересаживаясь к Свете, как она обычно это делала с клиентами, и закрыла крышку ноутбука, чтобы её ничто не отвлекло.

— Приходит к тебе какой-то бедолага с кучей проблем по жизни. Говорит какую-то чушь. Ты просишь его конкретизировать, и к тому моменту, как он находит правильный вопрос, ответ знаете уже вы оба.

Кира пожала плечами.

— В этом суть. Я всем говорю, и тебе тоже. Любые предсказания — это прогнозы, построенные на работе подсознания. И истинное беспокойство обычно прячется за кучей шелухи. Не зная вопрос, невозможно получить на него ответ. Но узнавая вопрос, ты узнаёшь сначала ответ. Такой вот парадокс. Моя роль в этом всё — помочь осознать и принять этот ответ.

— Почему бы тогда всем этим людям не пойти к психологу?

— Света, я и есть психолог своего рода.

— Ты ведунья, Кира. В чём тогда разница?

— Это твой вопрос? — усмехнулась Кира.

Света устала на носки своих туфель. Она ни разу не приходила к Кире как клиент, опасаясь её сил и того, что она может сказать.

— Проснувшись сегодня утром, я надеялась, что это всё мне приснилось. Повернулась на бок рассказать Владу — а его нет. И вода не шумит. И ничего мне не приснилось, — она посмотрела на Киру, — понимаешь?

Та просто кивнула, вспоминая, как однажды проснулась в больнице. Теперь и у Светы есть её секунда «до». Вот только ни в какой больнице Кира не просыпалась. Света продолжила что-то говорить, но Кира уже её не слушала, пытаясь вспомнить то утро. Что-то блокировало её сознание. Тишина... тишина. Света в какой-то момент перестала говорить.

Кира потёрла переносицу и прижала прохладные пальцы к вискам. Они приятно охладили кожу. Оказывается, у неё жутко болела голова.

— Прости, Света.

— Ты точно психолог... какого угодно рода? — уточнила подруга.

— Что-то происходит. Что-то очень большое. — Кира тёрла голову и говорила в стол. — Есть один... Мужчина. Или был, я не знаю. Он всё время ждёт меня у офиса.

Света кивнула со знанием дела. Кира заинтересовалась.

— Ты его не видишь, откуда ты знаешь?

— Ты постоянно смотришь туда, когда выходишь. И из окна тоже. Когда я привезла тебя сюда после того случая в торговом центре...

— Да, тогда он побежал на нас и у него не было лица.

— Я думала, Йохан научил тебя работать с такими штуками.

— Научил. Только с тем мужчиной ничего не работает. Он всегда погибает через несколько секунд после того, как появляется. Очень короткие циклы. И я не знаю, как их стабилизировать. Не знаю, что это значит и зачем он ко мне приходит. Знаю, что это сводит меня с ума. — Кира сильнее сжала голову и зашипела. Порывисто встала, подошла к полке с артефактами, достала колоду таро и села напротив Светы. — Задай вопрос.

— Но...

— Любой. Любой вопрос задай.

— Влад меня любил? — выпалила Света.

— Что? — Кира вскинула голову и посмотрела на неё. Света отпрянула. Зрачки у ведуньи были расширены настолько, что мёртвой белой радужной оболочки оказалось не видно совсем. Просто огромные чёрные глаза в тонком ореоле серебристого свечения. — Тебя интересует, любит ли тебя этот психопат?

Из глаз Светы побежали слёзы. Кира вытащила три карты из колоды, сразу переворачивая их изображениями вверх.

— Что там? — спросила Света, глядя на замершую Киру.

— Задай другой вопрос.

— Что, почему?

— Задай вопрос! — крикнула Кира.

— Да что происходит? Это мой вопрос. Что, чёрт побери, происходит?!

Кира смешала колоду и снова достала три карты. Зарычала, сбила ребром ладони карты, и они разлетелись по всему кабинету. Света вжалась в спинку кресла. Прямо по картам Кира прошла к полке и достала другую колоду.

— Задай вопрос ещё раз, — приказала она.

Света повторила вопрос про Влада. И очередная колода оказалась на полу. И ещё одна. И ещё.

— Чёрт побери! — закричала Кира и скинула все статуэтки с полки, после чего прижалась к ней лбом. — Я ничего не вижу. Ничего не понимаю. И не вижу. Я не вижу!

Света потянулась к ней через стол, боясь ступить на пол.

— Кира, дай мне руки.

Кира схватила её за пальцы.

— Не уходи, — прошептала она.

— Не уйду, — прощение Светы хлынуло в неё мощным потоком.

Внезапно дверь кабинета распахнулась. На пороге стояли Мастер и Йохан.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Йохан и прошёл без приглашения, осторожно ступая, стараясь не наступать на разбросанные колоды. Мастер же застыла в дверях, разглядывая учинённый погром и поджавшую ноги Свету. — Ты как, хорошая? — Он положил голову ей на затылок, и Кира начала оседать. Поддерживая её за голову, Йохан подхватил её на руки.

— Успел? — спросила Мастер.

— Едва, — кивнул тот и посмотрел на Свету. — Хорошо, что ты позвонила. Всё же есть от человечков польза. Как ты поняла, что мы нужны?

— Я не понимала даже, что я нужна, — Света тёрла онемевшие руки.

— И что думаешь? Увезти её отсюда? Или наоборот, оставить ближе к её кризису? — спросила Мастер, игнорируя Свету.

Он сел в кресло и положил Киру на руки, как ребёнка.

— Пусть поспит пока. Проснётся — и решим. Что думаешь про эту страсть под окном? Она сотворила?

Наконец Мастер вошла и, отодвигая предметы из-под ног, проследовала к окну.

— Я чувствую что-то, но ничего не вижу.

— Что ты делаешь? — Йохан окликнул Свету, которая сползла с кресла и попыталась начать наводить порядок.

— Я хочу...

— Ничего не трогай. Здесь сильное проклятие, эти вещи больше нельзя использовать. Нужно уничтожить в камине у Мастера, мы соберём сами. Иди домой, ты свою работу выполнила.

— Я не оставлю Киру, — Света упрямо поджала губы.

— Пусть остаётся, — не отрываясь от окна, сказала Мастер. — У них какая-то странная связь. Не понимаю её, но это их дело. Может пригодиться.

— Связь, в смысле? — Йохан сделал неприличный жест рукой, хлопнув ладонью по сжатому кулаку.

Света смерила его ледяным взглядом.

— Дурак, — сказала она.

— Не думаю, — проигнорировав её, отозвалась Мастер. — Скорее, Кира находит в ней стабильность.

— Что бы это ни значило, — пробормотал Йохан, баюкая Киру.

Кира огляделась. Она лежала посреди пустыни под дюной. Откуда-то издалека доносились голоса Мастера и Йохана, но постепенно ветер их стёр. Кира села и взъерошила волосы пальцами. Из них посыпался песок. Как долго она тут была?

Она оглядела себя. На ней была расшитая тонкой вышивкой абайя. Но не традиционная, чёрная, а такого же рыжего цвета, как волосы Киры или окружавший её песок. Лодыжки были украшены тонкими цепочками-браслетами. Обуви не было.

Кира поднялась на ноги. Вокруг были дюны. Чтобы что-то увидеть, нужно было подняться повыше.

Песок был мелкий и мягкий, как пудра для лица. Он не прилипал к коже и одежде и не нагревался на солнце. Сделав несколько шагов, чтобы привыкнуть к поверхности, Кира стала карабкаться вверх. Сбив острую макушку дюны, она замерла и оглянулась. Во все стороны, сколько хватало взгляда, простирались пески. Кира села там же, где стояла, в позу лотоса и попыталась заглянуть в себя.

Как она оказалась в этой пустыне?

Она помнила странный сеанс, который проводила... для Светы? Света задавала странные вопросы, и Кира не могла увидеть на них ответы. Чутьё как будто покинуло её, оставив вместо себя пустоту и панику.

— Добрый вечер, — голос Йохана. Его пальцы на ней. Тихая колыбельная. Переплетённые пальцы и его дыхание, отзывавшееся мурашками на шее. — Не бойся... — И после этого тишина. А затем эта пустыня.

Кира открыла глаза. Он погрузил её в транс. Зачем? Кира подавила в себе желание вскочить и снова начать оглядываться в поисках подсказок от него.

Она не просто так в пустыне, где нет внешних раздражителей.

Кира запустила пальцы обеих рук в песок. Представила, что это корни, что она тянется к воде, пытается достать до самой жизни. Её пальцы становились всё длиннее и длиннее, но песок оставался сухим. Более того, из мягкого и сыпучего он стал каменистым и теперь больно ранил подушечки.

Она достала руки и просеяла песок между пальцами. Смотрела, как ветер уносит песчинки прочь, кружа.

Видимо, чтобы выбраться, ей надо добраться до воды.

Там, в реальном мире что-то (толща песка) блокирует её способности. И это её опустошает.

Йохан поместил её сюда, чтобы она смогла снять блок. Видимо, решил, что она сама это с собой сделала.

Кира поднялась на ноги и огляделась ещё раз. Прямо у неё за спиной в воздухе висел чёрный куб.

Ведунья с сомнением изучала появившуюся громадину. Куб был сделан из какого-то тёмного материала. Он как будто поглощал весь свет, направленный на него, и не отбрасывал тени.

Медленно Кира пошла к нему. Сзади послышался шум. Кира оглянулась. Далеко позади появились вихри торнадо.

Кира отступила на шаг. Её нога попала на подвижный участок песка и поехала вниз. Кубарем Кира скатилась с дюны. Мягкий песок не причинял боли и смягчил падение. Остановившись, она тут же вскочила на ноги и оценила ситуацию.

Куб висел неподвижно. Торнадо оформились и завывали, а затем начали двигаться к ней. Кира вдруг поняла, что они разрушат куб. И тогда она не выберется никогда. Ей надо успеть раньше них.

Она бросилась бежать, подхватив полы абайи. Браслетики на её лодыжках звенели. Ноги проваливались в песок. Она спотыкалась и падала. И каждый раз вставать было сложнее, чем в предыдущий.

Кира бежала и понимала, что проигрывает эту гонку со временем. Горячий ветер из вихрей бил ей в затылок, трепал волосы и полы одеяний. Упав в очередной раз, она перевернулась на спину и посмотрела на вихри. Они были уже рядом. Куб же не приблизился ни на метр.

Кира не стала вставать. Она снова села в позу лотоса и запустила пальцы в песок.

Вихри выли.

Кира вдохнула и медленно выдохнула. Вой не пропал. Она повторила дыхательную практику, всё больше сосредотачиваясь на уходящих вглубь земли пальцах. Глубже. Дальше. Это уже не её пальцы и даже не её корни. Это нечто, не имеющее отношение к ней. Да и она сама не имеет отношение к Кире. Ни к Кире, ни к каким бы то ни было другим физическим оболочкам. Нет никакой Кире, нет никаких «она». Есть энергия.

Вихри, песок, вода под ним, гравитация, которая держит куб, человек, сидящий под дюной, — всё едино и вечно. В этом моменте, длящемся всё время мира. Если, конечно, допустить, что момент и само время существуют.

Вой замолк. Ветер стих. Песок утратил текстуру. Сухость, влага — всё перестало

существовать.

Кира открыла глаза и задрала голову вверх.

Она сидела на жёлтом песке. Над ней парил чёрный куб. При ближайшем рассмотрении он оказался не монолитным, а расписанным разными символами — чёрный бархат на чёрном глянце. Кира секунду изучала их, а потом посмотрела на вихри. Они были уже совсем рядом.

Кира ощутила воду под пальцами. Не просто влагу — а воду. Как будто дотянулась до подземной реки. Не отрывая взгляд от вихрей, она одним движением оказалась на ногах и свела руки над головой. Вода тянулась за ней. Она ударила в куб, омыла его со всех сторон. И вдруг он засветился, возвращая весь поглощённый за века свет. Кира упала на песок, закрывая голову. Лучи прошли сквозь вихри и разрушили их. Лучи полностью повернули планету, вывернули её наизнанку. Закрывая глаза, Кира падала вверх, к кубу и на куб. Свет бил ей в глаза.

— Тише, тише, — Йохан попытался поймать её руки. — Помоги! — крикнул он куда-то, и пара прохладных рук схватили её за запястья.

«Мастер», — подумала Кира.

— Открой глаза, хорошая, — Йохан говорил очень спокойно.

Кира была уверена, что если посмотрит на куб, он выжжет ей глаза. С другой стороны... Воспоминание о единой энергии ещё было живо в ней, хоть и уходило. Если хоть что-то из этого правда — то какая разница?

Она открыла глаза.

Йохан сидел в её рабочем кресле. Она лежала у него на руках. Никакого inferнального света не было — просто дневной из окна.

— Что это было? — Она посмотрела на свои руки, которые совсем недавно были корнями. Под ногтём застряла песчинка. Кира вытащила её и положила на ладонь. Показала Йохану и стоящей перед ними на коленях Мастеру. — Откуда в моём кабинете песок из Рубэль-Хали?

— Это же твой кабинет, — Йохан продолжал нежно гладить её по голове и помог сесть. — Тебя надо спросить.

Кира соскочила с его рук. Наступила на какую-то статуэтку, подвернула ногу и чуть не упала. Йохан успел поймать её за руку, но она тут же вырвалась и почти кубарем оказалась у окна.

— Нет, — прошептала она. — Не может быть. Нет, нет, нет.

Почувствовав её взгляд, он поднял голову. Кира положила ладонь на стекло и прижалась к нему носом — как в детстве, когда ждала Деда Мороза. Он посмотрел на неё. Белое в белое. Его волосы были рыжими. Не как её, огненными, а, скорее, медовыми, собранными в хвост на затылке. Нос усыпан мелкими веснушками. Он улыбнулся.

— Нет, — она ударила ладонью по стеклу. — Нет! — стекло зазвенело, шина уже катилась. — Нет, Йохан, стой!

Йохан перехватил её руку, не дав ударить в третий раз, резко развернул и прижал к себе. Посмотрел через её плечо на улицу. Потом оглянулся на Мастера.

— Кажется, показался.

Кира с силой сжала ворот его рубашки.

Интерлюдия 4. Художница

Кира обмакнула кисть в воду и посмотрела на получившееся полотно. Заснеженные пики, окрашенные золотым рассветом, и безоблачное ледяное небо над ними.

— Очень неплохо, — Макс смотрел через её плечо.

— Спасибо, — Кира мечтательно улыбнулась. Картина всё ещё держала её.

— Пусть сохнет, в следующий раз заберёшь.

— Ага, — Кира стряхнула оцепенение и стала собирать краски и кисти.

— Не хочешь кофе выпить? — спросил Макс.

Кира подавила импульс взглянуть на часы. У Анхеля сегодня вечерняя смена, у неё ещё есть несколько часов в запасе. Почему бы и нет?

— С удовольствием, — улыбнулась она.

— Ты на машине?

— Я не вожу, — она покачала головой.

— А, понятно. Подождёшь немного? Мне надо... — он сделал круговое движение рукой, обводя ею студию, где собирались остальные ученики.

— Да, конечно. Мне тоже надо тут всё убрать.

Макс улыбнулся и отошёл от неё. Кира поймала на себе заинтересованные взгляды одноклассниц. Проигнорировав их, она продолжила мыть кисти. А потом села на стол, открыла книгу в телефоне и стала читать.

— Кира? — позвала её женщина, с которой они обычно ходили до метро. Она писала странные абстракции. Впрочем, какими ещё могли быть абстракции? Кире всегда казалось, что упрощение в её работах не было осознанным выбором. Просто иначе она не могла и не хотела. — Идём?

— Нет, сегодня без меня, — Кира тепло ей улыбнулась. — До следующего четверга!

— Хм. До четверга.

— Пока, Макс, пока, Кира, — люди прощались и уходили. Вскоре они остались вдвоём. Макс бросил на неё взгляд.

— Не шевелись, — сказал он.

Кира чуть склонила голову и усмехнулась.

Студия находилась в мансарде с огромными косыми окнами. Зимой они в основном были завалены снегом, но весенними долгими вечерами закатное солнце заливало всё помещение рыже-розовым светом. Макс выскользнул из пальто, схватил ближайший мольберт, скинул с него картину (ту самую абстракцию) и поставил на него чистый холст.

Он писал тушью. Уверенные, жёсткие линии. Кира меланхолично улыбнулась.

— Не шевелись! — повторил он.

Кира потянулась, как кошка, и села поудобнее. Макс зашипел. Кира ухмыльнулась и замерла.

Происходящее было наполнено глубоким интимным смыслом. Макс с таким же успехом мог повернуть её задом, положить грудью на стол и оттрахать. Возможно, для него это имело бы даже меньше значения, чем то, что происходило сейчас. В конце концов, секс — это просто секс. Поэтому Кира послушно сидела и ждала, что же получится из этой затеи.

Он отставил тушь и взял акварель. Буквально четверть часа — и всё было кончено.

Макс отошёл от холста и как будто только в этот момент заметил Киру. Всё время, что смотрел на неё до того, он смотрел на игру цветов и теней, на арт-объект, который оживил

что-то в его сознании, а не на живую женщину на столе. И только теперь он осознал, насколько грубо вторгся в её личное пространство.

— Прости, — смущенно пробормотал он.

— Да ничего, — она пожала плечами. — Меня ещё никто никогда так внезапно... не писал. Можно?.. — она указала на холст.

Макс удивлённо моргнул, как будто не понял, о чём она говорит. Кира рассмеялась.

— Ах да, — в его голосе мелькнули странные нотки отрешённости и... отвращения?

Кира спрыгнула со стола и подошла к холсту.

Черные линии формировали причудливый силуэт. Рыжие всплески акварели полностью игнорировали чёрные границы и складывались в собственный рисунок. Казалось, что два совершенно не имеющих друг к другу отношения изображения ворвались в миры, им не принадлежащие. И только вместе получили призрачное право на существование. От картины веяло отчаянием, одиночеством и страхом.

Кира вздрогнула.

— Это я?

— Это картина, — сам голос Макса стал плоским и безжизненным.

— С тобой всё хорошо? — обеспокоенно спросила Кира.

— Да, — Макс вздохнул. — Так... бывает. Когда я создаю что-то ... стоящее. Слушай, Кира, по поводу кофе. Прости, сегодня, наверное, не получится, — он покачал головой. — Мне жаль.

— Да ничего, — она с беспокойством смотрела на него. С удивлением она обнаружила, что где-то внутри у неё шевельнулся интерес к нему, которого она раньше не испытывала. — В другой раз.

— Да, — рассеянно повторил он. Кира не была уверена, что он понимает, с кем он говорит и что вообще произносит. Он всё ещё был целиком в своей картине. — В другой раз.

— Пока, Макс.

— Ага.

Когда она выходила, он всё ещё смотрел на холст.

Кира вернулась домой и флегматично принялась за домашние дела. После памятного ужина прошло чуть больше месяца, и Кира с Анхелем, казалось, помирились. Хрупкость этого мира витала в воздухе, поэтому Кира вела себя максимально осторожно.

За ужином Анхель рассказывал ей последние слухи с работы, и она смеялась вместе с ним, когда ей пришло сообщение.

«Прости, я не должен был тебя вот так оставлять».

Макс.

Кира продолжила улыбаться рассказу Анхеля и кивать его словам.

«Всё нормально. Я понимаю».

«Когда я пишу, творчество вытесняет реальность. Впрочем, что из этого более реально — то, что вокруг, или мои холсты?»

«Думаю, что ничего реальнее твоих полотен для тебя нет»

«Но я всё ещё хочу кофе с тобой:) Что думаешь про завтра?»

Кира представила себе свой календарь.

«У меня с 14.30 до 16 перерыв между парами. Если приедешь ко мне в университет, я покажу тебе нашу секретную студенческую кофейню»

«Договорились:) Кидай адрес!»

Кира написала адрес и вдруг поняла, что вокруг слишком тихо. Она подняла голову. Анхель внимательно смотрел на неё.

— Прости, пожалуйста, — она отложила телефон. — Продолжай, я слушаю.

— Нет, нет, что ты. Не хочу тебя отвлекать.

Кира вздохнула.

— Нам обязательно это делать, милый?

— Что именно? Внимательно относиться к потребностям друг друга? Думаю, да. Тебе явно сейчас то, что в телефоне, важнее меня.

— Тебе не кажется, что ревновать к мобильному — это чересчур?

— Просто что там такого важного, чтобы бросить ужин, разговор и уйти туда с головой? — в его голосе читалась какая-то детская обида. — Я целый день ждал, чтобы поделиться с тобой новостями, соскучился...

— Прекрати манипулировать, — холодно прервала его Кира. — Я ответила на три сообщения. Это не повод устраивать драму.

Засыпая вечером на диване, она думала, возможно ли было избежать очередного скандала? И нужно ли продолжать это всё? Мысли о разрыве приходили ей в голову всё чаще. По несколько раз на дню она представляла себе, как говорит ему, что уходит, что с неё достаточно. Каждый раз, открывая рот, чтобы озвучить это, она говорила, как сильно любит его.

Она вспомнила его глаза ранее за ужином. Глаза обиженного спаниеля, который принёс мячик, чтобы поиграть, а его пнули.

Кира попыталась вспомнить, что она тогда почувствовала. Было так просто погасить конфликт. Отложить телефон, обнять мужа... Но она, почувствовав его слабость, целенаправленно ударила по ней. И ещё. И, даже вспоминая саму ситуацию, она чувствовала... удовлетворение.

Она лежала, глядя в потолок, принимая и осознавая тепло, разливающееся в груди.

Макс.

Она взяла телефон.

Он выложил в сеть её портрет, который написал днём ранее.

«Всё же он чудесный», — прокомментировала Кира.

«Да», — ответ прилетел моментально, отчего стало ещё теплее. — «Повезло с моделью. Его, кстати, уже купили. За 50к»

«Ого!» — Киру удивило, что он так открыто писал ей о деньгах. Она легла поудобнее, ответила: — «Хочу свои роялти, ахахаха». — И добавила смайлик, чтобы он точно понял, что это шутка.

«А зачем, ты думаешь, я тебя завтра на кофе позвал? Кисти надо держать чистыми, а моделей — довольными».

«Значит, я твоя модель?» — Кира улыбнулась.

«Скорее, муза» — ответил он. — «И вообще, ты чего не спишь?»

«Переживаешь, что у музы будут синяки под глазами?»

«Переживаю, что ты не выспишься. Это мне завтра спать до самой встречи с тобой. А у тебя лекции и всё такое».

Кира отправила скобочку и заблокировала телефон.

Но от него пришло ещё сообщение.

«С чего ты вообще взяла, что синяки тебя испортят? Куклы Барби мало кого

интересуют, на самом деле. У тебя красота не шаблонная. Ты сразу выделяешься из ряда одинаковых сделанных глянцевого девиц. Выделяешься шрамом над бровью, морщинкой в уголках глаз, родинками на губах и веснушками на носу».

Когда Кира, наконец, уснула, был уже рассвет. Ощущение, будто её всю ночь били палками, соседствовало с тягучей негой во всём теле. Выйдя на кухню, она увидела мужа. И нега испарилась, оставив Кире только недосып и плохое настроение.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

Он молча посмотрел на неё и вышел с кухни.

— Твоё молчание — это отдельный вид насилия, — крикнула она ему вслед.

Отношения с Максом развивались стремительно. Как в своё время с Анхелем. Но если Анхель стал для неё символом надёжности и рассудительности, то Макс оказался его полной противоположностью. Он был вспыльчивый и спонтанный, нелогичный и погруженный в свои миры. Киру всё больше и глубже затягивало в странную игру с ним, всё меньше внимания она уделяла семье. Стычки с Анхелем теперь случались чуть ли ни ежедневно — но проходили вяло. Они ссорились, скорее, по привычке, чем из-за каких-то реальных причин.

Когда-то страстный секс превратился просто в удовлетворение потребностей. Оргазмы Киры были и оставались делом чести Анхеля. А она, закрыв глаза, представляла Макса.

Днём они с Максом шли на выставку.

Вечером она говорила Анхелю, что устала и нужно лечь спать пораньше... и уходила в переписку с Максом с головой до утра, пока Анхель убивал заражённых грибок зомби в видеоигре.

«Доброе утро», — день начался как обычно. Но ответа на своё сообщение Кира не получила, о чём поняла только ближе к обеду, во время большой перемены. Она просмотрела чат. Сообщение доставлено и прочитано. Ответа нет. Может быть, ещё не проснулся? Накануне его работы участвовали в выставке, после чего он с друзьями поехал праздновать.

«Макс был(а) в сети 5 минут назад», — опроверг мессенджер её теорию.

Кира нахмурилась и отправилась проверять социальные сети.

Про выставку писали сразу несколько таблоидов, на неё появлялась куча рецензий. Внимательно просмотрев все новости, Кира прошла по нескольким перекрёстным ссылкам. Не думая о том, что делает, она сначала скринила экран, а потом уже внимательно читала содержимое.

Начиная следующую лекцию, она проговаривала давно знакомый и лёгкий материал, а в голове крутила имя.

Алина Сорокина. Именно с этой сучкой Макс накануне ушёл с выставки.

— А теперь открываем текстовые редакторы. Можете пользоваться всеми доступными инструментами — кроме нейросетей, разумеется. И за оставшийся час я хочу получить от вас эссе на тему основных тенденций в современной мировой политике через призму теории конца истории Фукуямы. Или опровержения его теории — для свободной трактовки. Время пошло, и помните, что все тексты будут проверяться на оригинальность.

Кира дала задание студентам и под их недовольное ворчание о незапланированном тестировании углубилась в продолжение изучения социальных сетей.

Сорокина была никем. Её нельзя было назвать даже просто симпатичной. Разглядывая её фотографии, Кира пыталась понять, что же привлекло в ней Макса. Совершенно

заурядная юная особа. Судя по её постам, ни изысканного вкуса, ни оригинального мышления. Разве что на десять лет младше самой Киры...

— Кирияна Артемьевна, — окликнула её студентка.

— Да, — Кира не удержалась и закатила глаза. Всё же предельно ясно. Очень простое задание. Что ещё им нужно от неё? Неужели так сложно... — Да, Татьяна, какой у тебя вопрос? — Кира напомнила себе, что студенты не виноваты.

— По сути, весь конфликт сейчас сводится к популизму и реставрации нацизма в исконно демократических странах и к реакции стран бывшего соцлагеря, которые в реальности столкнулись с последствием вседозволенности этой философии.

— Так, а вопрос в чём?

— Это и писать?

Кира сжала челюсти и посмотрела на экран ноутбука, с которого ей улыбалась Алина. Впереди было много работы.

— Татьяна, кажется, вы уже на всю аудиторию изложили суть вашего эссе, не задумываясь о том, что тем самым или просто отвлекли аудиторию, или — что хуже — манипулируете одноклассниками. В целом, неплохой навык для политолога. Но на будущее — давайте воздержимся от таких пассажей, если на то не будет соответствующего задания. Мы с вами в ходе курса будем играть в подобные игры. Но сейчас задача — написать эссе. Сделайте это, пожалуйста. У вас осталось... — Кира взглянула на часы, отметив, что новых сообщений всё ещё нет. — Семь минут.

Вернувшись домой, Кира обнаружила Анхеля всё ещё стреляющим по зомби. Ужина не было.

— Вижу, ты был слишком занят, чтобы приготовить ужин? Особенно зная, что сегодня я до вечера в универе.

— Да я вообще-то и так целый день голодный. Ты же вчера ничего не приготовила. Особенно зная, что у меня сегодня выходной.

— Ну да. Много зомби убил?

— Достаточно. Когда ты целый день в свой выходной пялишься в телефон, тебе никто и слова не говорит.

— ...до тех пор, пока тебе приготовлена еда, постираны шмотки и вылизана квартира. И те пять минут, что у меня есть на телефон, мне действительно никто ничего не говорит.

Кира зло хлопнула холодильником, доставая продукты.

— Да что с тобой сегодня? — Анхель поставил игру на паузу.

«Макс куда-то запропастился, сидит онлайн и игнорит меня!» — крикнула Кира в своей голове.

— День тяжёлый, — она попыталась успокоить голос. Получилось плохо.

Анхель подошёл к ней и взял за плечи.

— Поэтому надо срывать на мне?

Она вывернулась.

— Поэтому было бы мило, если бы ты мне помог, а не перекладывал всё на меня! — Возможностью сгладить острые углы она не воспользовалась.

— Да ты охренела, что ли? — Он был скорее изумлён её поведением, чем зол.

— Я как прислуга у тебя! — У неё из глаз брызнули слёзы.

Анхель смотрел на неё в полном ошарашивании.

— Кира, что сейчас происходит? Что вообще происходит? Если семья для тебя

настолько в тягость, то зачем вообще продолжать?

Кира замерла. Молчащий Макс вдруг перестал что-то значить для неё. Она в глубине души была уверена, что он никуда не денется. А вот разваливающийся брак...

— Для меня? Для меня не значит? Ты в какой момент перестал видеть во мне женщину? Тогда, на дороге, ты был готов защищать меня и решать мои проблемы.

— Так я и сейчас готов.

— Сейчас из всех моих проблем остались только твои! И это немытые окна и неприготовленный ужин! Когда мы последний раз выбирались в город? Виделись с друзьями? Да я вообще не знаю, кто из друзей у нас ещё остался с этим твоим затворничеством!

Кира всхлипнула. Слезы текли из глаз уже неконтролируемо. Чем больше она говорила — тем сильнее рыдала.

— Ну прости, что я сделал твою жизнь такой ужасной, — огрызнулся Анхель. — Я не вижу в тебе женщину... А кто в этом виноват? Ты когда красилась-то в последний раз?

Макс говорил, что макияж — это маска, которая мешает увидеть подлинную красоту. Кира вдруг осознала, что она действительно даже ресницы красить перестала.

— А зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем мне краситься? — с вызовом спросила она, размазывая сопли по щекам. — Чтобы ты смотрел на меня красивую, пробегая от телевизора до унитаза и обратно?

Где-то в сумке звякнул телефон Киры. Тем самым звуком, который стоял только на сообщения Макса.

Слезы моментально высохли.

Злость испарилась.

Внутреннее спокойствие окутало её целиком.

Кира посмотрела на разъярённого Анхеля. И зачем она это всё устроила? Ссориться дальше не хотелось. Хотелось взять телефон и посмотреть, где был говнюк всё это время. Но просто так развернуться и уйти она не могла.

— Послушай, — она оторвала салфетку и промокнула глаза. — У нас что-то происходит последнее время. Что-то плохое.

— Последнее? — он изогнул бровь.

— Я пытаюсь найти выход.

— Заметно.

— Ты не хочешь сходить на парную терапию? Я знаю хорошего психолога...

— Теперь ты называешь меня сумасшедшим?

— Милый, послушай, — она подошла к нему и попыталась взять за руку, но он вывернулся.

— Ты не делаешь ничего! Ты бесполезная истеричка, а к психологу должен идти я?

— Это не то, что я сказала!

— Это ровно то, что ты сказала, — он стянул домашние треники и достал джинсы из шкафа.

— Что ты делаешь? Ты куда?

— Домой, я есть хочу.

— Что значит домой? А сейчас ты где?

— Сейчас я со сраной истеричкой, которая может отколоть любой номер. Я к маме.

— Если ты сейчас уйдёшь...

— То что? Что будет?

Не дожидаясь её ответа, он повернул замок и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Всё же свежий ремонт не должен был пострадать.

Кира в растерянности смотрела на дверь.

— Ну и хер с тобой, — она достала из сумки телефон и наконец-то прочитала заветное сообщение.

«Прости, хорошая, был в бегах весь день. Все вчерашние картины проданы, из студии ещё две уехали, и... два новых заказа! Не хочешь отметить?»

Кира расплылась в улыбке и написала:

«Хочу!»

«Приезжай в студию»

Кира быстро приняла душ, переделалась и вызвала такси. Через час с небольшим она уже сидела в объятиях Макса и смеялась его рассказу о прошедшем вечере.

Та самая мадам, с которой он ушёл, оказалась агентом по продаже арт-объектов, которая работала на какого-то олигарха, чья жена и купила большую часть работ. Макс что-то рассказывал, а Кира перекачивала в голове одну мысль: «*Это была просто работа. Просто работа — больше ничего*». И от этого становилось тепло.

— Макс? Не пропадай больше, — попросила она.

— В каком смысле?

— Я... волновалась сегодня. Тебя окружают удивительно талантливые, влиятельные люди. И я. Кто я для тебя?

Макс посмотрел на неё и отставил бокал с шампанским.

— Ты же знаешь, что я синестетик, — он не спрашивал. Для него подразумевалось, что она должна знать такие элементарные вещи о нём. Кира не знала, но кивнула. — Когда я слышу речь некоторых людей, я вижу слова. Ты говоришь, а у меня перед глазами возникают буквы. Они написаны аккуратным каллиграфическим почерком. Их цвет и форма зависят от твоего настроения. Когда ты радуешься — они яркие. Когда грустишь — тёмные и угловатые. Говоря с тобой, я смотрю бесконечный фильм. Такая реакция возникает очень редко. И она бесконечно ценная. Потому что со всеми остальными я общаюсь, как будто... — он задумался. — Знаешь, это как есть овсянку на воде без специй и даже без соли. А ты... Ты — это стейк от мишленовского шефа, — он притянул её к себе и поцеловал в шею. — Ты заставляешь меня чувствовать.

— А обычно ты не чувствуешь? — Кира изогнула бровь.

Макс снова отстранился и закатил рукав.

— Твою мать, — Кира вцепилась в его руку и провела пальцем по предплечью, пестрящему шрамами.

— Когда мне было пятнадцать, я перестал чувствовать физическую и эмоциональную боль. Я стал резать себя, чтобы почувствовать хоть что-то. Это едва не кончилось плохо. Сначала все решили, что это была попытка суицида. Потом разобрались, мне прописали терапию, но...

— Ты не принимаешь, — догадалась Кира.

— Нет. Она убивает цвета. На колёсах я не вижу букв вообще. Мир становится очень правильным... но пустым. Я не хочу в таком жить, — он накрутил её локон себе на палец. — Ты — мой самый ценный трофей. Твой голос взрывает краски в моей голове. Я почти

вспоминаю, как это — чувствовать.

Кира слушала его, распахнув глаза.

«Что за лажа?» — всплыло в её голове, но она отогнала эту мысль. То, что он пытался сказать...

— Ты не понимал, что делал мне больно, не отвечая?

Он кивнул и притянул её к себе.

— Я не чувствую. Но я не идиот. Я понял, что причинил тебе этим... неудобство. И больше так не буду.

— Обещаешь? — Кира тоже отставила свой бокал.

Глава 9. Господин

Кира и Йохан пили кофе, стоя перед окном во всю стену и наблюдая за тем, как неторопливые киты-самолёты в окружении деловито снующих вокруг них технических машинок, выкатываются на взлётно-посадочную полосу. Там они замирали на секунду. Машинки-прилипалы спешили покинуть их. И вот неповоротливая и тяжёлая машина начинала реветь. Она больше не казалась спящим китом. Теперь это воплощение элегантности и скорости, мчится вперёд и вверх, туда, куда всем этим важным земным особам путь заказан. В небо, за облака, туда, где всегда светит солнце.

Кира не знала немецкого. Йохан не знал ни слова по-русски. Поэтому кофе они пили молча.

Йохан протянул Кире салфетку — очень вовремя, коричневая капля с края её кружки вот-вот хотела приземлиться на светлое платье. Кира кивнула и отдала ему бутылку с водой. Они синхронно посмотрели на свой гейт. Йохан подхватил сумку, и они синхронно пошли к выходу.

В самолёте Кира чувствовала себя неудобно. Она села у иллюминатора, пристегнула ремень и стала смотреть, как их летающей с помощью магии машине скармливают чемоданы. Йохан сел рядом, взъерошил волосы и изогнул бровь. Кира закатила глаза. Он засмеялся.

Когда включились реактивные двигатели, он взял её руку и принялся что-то чертить пальцем на её ладони. Она закрыла глаза и уснула ещё до того, как серебряная стрела пробилась толщу облаков. Йохан перегнулся через девушку и закрыл шторку, чтобы солнечный свет ей не мешал.

Он разбудил её, когда самолёт уже коснулся земли. Кира с удивлением уставилась на проносящиеся мимо и постепенно замедляющиеся деревья. Обычно она не спала в воздухе. А момент посадки каждый раз отнимал пару лет её жизни. Она покачала головой. Оказывается, это совсем не страшно.

Она посмотрела на Йохана, чувствуя его возбуждение и предвкушение от грядущего обучения. Покачала головой. Им надо научиться общаться словами и закрываться друг от друга эмоционально. Очень уж грубо он влез в её личное пространство. И, кажется, никуда уходить из него не собирался.

— Тоже мне, рыжий кот, — фыркнула Кира и тут же получила недовольный тычок в бок. Глубоко вздохнула — впереди много, много работы.

Йохан учился быстро. Быстрее, чем она в своё время. Он на каком-то совершенно потрясающем уровне работал с энергией. Кира пыталась вести его шаг за шагом, показывая

опасные места и потенциальные ловушки. Работая с людьми, никогда не знаешь, в какую сторону они попытаются тебя увести. И насколько это может быть разрушительно для ведуна.

Йохан же вёл себя как пятилетний ребёнок под дождём: видел лужу — прыгал в лужу. Осторожная Кира с ужасом наблюдала, как он раз за разом подходит к пропасти — всё ближе и ближе. И, смеясь, отходит, только когда уже понимает степень её паники.

— Ты слишком самоуверен, — говорила она ему. — Ты не знаешь границ своих возможностей, а уже бросаешь им вызов.

— Ты уверена, что знаешь границы своих? — Йохан отрывал от булочки маленькие кусочки и отправлял их себе в рот. Он говорил одни слова, но Кира слышала совсем другое: *пойдём со мной!* Перейти целиком на вербальное общение они так и не смогли.

И, неожиданно для самой себя, Кира кивнула.

Йохан вскинул голову и с удивлением посмотрел на неё.

— Ты уверена? — спросил он вслух. Вопрос идеально совпадал с горящем внутри него замешательством.

— Да, — глядя ему в глаза, ответила Кира.

— Тебе придётся меня слушаться, — медленно проговорил он. — Я говорю — ты делаешь. Любое отступление — конец пути.

— Хорошо, — согласилась она.

— Скажи это, — он отложил сухарь и наклонился к ней. Кира зачарованно смотрела на умерший за секунду кусок хлеба.

— Я же уже согласилась, — она упрямо склонила голову.

Йохан откинулся на спинку стула и принялся раскачиваться на задних ножках. Улыбнулся странной улыбкой, которой Кира у него раньше не видела.

— Столько сопротивления, — заметил он. — Правило только одно: я говорю, ты делаешь. Либо ты участвуешь, либо нет. Никаких споров и промежуточных решений.

— А если ты прикажешь мне убивать людей? Что за ерунда.

Он пожал плечами.

— Ты можешь отказаться в любой момент.

— Но тогда всё закончится?

Он с грохотом поставил стул и наклонился к ней.

— Ты не хочешь убивать людей? Или ты не хочешь, чтобы игра кончалась?

Она медленно провела языком по губам. Вся её жизнь была подчинена её же правилам и последовательностям. Она привыкла полагаться на свой здравый смысл. То, что предлагал Йохан, — новые знания, новые правила — манили её. Но вместе с тем пугали.

Она попыталась прочесть, о чём он думает, но перед ней тут же упал блок. Кира в удивлении отпрянула. Она так привыкла их общению на всех уровнях, что даже предположить не могла, что Йохан был способен закрыть ей вход куда-то.

— Что ты чувствуешь? — прошипел он.

— Замешательство, — ответила она так же словами, не понимая, зачем это нужно. — И злость.

— Хорошо, — он был доволен. Она посмотрела на него с плохо скрываемой яростью. Но он видел, что за этой злостью плещется азарт, который она понимает не хуже него. Они молча смотрели друг на друга.

— И что теперь? — не выдержала первой Кира.

— Тебе всё ещё надо сказать, — Йохан вертел чашку кофе, не отрывая взгляд от её глаз. — Скажи, что ты — моя. Что готова делать всё, что я скажу, и так, как я скажу. Своей воли в этих вопросах у тебя нет и быть не может.

— Но я могу прервать игру в любой момент? — уточнила Кира.

— У тебя такое право есть, — кивнул Йохан. — Но вот сможешь ли ты, я не знаю.

— Зачем ты это делаешь? — она прищурилась. — Понятно же уже, что я согласна. С самого начала было понятно.

— Затем, что могу.

Кира опять облизнулась. Сухой язык неприятно зашуршал по сухим губам.

— Я — твоя, — её голос сел, но она продолжила говорить. Слова вылетали всё быстрее и легче. — Я готова делать всё, что ты скажешь, и так, как ты скажешь. Своей воли в этих вопросах у меня нет и быть не может.

— Умница, — его улыбка стала мягкой и по-настоящему тёплой. За этой теплотой плескалась тьма. Что таилось в ней, Кира не знала. Она закрыла глаза и поняла, что плачет. — Что ты чувствуешь сейчас?

— Облегчение, — прошептала она.

— Хорошая моя, — сказал он мягко, но у Кире внутри всё сжалось. Ей показалось, что его пальцы сомкнулись на её позвоночнике. Что он держит её мягко... пока она хорошая. И делает то, что он говорит. Стоит ей не подчиниться — и хватка превратится в кулак, разламывающий кости. — Идём, — он протянул ей руку. Она с сомнением посмотрела на его ладонь. — Я говорю — ты подчиняешься, — напомнил он. — Почему ты продолжаешь сомневаться уже после того, как согласилась на всё?

Она уцепилась за его руку. В конце концов, он прав. Контракт заключен. Да, они не подписали его кровью — но кого волнуют эти анахронизмы. В их мире слова имели силу и значение. Кира проследовала за ним.

Они пришли в небольшую уютную кальянную, спрятанную во дворе. Официант протянул им меню. Кира отрицательно покачала головой.

— Мужчина закажет обоим.

Йохан оценивающе посмотрел на неё. «Красиво», — уловила она.

Он сделал заказ: чай чёрный, без бергамота, без сахара с лимоном обоим и лёгкий кальян — вытянул ноги и прикрыл глаза. Кира какое-то время ждала, что будет дальше, потом тоже постепенно расслабилась.

Заказ принесли. Йохан сам раскурил кальян, сделал несколько затяжек и протянул Кире. Она обхватила мундштук губами и втянула дым, пахнувший сладким печеньем и какими-то ягодами. Йохан вставил ей в уши наушники, закрыл ладонью её глаза и включил музыку.

Кира узнала «Зиму» Вивальди с первых аккордов. Йохан подтолкнул её руку с кальяном, и она затянулась. Он обхватил её голень обеими ладонями и замер. Кира курила и слушала музыку.

Запах дыма постепенно раскрывался и менялся. Печеньки ушли, уступив место каким-то духам, слишком резким, на вкус Кире. Ягоды растаяли и превратились... в запах вентиляции метро. Кира распахнула глаза и изумлённо оглянулась.

Она стояла в центре вестибюля на Киевской. Йохан сидел на стуле, зажав между ног виолончель, и водил смычком по струнам, не спуская взгляд с Кире. Мимо сновали люди, кто-то останавливался послушать. Постепенно вокруг них образовалась толпа.

Кира обнаружила, что держит в руках пиратскую шляпу.

Музыка набирала обороты. Кира оглянулась, изучая лица слушателей. Какие-то она видела в самых мелких деталях: морщинки у глаз, седые волоски в бровях, сломанные уши, застрявшая между зубами зелень. Какие-то были закрыты разными предметами, будто сошедшими с полотен Магритта: яблоки, букеты цветов, цилиндры. По ним Кира лишь скользнула взглядом — они её не интересовали. Музыка набирала обороты, приближаясь к первой кульминации. Кира вдруг поняла, что надо делать.

Она встряхнула шляпу и подошла к первому мужчине, чьё лицо она видела.

Он протянул купюру. В тот момент, когда его рука коснулась шляпы, Кира увидела всю его жизнь, будто бы кто-то промотал фильм на высокой скорости перед её глазами.

Его звали Вадим, его мать мечтала стать шахматисткой, поэтому отдала его в шахматную школу. С пяти лет он только и делал, что учил гамбиты и комбинации. Он участвовал в турнирах, к двадцати пяти годам у него была коллекция кубков и медалей, и ему казалось, что вся жизнь — шахматная партия, в которой он раз за разом проигрывает. Он побеждал в турнирах, и каждая такая победа была его поражением. Он не мог перестать играть.

— Ты куда? — спросила мать.

— На день рождения.

— У тебя завтра турнир. Ты изучил все его партии? — Она стояла посреди коридора, перегородив ему выход.

— Ма, у меня с ним уже было несколько встреч.

— Да, и последняя чуть было не закончилась ничьёй. Ты хочешь повторения этого позора? На день рождения он собрался. С шалавами и алкоголем. Чего ты встал? Иди! Ты же самый гениальный, зачем тебе готовиться! В конце концов с равным счётом дальше пройти ты сможешь. Как все это делают, так и ты сделаешь, — она отступила. — Чего ты встал? Иди, я закрою дверь. В отличие от тебя, у меня нет столько времени, чтобы стоять с тобой здесь полвечера!

Кира глубоко вздохнула. Печеньки. Запах метро. Злость. Боль. Страх.

— Благодарю, — кивнула она Вадиму и подошла к молодой девушке, протянула ей деньги и коснулась шляпы.

Даша училась на последнем курсе магистратуры по экономике. Она приехала из Воронежа. Когда ей было пять, отец ушёл из семьи. Мать снова вышла замуж, когда ей было семь. Новый папочка оказался очень добрым, ей повезло. Он водил её в парк и покупал мороженое, взяв обещание, что она ничего не скажет маме. По вечерам они смотрели кино. Она сидела у него на ручках. Он гладил её, ей было смешно и приятно. Папочке тоже приятно, она знала.

Когда ей было десять, мама уехала в командировку. Папочка гладил её, как обычно. Когда он добрался до трусиков, ей вдруг стало стыдно, и она попыталась уйти. Но папочка очень крепко держал её. Она попыталась вырваться.

— Тебе же нравится, когда я тебя глажу? — спросил он.

— Д-да, — она начала плакать.

— Это тебе понравится ещё больше, — и он вставил в неё палец. Даша закричала.

Кира попыталась отстраниться, но что-то не отпускало её. Она смотрела, как замороженная. Её глаза расширились.

Стыд. Ужас. Боль. Всё это текло в неё рекой, и Кира жадно пила всё это. Она поняла, что ничто её не держит и она может отойти в любой момент. Но она не хочет и продолжает вытягивать из Даши все её ужасные воспоминания.

Когда казалось, что всё кончено, Кира хотела отправиться дальше, но внутри девушки шевельнулось что-то ещё, и Кира задержалась.

Мать вернулась из командировки и обнаружила дочь сидящей у окна и смотрящей в одну точку. Папочка сказал, что если Даша кому-то расскажет о том, что случилось, все решат, что она очень плохая девочка, ведь так себя вести нельзя. Об этом расскажут всем. Повесят историю рядом с классной доской и, скорее всего, выгонят из школы. Этот позор останется с ней на всю жизнь.

Но она не могла молчать. Она кинулась к маме и, рыдая, всё ей рассказала. Объятия мамы становились всё более колючими. В конце концов она оттолкнула от себя дочь и ударила наотмашь по лицу.

— Лгунья! — крикнула мать. — Отец тебя так любит! Он даёт тебе всё! Платит за твоих репетиторов! Да как у тебя вообще язык повернулся!

— Благодарю, — прошептала Кира и отступила на шаг назад. Взгляд девушки — Кира уже не могла вспомнить её имя — стал стеклянным.

Музыка набирала обороты. Кира кружилась в танце, переходя от одного слушателя к другому.

Страх. Любовь. Надежда. Ярость. Стыд. Гнев. Похоть.

Чувства опутывали её, как разноцветные снежинки. Музыка становилась насыщеннее, плотнее, приближалась к кульминации.

Кира резко замерла перед виолончелью, наблюдая за смычком Йохана. Её взгляд поднимался выше и выше по грифу, пока не добрался до лица музыканта. И вот уже оркестр заиграл в полную силу. Йохан, откинув голову, расхохотался. Его идеальная причёска растрепалась, в зелёных глазах читалось безумие.

Кира улыбалась, глядя на него, а потом отбросила шляпу, раскинула руки и закружилась.

Она больше не отличала эмоции, они просто текли в неё со всех сторон, наполняя, переполняя, отрывая от земли. Йохан играл и хохотал. Кира чувствовала напряжение во всём теле... и острое возбуждение. Соски набухли. Волоски на теле поднялись дыбом. Люди вокруг запели, вторя музыке.

Последний аккорд растаял, и наступила тишина.

Йохан забрал у Кире кальян и вынул наушники у неё из ушей.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

Её зрачки были всё ещё расширены.

— Я хочу тебя, — ответила она.

— Ты справишься с последствиями?

— А ты? — Её улыбка стала хищной. Он покачал головой и вызвал такси.

— Три минуты. Идём.

Они пошли к выходу. Невидящий взгляд Киры скользнул по другим посетителям кальянной. Какая-то девушка сидела неподвижно, уронив голову на руки.

— Кажется, кому-то хватит, — хихикнула Кира, уцепившись за руку Йохана. Он посмотрел на неё с сомнением. Кира не поняла, как трактовать этот взгляд.

На другом диване сидел парень, откинув голову назад. Кира вдруг подумала, что его лицо ей смутно знакомо. Напоминает... какого-то шахматиста? Она споткнулась, но Йохан её удержал. Кира замерла. Потом мягко освободилась от его руки и вернулась к лежащей на столе девушке. Подняла её голову за волосы со смесью страха и брезгливости.

«Даша, — мелькнуло в голове. — Её зовут Даша».

Она бросилась к другому столику и сидящим за ним неподвижным людям. Она знала их всех, знала их истории. Все они дали ей денег за игру Йохана в вестибюле станции метро.

— Йохан, — прошептала она. — Это же они. Все эти люди, — Кира знала, что он понял. — Я думала, это просто... наваждение.

— Это и было наваждение.

— Но они... мертвы?

Йохан равнодушно пожал плечами и прижал два пальца к шее мужчины, который в начале нулевых привозил из Финляндии сломанные мобильные, кое-как их ремонтировал и продавал студентам. У него был прикормленный пограничник на границе, который за пятьдесят евро пропускал его машину без досмотра. На вырученные деньги он сумел купить квартиру в Питере. А потом какие-то «бизнесмены» отжали его бизнес. Сейчас у него были долги, два неудачных брака и суицидальные мысли.

— Жив, но едва-едва. Ты сильна, — он с восхищением посмотрел на Киру.

Та медленно повернулась вокруг себя, глядя за такие знакомые и такие чужие лица.

— Что ты чувствуешь сейчас? — Йохан поймал её за плечи и повернул к себе.

Кира хотела сказать «ужас», но слова умерли у неё на губах. Она поднялась на носочки и обхватила его голову.

— Я хочу тебя, — повторила она увереннее. Йохан улыбнулся. В его глазах опять плескалось тепло вперемешку с тьмой.

— Такси ждёт, — сказал он.

Всю дорогу домой Кира лежала у него на руках, засыпая. Он не мешал ей, мягко перебирая волосы. Такого покоя она не чувствовала уже давно. Кира не помнила, как они оказались в квартире.

Йохан схватил её за волосы и поставил на колени.

— Открой рот, — приказал он. Когда она провела языком по его члену, он зашипел. — С-сука.

Утром Кира проснулась с приятным ощущением во всём теле. Из кухни пахло кофе и тостами. Она накинула его рубашку и, не застёгиваясь, пришла к нему. Обняла со спины и прижалась к его спине.

Замерла.

Что-то не так.

— Йохан? — спросила она. — Что происходит?

— Я уезжаю, — сообщил он.

— Но... почему? — она отпрянула. — Я сделала что-то не то?

— Нет, — он поднял её на руки и посадил на стул. Поставил перед ней кружку с кофе, добавил сливки. — Всё то. Просто... очевидно, что ты больше не можешь меня ничему

научить.

— Но... вчера же всё было хорошо? — Кира была совершенно сбита с толку и не понимала, что происходит, в чём именно она виновата. Йохан поцеловал её в нос, а потом в губы.

— Всё было идеально, — улыбнулся он. — Просто ты мне больше не нужна. Ты не контролируешь себя. И не знаешь природу сил, с которыми мы работаем. А я хочу большего. Поэтому я уйду.

Кира знала — чувствовала, — что нет правильных слов, которые могли бы его переубедить. Она смотрела на него, не сводя глаз, вспоминая, как он спрашивал накануне, сможет ли она справиться с последствиями своего решения, в ответ получив смех. Все эти люди из кальянной... Осознание накрыло её тяжёлой волной.

— Вот об этом я и говорю, — он прижал её к себе. Только сейчас она поняла, что он полностью одет. — Замок захлопывается сам. Оставайся столько, сколько тебе нужно, потом просто закрой дверь, когда будешь уходить, — он взял её руку и поцеловал ладонь. — И спасибо, что помогла мне освободиться.

Кира сидела с протянутой рукой и смотрела на то место, где только что был он. В странном оцепенении она полезла в интернет. Новость была повсюду.

«Массовое отравление в московской кальянной».

«Множество летальных исходов из-за неопознанного вещества в табаке».

«Возбуждены уголовные дела по статье 293 (халатность, повлекшая за собой гибель двух и более людей)»...

«Пятнадцать погибших и один в реанимации в тяжёлом состоянии».

Шестнадцать человек... Кира закрыла глаза. Прошлой ночью она убила шестнадцать человек. Девушка в реанимации — Даша. Она борец. И цепляется за жизнь до последнего. Но Кира чувствовала её, где-то всё ещё был открыт клапан, через который она тянула остаток сил несчастной девочки. Кира вспомнила собственное упоение, танец под виолончель во взрыве эмоций. Никогда ещё Кира такого не испытывала. И, читая новости, с ужасом понимала, что ощущения прошлой ночи возвращались.

— Будь ты проклят, — прошептала она. Ярость поднималась изнутри волной. Как он мог показать ей эту сторону силы и исчезнуть, оставив в полной неспособности контролировать это? — Будь ты проклят! — закричала она и запустила кружку с остатками кофе в стеклянный шкафчик. Схватила бутылку вина, стоящую тут же на столе, и принялась колотить всё, что попадалось под руку, пока стекло не лопнуло, разрезая кожу на её ладонях.

Она ушла, оставив за собой разгромленную квартиру. Казалось, что на это должно было уйти много энергии, но странным образом чёрной и злой силы становилось только больше. Кира выбежала на улицу. От ближайшей ЛЭП, рассыпая искры с неприятным хлопком, оторвались провода. Кира упала на колени и сжала голову. Надо дышать. Надо успокоиться. Надо дышать. Надо дышать. Дышать.

— С вами всё хорошо? — Кто-то дотронулся до её плеча. Кира сжалась в комочек. — Вы поранились, — мягкий, смутно знакомый голос. — Вот, давайте промоем ваши ладони.

«Света», — подумала Кира.

— Кажется, вам надо в больницу. Вы потеряли сознание?

— В больницу? — Кира посмотрела на неё. — Да, мне надо в больницу.

— Моя машина тут, за углом, — сказала Света. — Давайте я вас отвезу.

— Спасибо.

В больнице ей измерили давление, назначили кучу анализов и оставили на ночь.

Когда все уснули, Кира выскользнула из постели и подошла к лифту. Почему-то она точно знала, куда нужно ехать. Она нажала кнопку.

На посту медсестры никого не было. Кира огляделась. Дверь в ординаторскую была закрыта. Не нужно быть гадалкой, чтобы понять, что там происходило и куда делась медсестра. Кира повернула к себе журнал и быстро нашла нужного пациента, а затем бесшумно прошла в нужную палату.

Подключенная к аппаратам жизнеобеспечения, Даша лежала на кровати.

Кира вошла в палату и мягко закрыла за собой дверь. Подошла к девушке.

— Прости меня, — она положила руку Даше на голову, и та дёрнулась. Монитор возмущённо пискнул. Кира отключила звук. — Всё кончится, обещаю. Больше не будет страха и боли. Ты будешь свободна, — второй рукой она сжала пальцы Даши.

И девушка пожала её руку в ответ. Открыла глаза; в них мелькнуло узнавание. Кира плакала, и из уголка глаза Даши тоже выкатилась единственная слезинка.

— Я заберу твою боль, — прошептала Кира.

Даша опять сжала её пальцы, уже без страха, с немой просьбой и облегчением. Кира припала губами к её лбу. Тело девушки дёрнулось, но сама она больше не сопротивлялась. Кира зажмурилась, а когда отстранилась, на мониторе были сплошные ровные линии.

Кира вышла в коридор и направилась к лифту.

— Что вы здесь делаете? — окликнула её выходящая из ординаторской медсестра. — Из какого вы отделения? — она одёрнула халатик. Кира протянула к ней руку с браслетом. — Это же даже другой этаж. Как вы сюда попали?

— Я... я искала...

— Сестра! — закричал кто-то. — Реанимацию сюда, срочно!

— Никуда не уходите, — сестра сжала плечи Кира и усадила её на каталку у стены, а сама бросилась бежать в сторону палаты Даши. Кира легла на бок и свернулась в позу эмбриона. Теперь, когда всё завершено, она наконец-то может поспать.

Глава 10. Света

Мастер стояла у окна и осторожно выглядывала из-за приоткрытой занавески. Кира, кутаясь в пальто, сидела в кресле. Света натягивала чехлы на мебель. Йохан поднялся наверх.

— Ну что? — просил он у Мастера.

— Не появлялся, — она покачала головой. — Я бы почувствовала.

— Хорошо, — он присел перед Кирой. — Эй, милая, пора ехать. Мой барьер не будет держаться вечно. Готова?

Кира поднялась на ноги и огляделась. В этом кабинете было много слёз — от горя и от радости. Было много правды и много лжи. Люди приходили бороться за любовь. Они приходили мстить. Никто не приходил просто так. Ну, кроме Светы разве что. Но блаженные не в счёт, — усмехнулась своим мыслям Кира. Все эти эмоции и переживания проходили сквозь Киру, трансформировались и принимали почти осязаемую форму. Квартира была просто местом, где она спит. Её настоящим домом стал этот кабинет. Тут она чувствовала себя в безопасности, тут была её сила.

И тут поселился Призрак у машины. И долгое время питался ей и её энергией. Как она могла такое допустить?

Теперь здесь была пустота. Кира не чувствовала ничего.

Что-то разгоралось внутри, согревая её. Как будто в грудь поместили шарик света.

Кира посмотрела на Йохана. Мёртвые белые глаза, наполненные заботой, — она вглядывалась в них, пытаясь найти привычную тьму. Но её не было. Путь, избранный им, позволил победить её и взять под контроль. Осталась только нежность.

— Готова.

— Света, брось это, и пойдём, — Йохан махнул Свете. — Как в детском саду, всех за ручку, что ли, вылавливать надо?

Света разжала пальцы, и остатки чехлов полетели на пол. Она огляделась по сторонам. Тут оставалось многое, что было важно и для неё: воспоминания обо всём, через что они прошли с Кирой, о Владе, пока всё ещё было хорошо.

— Это просто стены, — сказала Кира, противореча собственным чувствам. — Найдём другие.

— Ага, — конечно, Света ей не поверила.

Природные силы Светы были спрятаны очень глубоко даже от неё самой. Близость к Кире за все эти годы их пробудила, пусть та и не пыталась обучать её специально. И фальшь Света научилась чувствовать безупречно.

Вчетвером они вышли из офиса. Кира на секунду замерла на пороге. На противоположной стороне улицы никого не было.

— Иди, не останавливайся, — Йохан слегка подтолкнул её.

Она сделала шаг вперёд и провалилась в воспоминания.

Она стоит на четвереньках, ободрав ладони и колени, и орёт вслед шине, унёсшей его жизнь. Или это было на выходе из квартиры Йохана?

К ней подбегает Света с бутылкой воды и начинает промывать раны на руках.

Её с силой встряхнули за плечи.

— Какого чёрта ты делаешь?! — На щеках Йохана выступили алые пятна от злости. Кира никогда не видела его таким.

— Прости, я...

— Ты? Ты забыла? Я говорю — ты делаешь. Я сказал сесть в машину!

Она вздрогнула и пошла вперёд. Мастер и Света переглянулись у неё за спиной. Мастер хотела что-то спросить, но Йохан махнул рукой — *не сейчас*.

— Давай ключи, я поведу, — он протянул Свете руку. Она поколебалась, но потом отдала ему брелок, повинувшись воле в его взгляде.

— Куда мы едем? — спросила Кира.

— Ты шутишь, что ли? — Йохан продолжал злиться. Кира пристегнула ремень, устраиваясь рядом с ним на переднем сиденье, и отвернулась к окну, пряча слёзы обиды. Слишком сложно дался ей этот день, и с собственными эмоциями она уже справлялась на грани.

Машина зарычала и сорвалась с места. Кира машинально бросила взгляд в зеркало заднего вида.

Он стоял, прислонившись к авто, и смотрел им вслед. Кира вздрогнула. Поймала взгляд Йохана. Он покачал головой, но ничего не сказал.

Мастер протянула Кире повязку на глаза.

— Вы серьёзно? — возмутилась та.

— К сожалению, — Мастер сжала её плечо. — Если ты будешь знать, где мы, то и он будет.

— Безумие, — Кира покачала головой, но надела повязку. — Довольны?

— Вообще-то, хорошая, мы тут все пытаемся тебе помочь. Если бы ты не откормила его до состояния, когда три чародея не могут с ним справиться, то ничего бы этого не было, — заметил Йохан.

Кира вздрогнула.

— Кажется, показался, — оскалился Йохан. — Он жрёт её страхи.

— Мерзость, — повторила Мастер.

— Да, — он отпустил притихшую Киру, — но мы знаем, что с этим делать, да, хорошая? Кто у нас питается страхами? И прилипает к кому-то одному, пока не выжрет его досуха? И как его победить?

Кира подошла к окну, поймала смешливый взгляд и скривилась от отвращения.

— Кошмар? — в её голосе звучало презрение. — Не может быть.

— Есть другие объяснения?

— Я бы поняла...

— Он настолько притупил твой инстинкт самосохранения, что ты добровольно полезла в ад. И передала своё тело озлобленному и напуганному призраку.

— Бесконтрольно, — заметила Мастер. — Даже не попыталась никого призвать для подстраховки.

— Не было времени, — вяло сопротивлялась Кира, больше для проформы. — Люди были в опасности.

— Да. Им угрожал вполне человеческий психопат, такой же, как они сами. Они умеют в это, — хмыкнул Йохан. — Ты же к их психопату выпустила ещё и подселенца. Что бы ты делала, если бы они вдруг объединились? Они бы тут полгорода разнесли! А, подожди... Ты в аду проходила чужие муки и даже не узнала бы об этом.

— Ну хватит, — нахмурилась Кира. — Я уже поняла, что это было... опасно.

Мастер хмыкнула.

— Я как будто на семейном ужине, — вклинилась Света. — Где мои родители хвалят меня перед родственниками так, чтобы все наверняка поняли, что я идиотка.

Трое чародеев удивлённо посмотрели на неё.

— Простите, — Света отступила.

— Она права, — вдруг сказала Мастер. — Нам нужен конструктив, а не бесполезные копания в прошлом. Так как победить этого... кошмара, или как он там у вас называется.

— Страх побеждают смелостью, — Йохан опять посмотрел в окно. — А рождённую им ненависть — любовью.

Кира подошла к нему и тоже посмотрела на Кошмара.

— Я не уверена, что смогу, — проговорила она. — Его надо накачать силой, чтобы он стал материальным. Для этого нужны очень тёмные воспоминания. Не думаю, что у меня... — она осеклась и посмотрела на Йохана. — День, когда ты ушёл.

— И тот, что был перед ним, — кивнул он.

Кира достала толстые свечи.

— Чёрные? — Йохан скривился. — Какое позёрство.

Кира кинула свечи ему.

— Расставляй, — она улыбнулась. — И помолчи. Ты мешаешь мне тебя ненавидеть.

— Как дети, — буркнула Мастер, очерчивая на полу круг.

— А мне что делать? — спросила Света.

— Не мешать, — ответили чародеи в три голоса.

Кира осталась в центре круга. Йохан поджег все свечи, кроме последней. Они с Мастером встали по обе стороны от окна. Йохан кивнул Кире, Мастер повторила его жест.

Убедившись, что все готовы, Кира подожгла последнюю свечу, села в позу лотоса и закрыла глаза. Призвала воспоминание. Оживила чувство.

Упоение. Возбуждение. Удовлетворение. Осознание. Ужас. Раскаяние. Насыщение.

Глаза Киры открылись. Теперь они стали ржаво-красными.

Он стоял, прислонившись к подоконнику, точно так же, как всё это время стоял рядом с машиной. Сделал шаг вперёд. И ещё один. Вдруг откуда-то появилась шина и снесла его.

— Чёрт побери, Кира! — крикнул Йохан. — Соберись! Признайся себе!

Кира кивнула и снова закрыла глаза. Начала сначала. И всё повторилось.

— Мы все здесь умрём, — сказала Мастер на пятый раз. — Мы ещё ничего не сделали, а я уже устала.

Кира задула свечи и вышла из круга.

— Что-то не работает, — сказала она, размазывая ржавчину по щекам. От напряжения её глаза слезились. Слезы были окрашены в красный.

— Потому, что ты продолжаешь врать, — Йохан был на удивление спокоен. — Ты же знаешь, что честность — это ключ. Что ты чувствовала тогда?

— Сначала насыщение. Потом страх. Когда ты ушёл — беспомощность и отчаяние.

— Копай глубже.

— Я злилась и ненавидела тебя...

— Всё не то. У тебя какое-то странное представление о тёмных эмоциях. Скажи мне, Кира, что ты чувствовала на самом деле?

Она замерла.

— Жадую, — прошептала она. — Я хотела ещё и ненавидела себя за это, но не могла перестать хотеть.

— Твою мать, — сказала Мастер.

— Она всегда была такой бестолковой? — спросил Йохан, глядя Кире за спину.

— Это твоё влияние, — огрызнулась Мастер, глядя туда же.

Кира, разворачиваясь, тут же поняла, что наделала. Никто из них не был в круге... Как и Кошмар. Он стоял у Светы за плечом и усмехался.

— Здравствуй, Кира, — его голос был скрипучим и таким же ржавым, как её слёзы. — Наконец-то мы встретились. Это твоя зверушка? — И он сделал шаг в Свете.

— Отойди от неё! — крикнула Кира.

— Кира, стой! — завопил Йохан и бросился к ней, но она уже рванула к Кошмару. Он, отшвырнув Свету на стеллаж, кинулся к ней навстречу.

Йохан выкрикнул что-то ещё, и рассыпанные по полу карты взлетели, тут же устремившись в Кошмара, будто стрелы. Он засмеялся, и они обратились в пыль. Кошмар подул на пыль; Йохан прыгнул к Кире и повалил её на пол, закрывая её от этих частиц.

— Закрой глаза! — крикнул он Мастеру, но она замерла, и рыжая пыль полетела ей прямо в лицо. Она закричала и упала на колени, прижимая руки к глазам.

Йохан вскочил и кинулся к Кошмару. Вокруг него появились тёмные завихрения. Йохан протянул к ним руки, забирая энергию в себя, но вместо того чтобы пройти насквозь и трансформироваться, она копилась внутри него, распирая.

Кира доползла до круга и принялась поджигать свечи.

— Слишком поздно! — крикнул Кошмар.

— Чёрта с два! — она схватила тот самый шар из Нью-Йорка. — Что ты на это скажешь, Илон Маск? — И запустила в него игрушкой. Шар пролетел сквозь него и разбился о стену.

Кошмар захохотал и сжал две руки в кулаки.

— Ты спряталась в круге, а твои друзья?

Кира слышала, как Мастер и Йохан хрипят, но не отрывала взгляд от Кошмара. Из разбитого шара у него за спиной шёл снег. Кира раскинула руки в стороны, отдавая всю энергию, которая в ней была. Постепенно хлопья становились всё больше. И вот уже во всём кабинете шёл снег. В отличие от всего остального, он не проходил сквозь призрака, а оседал на его руках и плечах. Хрипы стихли. Кира не знала, хорошо это или плохо.

Кошмар посмотрел на неё взглядом, полным злобы.

— Ты думаешь, что это меня уничтожит, дура?

— Может, и не уничтожит, — услышала Кира голос Йохана. — Но точно поможет убраться отсюда, — он оказался рядом с Кирой и взял её за подбородок.

— Ты нарушил круг, — прошептала она.

— Я нарушил всё, — он поцеловал её.

Воцарилась тишина. Снег приятно охлаждал кожу.

— Фу, — сказала Мастер. — Лучше бы я и дальше ничего не видела.

Кира оттолкнула Йохана и бросилась к сидящей в углу Свете.

— Ты в порядке? Посмотри на меня!

Света подняла голову.

— Она в порядке, — ответил Йохан. — Напугана просто. Это пройдёт.

— Вы его изгнали? — зубы Светы выбивали дробь. Она потирала голову: на затылке надумалась шишка.

— Нет, — Мастер выглянула из окна. — Просто лишили материальной оболочки.

— У него же её и не было! — Света удивлённо моргнула.

— Да, Света, не было! — Йохан взмахнул руками. — Пока Кира не дала. Как и планировалось. Вот только планировалось, что она при этом будет в круге и не подвержена его влиянию. А она ухитрилась сделать это вне круга. И не уничтожил он нас всех троих исключительно чудом.

— Он стал сильнее, — заметила Мастер.

— Знаешь почему? — прошипел Йохан.

— Потому что он теперь свободен, — вместо неё ответила Кира. — Свободен от меня.

— И будет питаться всем вокруг. Пока снова не станет материальным. И мы уже не сможем на это повлиять.

— И что будет тогда? — спросила Света.

— Тогда он может уничтожить весь город, — спокойно проговорила Кира.

— Завидую твоему дзену, — Мастер покачала головой. — Нам нужно отправить его туда, откуда он явился.

— Только теперь это будет сделать гораздо сложнее, — заметил Йохан. — Нам нужно время подготовиться.

— Мы не можем делать это тут. У меня заложены уши и как будто притуплены все чувства, — Мастер огляделась. — Как будто я в какой-то энергетической яме.

— Потому что он выжрал всё, что было накоплено, — Кира покачала головой. — Всё не должно было так случиться.

— Но всё так, — ответил Йохан. — Нам надо уезжать.

— Он последует за мной.

— Почему? — спросила Света.

— Потому что нет никого вкуснее создателя. Он не сможет насытиться, пока не сожрёт её. И тогда не сможет, конечно, но он этого не понимает. В кабинете осталось хоть что-то ценное?

— Мне надо привести себя в порядок, — Кира шагнула в сторону ванной.

— А мне — навести порядок тут, — Света поднялась, пошатываясь. — Это всё...

— Просто мусор, — Кира махнула рукой, уходя. — Он не опасен.

Она зашла в ванну и опёрлась на раковину. Посмотрела на себя в зеркало. Столько раз она видела своё отражение в этой рамке. Видимо, это в последний раз.

Она открыла воду. Потекла ржавая вода.

— Ну, прекрасно, — пробормотала она. Кран чихнул, а потом вода стала нормального цвета. — Спасибо, спасибо, — пробормотала Кира, не понимая, кого благодарит на самом деле. Она умылась и поправила макияж (на самом деле — просто стёрла его). Подумала, поможет ли ей душ, но смывать было нечего. Она смотрела на лейку даже с некоторым отвращением. Что ж, новые ощущения — это всегда хорошо, как говорит Йохан. Как минимум — интересно.

Она пожала плечами и вышла в кабинет.

— Где Йохан?

— Пошёл проверить машину, — Мастер, не отрывая взгляд, следила за улицей из-за занавески. Света накрывала мебель чехлами.

Кира собрала свой компьютер и последнюю из новых колод таро. На этом её сборы были завершены.

В кабинет вошёл Йохан.

— Ну что? — просил он у Мастера.

— Не появлялся, — она покачала головой. — Я бы почувствовала.

— Хорошо, — он присел перед Кирой. — Эй, хорошая, пора ехать. Мой барьер не будет держаться вечно. Готова?

В какой-то момент Кира заснула. А когда проснулась, была уже не в машине, а на постели, и маска, закрывавшая ей глаза, лежала рядом на прикроватной тумбочке. Она медленно встала. Голова едва заметно кружилась. Ей нужно было *поесть*.

Кира подошла к окну и открыла блэкаут-штору.

За окном были ночь и река. На другой стороне чернел лес, а где-то за ним был виден посеревший край неба. Кира попыталась понять, закат это или уже рассвет. Рассветы она не любила. Они ассоциировались у неё с потерями. Каждый рассвет убивал ночь и всё то прекрасное, что было в ней.

Глаза Киры адаптировались к темноте, и она оглядела комнату. Рядом с ней на кровати явно кто-то спал, но сейчас она была одна.

Кира прислушалась. Из-за закрытой двери доносились приглушённые голоса. Она осмотрелась. Никакого оружия не было. Ослабленная, она чувствовала, что не может

защитить себя сама. И пусть здравый смысл говорил, что там, за дверью, её друзья, инстинкты кричали, что нужно быть готовой ко всему.

Она подозрительно посмотрела на дверь. Выдаст она её или нет?

Мягко повернула ручку. Замок едва слышно щёлкнул.

«Петли, дело за вами», — подумала Кира и толкнула дверь.

Петли тоже не подвели. В образовавшуюся щель Кира увидела что-то вроде гостиной. В центре стоял огромный диван. Перед ним горел камин. Поленья весело потрескивали, приветствуя свою смерть в пламени, которое казалось покорным и таким ручным.

Перед камином на ковре сидели Света и Йохан. Между ними стояла бутылка вина. Бокалов видно не было — пили они прямо из горла. Йохан курил, Света тихо смеялась его словам и накручивала локон на палец.

Кира почувствовала укол ревности и сделала мягкий шаг вперёд, понимая, что надо или уйти, или, наоборот, как-то обозначить себя, потому что если любой из них повернётся, в дурацкой ситуации будет именно она. Но ничего поделать с собой она не могла.

— И ты его больше не видела?

Света отрицательно покачала головой.

— Он чудовище. Не хочу иметь с ним ничего общего.

Йохан отобрал у неё локон и начал накручивать его на свой палец.

— А как ты определяешь, с какими чудовищами тебе хочется общаться, а с какими — нет?

Света опять засмеялась.

— Вы не чудовища.

— Почему это? — даже слегка обиженно протянул Йохан.

— Я с Кирой уже много лет, — сказала Света, и Кира почувствовала её улыбку. — Она помогает людям.

— Каким? — теперь уже Йохан смеялся. — Градоначальнику вашему? Кто ваши клиенты? Откуда у них столько... ресурсов, чтобы оплачивать услуги Киры?

Света отобрала у него свои волосы.

— Дурацкие у тебя вопросы.

Йохан убрал бутылку и перебрался к Свете поближе. Она положила голову к нему на плечо. Кира поймала себя на том, что стоит над ними и смотрит, как Йохан запустил руку Свете под свитер. Она изогнулась и выдохнула с тихим стоном. Йохан закрыл ей рот рукой.

Кира отступила на шаг. Ещё на один. И вернулась в комнату. Осторожно прикрыла дверь и легла на кровать. Она уснула почти мгновенно.

Сны Кира запоминала редко. Её главным инструментом общения с подсознанием всегда были карты Таро. Йохан для этого использовал рунические кости, Мастер же путешествовала по снам. Все формы гипноза и нирваны использовались ею для изучения себя же.

Кира не чувствовала достаточно контроля даже в управляемых снах, поэтому старалась не концентрироваться на них. Но спала она недолго.

Проснувшись, подошла к окну. Странное закатно-рассветное небо, с которым она уже не пыталась разобраться. Тихие голоса. Камин. Света верхом на Йохане.

Кира увидела себя как будто со стороны с занесённой кочергой в руках. Она стояла у Светы за спиной, глядя в лицо Йохана. Она мысленно закричала и попыталась вернуть контроль над телом. В этот момент он открыл глаза. Не переставая двигаться и

придерживать Свету за бёдра, улыбнулся Кире, и она ударила, вкладывая в удар всю злость, ревность и бессилие. Голова Светы отлетела и с глухим чавкающим звуком покатила по полу. Кровь из шеи брызнула фонтаном, заливая Йохана и Киру. Он продолжал хохотать. Кира выронила кочергу и провела языком по губам, слизывая кровь. Она не могла унять дрожь. Глядя Йохану в глаза, она принялась облизывать окровавленные пальцы.

— Хорошая моя, — прошептал он.

Кира очнулась.

Она стояла с занесённой кочергой. Йохан, трахая Свету, смотрел на неё и улыбался. Кира закричала — на этот раз в полный голос — и опустила руки. Кочерга воткнулась ему в шею. Света в ужасе завизжала, соскакивая с мужчины, споткнулась о его ноги и грохнулась на задницу. Кира ногой отпихнула её в сторону и встала над Йоханом. Он продолжал смеяться, надувая кровавые пузыри на губах и даже не пытаясь сопротивляться. Кира, спокойно глядя в его глаза, выдернула из шеи кочергу, открывая рану. Кровь брызнула фонтаном. Тело Йохана скрутила судорога, он упал на бок и через несколько секунд затих, так и глядя Кире в глаза.

Кира провернула кочергу в руках, как теннисисты крутят ракетки, и повернулась к Свете.

Глава 11. Отец

Проснулась Кира в объятиях мирно сопящего Йохана.

Почувствовав движение, он поцеловал её в шею, в плечо и пробормотал:

— Ещё рано, спи. Силы нужны.

— Нормально у меня всё с силами, — Кира попыталась выбраться у него из-под руки, но он с силой прижал её к кровати.

— Я говорю, ты — делаешь. Спи.

Её тело расслабилось до того, как она поняла, что случилось.

— Что со Светой? — прошипела она.

— Да всё с ней нормально, расслабься. Зря ты вчера ушла.

Кира двинула его локтём в грудь — не сильно, но чувствительно.

— Ты ревнуешь? — Он приподнялся и заглянул ей в лицо. — Это же просто еда.

— Света не еда, — Кира опять попыталась выбраться, но он удержал её, позволив просто повернуться к нему лицом.

— Давно ли? Тебе ими питаться можно, а мне — нет? Или она просто *не моя* еда?

— Ты и правда чудовище. — Кира закрыла глаза и вдруг начала проваливаться в сон.

— А тебе и правда надо поесть, — он усмехнулся. — Тут рядом есть действующий монастырь. Много вкусной, верующей, страждущей паствы, — он закопался колючей бородой ей в шею. Кира засмеялась и попыталась его оттолкнуть, но он продолжил её щекотать. — У тебя такие сладкие кошмары, — пробормотал он и отстранился. — Ты точно кого-то убила. Кого?

— Тебя, — Кира мило улыбнулась. — Каминной кочергой.

— М-м-м, — пальцы Йохана заползли ей в трусики. — И как это было?

— Я воткнула её острым концом тебе в шею. Вот сюда, — она поцеловала то место, куда вошла кочерга, и вдруг резко отстранилась. Убрала его волосы, а потом перегнулась через него и включила свет. На месте, куда прошлой ночью вошла кочерга, был шрам. —

Чёрт, — пробормотала Кира, вскакивая.

— Что случилось? Ну подумай, шрам, — Йохан попытался её удержать.

— Свету я тоже убила! — крикнула она, выбегая из комнаты. Услышала, как Йохан, чертыхаясь, скатился с постели и пытается выпутаться из-под одеяла.

Кира пронеслась через гостиную с камином, который, кажется, никогда не топили, и ворвалась на кухню.

Мастер и Света готовили завтрак. Обе удивлённо посмотрели на неё.

— Тут свежо, оденься, — равнодушно заметила Мастер. Кира посмотрела вниз. На ней были только трусики.

— Это моё, простите, леди, — Йохан накрыл её сзади своей рубашкой и попытался увести. Кира просунула руки под рубашку и опять вывернулась у него из рук. Подошла к Свете и, игнорируя протесты, принялась осматривать шею. Ничего не было.

Света скинула с себя её руки.

— Да что происходит?

Мастер хмыкнула. Йохан оставил попытки увести Киру и отправился делать им кофе. Сама Кира уселась на высокий стул за барную стойку, открыла пачку чипсов и принялась ими задорно хрустеть. Недавний кошмар уже таял в дневном свете и казался далёким и нереальным. Место ужаса заняла странная весёлость.

Мастер налила тесто на сковородку и позволила ему растечься.

— Это называется «три голодных ведуна под одной крышей». Мы начинаем непроизвольно подтягивать эмоции друг у друга.

— Ага, эмоции, — хмыкнул Йохан и показал свою шею.

Мастер кивнула со знанием дела.

— Да, так бывает. Ситуация осложняется тем, что я учила Киру. А Кира учила Йохана. А потом Йохан учил Киру. Ох, — Мастер покачала головой, снимая один блин и тут же наливая новый. Кира соскользнула со стула, протиснулась между Светой и плитой, утащила блин и села на своё место. Мастер строго посмотрела на неё, но ничего не сказала. Йохан поставил перед ней кружку с кофе. — Так вот, процесс обучения — очень интимный. Мы часто влюбляемся в своих учителей... да и в учеников. В какой-то момент начинаешь это осознавать, что это прекрасное, но ложное чувство — Она сняла блин, налила тесто для нового, а потом развернулась и проворно хлопнула горячей лопаткой Киру по руке. Та взвизгнула, а потом зашипела, как кошка, прижимая руку к себе. — Сядь и жди как все! — рявкнула Мастер.

— Иди сюда, — Йохан картинно раскинул руки. Кира показала ему палец и, проходя мимо, отобрала его кружку с кофе. Йохан попытался забрать её обратно, но в ответ получил очередную порцию шипения.

— Я об этом и говорю, — кивнула на них Мастер. — Как первокурсники.

— А шрам откуда? — всё ещё не понимала Света.

— Да господи ты боже мой! — не выдержала Кира, схватила кочергу и приложила её к шее Йохана. След и наконечник идеально совпали. Йохан даже не пошевелился, гипнотизируя тарелку с блинами. — Пырнула я его.

— За что?

— За то, что заслужил, — Кира обняла его сзади.

— Убери кочергу, будь добра, — попросил он.

Света посмотрела на Мастера.

— Она вчера такие не были. Что происходит?

— Говорю же, голодные. Надо поторопиться. Знаешь, почему такие, как мы, предпочитают держаться по одиночке? Потому, что диета крайне скверно сказывается на наших характерах.

— Ты выглядишь нормальной, — с сомнением проговорила Света.

— Я старше. И у меня не было такого глубокого контакта ни с одним из них, как у них между собой.

Йохан кружил Киру по комнате, оторвав от земли. Она взяла его голову двумя руками и поцеловала в нос.

— М-да, — Мастер сняла последний блин и сразу же откусила от него кусок. — Надо спешить.

Они были готовы выходить через час. Света с изумлением наблюдала, как Йохан, одетый в безупречный костюм-тройку (на этот раз — в обуви) вывел Киру из комнаты за руку.

На ней были чёрные туфли-лодочки на высоченной шпильке, что делало её выше своего спутника. Чёрные чулки и платье с юбкой-воланом без рукавов. Но её руки были затянuty в чёрные перчатки выше локтей. Губы накрашены рыжей помадой в цвет волос. А верхнюю часть лица прикрывала кружевная вуаль.

— Что именно вы не поняли в выражении «смешаться с толпой»? — спросила Мастер. На ней были простая шерстяная юбка до щиколоток и приталенная блузка с длинным рукавом, тоже чёрная.

— Что нашли в гардеробе, — Йохан поднял руку Киры над головой и заставил её прокружиться. — Ваша повязка на глаза, мадемуазель, — он убрал одну руку за спину и расшаркался, склонившись. Кира опустилась перед ним в слишком глубокий реверанс, и они замерли в такой позе, глядя друг на друга.

— Да ради всего святого! — Мастер выхватила повязку из рук Йохана и сама завязала её на Кире. — Придерживай её, ради всего святого, чтобы она ноги не сломала. Кости с тобой?

— Да.

— Карты?

Кира молча похлопала по сумочке.

— А твои?.. — спросил Йохан и сделал характерный перебирающий жест пальцами. Мастер достала два металлических шарика и демонстративно постучала ими, повторив жест Йохана.

Все втроём посмотрели на Свету. Ну, Кира просто повернула голову, но та была готова поклясться, что чувствует её взгляд.

— Мой навык супергероя — вождение, — сказала она. — Кажется, никому из вас за руль нельзя.

Они загрузились в машину.

— Светик! Музыка! — скомандовала Кира, доставая из бардачка солнечные очки и цепляя их на нос.

— Господь, — Мастер отвернулась в окно.

— Ехать пять минут, расслабься, — успокоил её Йохан.

— Так чей это такой милый домик? — спросила Кира.

— Одного знакомого, — уклончиво ответил Йохан.

— Скучно, — пожала плечами Кира.

— Сейчас повеселишься, — Мастер хмыкнула. — Отсюда чую, отмечают какой-то траур.

Кира хохотнула.

— Почему вы... питаетесь только отрицательными эмоциями? — спросила Света. — Чем радость хуже отчаяния?

— Мы живём в России, детка, — сказала Мастер. — Скорбь славянской души возвращена поколениями. Радоваться наши люди не очень умеют. Нет, бывает, конечно...

— На похоронах, — хихикнула Кира.

— Да, как вариант. Похоронить врага нас радует, — согласилась Мастер. — Но она, как правило, не такая яркая и искренняя. Приходится довольствоваться тем, что есть.

— А это как-то сказывается на вас?

— Нет, — отмахнулся Йохан. — Энергия — она и есть энергия. Оттенки — это просто приправа: влияют на эстетику, но насыщают одинаково.

— Почему сейчас вы такие?

— Это эйфория, — Мастер пожала плечами. — Может длиться долго или кончиться мгновенно. После наступит оцепенение.

— И что тогда?

— Тогда нас будет легко найти и убить. Притормози тут, — скомандовал Йохан. — Прибыли, — пояснил он Кире. — Повязку пока не снимай.

Йохан помог Кире выйти из машины и некоторое время вёл по огромным валунам — во всяком случае так ей казалось. Наконец он снял с неё повязку, и она огляделась по сторонам. На её ярких губах медленно расцвела улыбка.

Они вчетвером стояли на холме. Монастырская церковь находилась прямо перед ними в долине, и со всех сторон в неё стекались прихожане. Кира сделала шаг вперёд, но Йохан её удержал за руку.

— Давай подождём немного.

Она скорчила недовольную гримасу, но подчинилась. Когда поток людей иссяк, Йохан кивнул, и они пошли вниз по склону. Йохан придерживал Киру, каблуки которой проваливались в землю по самую пятку при каждом шаге.

— Кто носит шпильки в такие места? — раздражаясь из-за задержки, съязвила Мастер.

— А меня хоть кто-то предупредил, какие именно тут места? — парировала Кира.

— Деревенский приход. Нельзя было догадаться, что ли?

— Тише, дамы, — прервал их Йохан, хотя было видно, что он сам едва сдерживается от нетерпения. — Уже скоро.

Они вошли в церковь в середине проповеди. Людей было около сотни, но все стояли очень тихо и почти не дышали. Отец-настоятель вёл проповедь. Он остановился на секунду — посмотреть на вновь пришедших. И именно в этот момент Кира икнула. Неожиданно громкий звук разнёсся на всю церковь.

— Ой, — сказала девушка и тут же зажала рот двумя руками. Но уже все как один повернулись к ней.

Мастер закрыла лицо руками.

— Простите, пожалуйста, — сказала Кира.

— Йохан, какого чёрта? — спросил настоятель, захлопывая библию.

В руках Мастера тут же появились её металлические шарики. Она щёлкнула ими, и все прихожане замерли в тех позах, в которых находились.

— Отец Димитрий, — Йохан склонил голову и двинулся вперёд. Мастер и Кира проследовали за ним, Света семенила сзади. — Прошу прощения за вторжение. У нас экстренный случай.

Настоятель оглядел прихожан.

— С ними?..

— Всё будет в порядке, — заверил его Йохан. — И о вашем упоминании нечестивого они даже не вспомнят, заверяю вас.

Настоятель бросил библию на алтарь и махнул им рукой.

— Идите за мной.

Он провёл их сквозь маленькую дверцу, и все оказались в современном кабинете.

— Присаживайтесь, — отец указал на стулья. — Выпьете?

— Не откажемся.

Димитрий с сомнением посмотрел на бутылку кагора и открыл шкафчик за своим столом, достал сиру и четыре бокала. Немного повозился со штопором и наполнил их, а затем протянул всем, кроме Киры. Она попыталась взять бокал Йохана, но Димитрий шлёпнул её по руке кропилом.

— Тебе и без этого хорошо.

— Почему меня все сегодня пытаются ударить? — насупилась Кира.

— Итак, — Димитрий откинулся в кресле, — Йохан, что за экстренный случай привёл тебя ко мне?

— Ты ведун! — вдруг заявила Кира.

— А кем ещё я должен быть? — возмутился Димитрий. — Ты новенькая, что ли?

— Никогда за пределы МКАДа не выезжала, — усмехнулся Йохан и взял Киру за руку. С силой сжал её пальцы и искренне улыбнулся, глядя на настоятеля. — А в городе, знаете же, чёткое разграничение.

— Да уж. Вернёмся к цели вашего визита. Услуга. Что тебе нужно?

— Я очень многих упокоил для тебя в своё время, отец Димитрий.

— Это правда, — усмехнулся тот. — Видимо, не такой уж и пустяк ты просишь, раз начал с перечисления долгов.

Йохан повертел в руках бокал и осушил его одним глотком.

— Мы столкнулись с очень сильным Кошмаром. Попытались его укротить, но утратили контроль.

— И привели его сюда? — Отец вскочил на ноги и схватился за крест на груди.

— Успокойся, отец, его тут нет, — Йохан поднял две руки в умиротворяющем жесте. — Но он может появиться.

— Может? Или появится?

— У нас есть основания полагать, что он будет тут завтра к вечеру.

— Чёрт тебя подери, Йохан, — настоятель сел за свой стол, налил себе ещё вина и пригубил.

— Даже если мы уйдём сейчас, — подала голос Мастер, — то он всё равно придёт.

— Спасибо, дамочка. Я священник, а не идиот, — огрызнулся Димитрий. — Судя по тому, что вы втроём не справились, у меня одного просто нет шансов, — он ударил кулаком по столу. — Йохан, твою мать! Ты не мог заранее меня предупредить?

— Боюсь, что мы теперь все в одной лодке, — заметил Йохан.

— Не все добровольно. А это что? — Димитрий кивнул на Свету. — Ваша закуска?

— Это что-то типа талисмана Киры, — быстро проговорил Йохан, пока никто не успел ничего ответить. — Нам нужна энергия. И твоя помощь.

— Вы же не иссушите их всех? — Димитрий нахмурился. — Что я потом буду делать с таким количеством трупов?

— Мы не убиваем, — сказала Мастер. Они отдельно проговаривали этот момент. Настоятель очень чутко чувствовал правду, поэтому убеждать его в их невинности должна была именно она.

Димитрий изучал их лица, потирая крест.

— Кажется, у меня не так много вариантов. Будем биться, — решил он. — Нам нужны силы. Где-то тут у меня...

Кира оказалась рядом с ним, накрыла его руку своей и подняла вуаль.

— Я всё сделаю, — прошептала она.

Кира вернулась к прихожанам. Мастер щёлкнула шариками, и люди зашевелились. Они удивлённо оглядывались: для них новички только что стояли совсем в другом месте.

Димитрий выступил вперёд и начал нараспев читать проповедь. Кира слушала его некоторое время, а потом запела. Её мелодия переплеталась с его словами. Постепенно он замолк, а она вышла вперёд. Низкий и глубокий голос Киры креп и улетал под самый купол. Он касался сердец, обволакивал их и поднимал на вершину. Давал надежду и свет. Мастер, настоятель и Йохан ходили между людьми, касаясь их, собирая их тепло.

Кира смотрела сквозь вуаль и видела тёплые жёлтые потоки, устремлённые к ней. Она пела и ловила потоки всей кожей. Чувствовала, как тело наполняется силой. Она изгоняла нездоровый восторг, заменяя его уверенностью.

Тон песни сменился.

До этого Кира вела людей вверх, к свету. Сейчас же парой нот выбила опору у них из-под ног. Кто-то вскрикнул, кто-то покачнулся. Потоки энергии из жёлтых стали бордовыми и более интенсивными. Насыщение, приправленное слезами, пошло быстрее.

Голос Киры набирал силу.

— Достаточно, хорошая. — Йохан положил руку ей на плечо. Она не заметила, как он вернулся к ней.

Она замолчала на секунду, слушая плач. А потом запела опять. Песня стала тихой, неспешной и завораживающей. Она успокаивала, возвращала уверенность и уменьшала страх.

Когда Кира замолчала окончательно, люди были спокойны. Молча Кира, Йохан, Мастер и Света вышли из храма. Кира сняла вуаль, с лёгким удивлением повертела её в руках и с отвращением отбросила. Посмотрела на ноги.

— Камни острые, — предупредила Мастер.

— Это очень спорный вопрос, что хуже: босиком по острым камням или по ним же на шпильках. — Туфли полетели вслед за вуалью.

— Знаешь, платье тоже как-то не очень, — заметил Йохан.

— Хорошая попытка, — Кира саркастично оскалилась.

— В эйфории вы нравились мне больше. А как же отец?.. — спросила Света.

— Он нас догонит. Нам надо подготовиться к встрече.

Они вернулись в дом. Не говоря ни слова, разошлись по разным комнатам, оставив Свету в одиночестве в коридоре.

Она вздохнула.

— Хорошо, ребята, я пока приготовлю ужин.

Час спустя к дому подъехал гелендваген. Йохан открыл дверь до того, как в неё постучали.

— Гелик? Серьёзно? Как банально, святой отец, — сказал он. — Бронированный?

— А ты когда-нибудь видел не бронированный гелик? — Отец Дмитрий отодвинул его в сторону и вошёл в дом. Кивнул женщинам.

— Мы как раз садились есть, — сказала Света. — Присоединитесь?

Впятером они уселись за стол.

— Помолимся, — сказал отец.

— Зачем? — уточнила Кира.

— Мой дом — мои правила, — ответил он.

— У всех свои ритуалы, Кира, будь уважительна, — поучительно сказала Мастер.

— Если бы ты была уважительна к моим ритуалам, то помогла бы мне с моим учеником в тот момент, когда поняла, что я его теряю.

— Получается, это я виновата, что ты не смогла контролировать собственную энергию? Я тебя недоучила? — Мастер отложила вилку и, прищурившись, посмотрела на Киру.

— Я так понимаю, что это я ошибка вашего совместного обучения? — уточнил Йохан.

— Ну, какова учительница, таков и ученик, — пожала плечами Мастер.

Кира фыркнула.

— Я хотя бы не выгнала его на мороз, осознав собственное бессилие.

— Я тебя умоляю! Когда это тебя выгнали на мороз?

— В каком смысле ты поняла собственное бессилие?

Света переводила взгляд с одного на другого.

Кира поднялась на ноги.

— Ты думала только о себе и надеялась, что я присоединюсь к тебе. И у нас будет что? Ковен? Поэтому, когда решила уйти, я стала твоим величайшим разочарованием!

— Вот только я не перекладываю ответственность за твой уход на своего учителя!

— А ты? — Кира указала на Йохана. — Ты взял, что тебе было нужно, и поминай как звали. Я тебя вытащила из психушки, отдала тебе всё...

— А ты спросила, хотел ли я этого? — Он отшвырнул салфетку и тоже вскочил.

Все заговорили разом, обвиняя друг друга во всём подряд.

— А ну успокойтесь! — вдруг хлопнул ладонью по столу отец Дмитрий. Все замолчали и уставились на него. — Он близко. И он силен.

— Но...

— Молчать, я сказал! — рявкнул он. — Ещё одно слово — и я уеду. Потому что вы перебьёте друг друга ещё до его прихода. И деваху с собой заберу. Она, кажется, самая адекватная из всех вас, — кивнул он на Свету, замершую в нерешительности с подносом, где стояло уже остывшее горячее. — Все сели и успокоились. И дали мне спокойно поесть.

Чародеи посмотрели друг на друга. Йохан протянул Кире руку ладонью вверх. Она вздохнула, закрыла глаза и вложила свою кисть в его. Он поцеловал её и сел. Мастер и Кира последовали его примеру.

— Очень вкусно, спасибо, девочка, — сказал отец Дмитрий.

— Света, — подсказала она.

— Что?

— Меня зовут Света.

— А. Да, я знаю. Это неважно.

Кира хотела что-то сказать, но Йохан сжал её пальцы. Это был временный союз, но необходимый как никогда.

После ужина отец Димитрий сказал Кире:

— Погадай мне.

— Что? — отпрянула она.

— Ты слышала, что.

— Вам вера позволяет? — уточнила она.

— Ой, прекрати. У меня есть вопрос.

Кира медленно кивнула и достала колоду. Так же медленно сняла с неё плёнку. Она не любила новые колоды, но её рабочая старая пришла в негодность. Придётся привыкать к новой. Она смешала карты. Сформулировала вопрос про себя и вытащила три карты в открытую. Остальные демонстративно не смотрели на расклад. Она нахмурилась, сгребла карты и ещё раз смешала колоду. Какое-то время после этого тасовала карты, мысленно общаясь с ними и настраиваясь на работу. Отпускала события последних дней. Успокаивалась. Наконец карты в её руках стали тёплыми.

Кира сняла солнечные очки и посмотрела на отца. Он едва заметно вздрогнул.

— Всё ещё хочешь, чтобы я тебе гадала? — перешла она на «ты». Несмотря на то, что затея ей не нравилась, она была рада снова держать в руках колоду, ощущать потоки энергии, расходящиеся от рук по всему телу, предвкушая взгляд на веер событий. Она хотела, чтобы он сказал «нет», но желала услышать «да». Она получила и развивала свои силы не для того, чтобы держать их под замком.

Он кивнул.

— Тогда задай вопрос.

— Как закончится битва с Кошмаром?

Кира вздрогнула.

— Отец... — прошептала Мастер.

— Это плохая идея, — поддержал её Йохан.

— Что? Вам слишком страшно узнать ответ?

— Мы не узнаем ответ, — Мастер покачала головой. — Мы услышим лишь одну из вероятностей развития событий. И это знание будет влиять на наши решения.

— Если там выпадет поражение, то мы будем настроены на него заранее, — кивнул Йохан.

— Вы считаете, что я идиот и не знаю этого? — усмехнулся Димитрий.

— Надеяться услышать что-то позитивное, чтобы получить эффект поддержки, рискованно и опрометчиво, — сказала Мастер.

— Самонадеянно, — добавил Йохан.

— Зато вы больше не ссоритесь, — усмехнулся отец. — А гадалка наша почему молчит?

— Не мне решать, хочешь ли ты задать вопрос. Если он задан, то я на него отвечу. Исходя из наиболее вероятного варианта развития событий, — кивнула она.

— Он задан.

— Упрямый осёл, — пробормотал Йохан. Кира подняла в его сторону руку ладонью вверх, призывая к тишине.

— Ритуал должен быть исполнен, — сказала она. — Вопрос задан. И ответ будет получен.

Она принялась тасовать карты, повторяя вопрос отца Димитрия себе под нос. Наконец, почувствовав достаточное погружение, начала доставать карты и выкладывать их перед собой на стол изображением вверх.

На первой карте был рыжеволосый мужчина в профиль, сидящий на троне, украшенном львами и саламандрами. У его ног так же сидела саламандра. На голове была корона, а в руках он держал посох с молодыми побегами.

— Король посохов, — объявила Кира, достала следующую карту и положила её слева от первой.

На ней на фоне башен города, отделённая от него рекой, была изображена прямоугольная колесница с палантином, украшенным звёздами. Колесничий в лазурно-золотых доспехах держал в руках жезл. Вместо коней в колесницу были запряжены два лежащих сфинкса — чёрный и белый.

— Колесница, — кивнула Кира и достала последнюю карту, которую положила справа от Короля. — Десятка мечей.

Под чёрным небом на рыхом, как волосы Киры, песке на берегу реки, окрашенной алой кровью, лежал мужчина, проткнутый десятью мечами.

— Что ты видишь? — прохрипела Мастер.

— Мы сами всё... — начал было говорить Йохан, но Кира опять подняла руку, призывая к тишине.

— Важны не сами карты, а их сочетание. Король посохов — это авторитарный, сильный лидер. Это интриги и лицемерие. Честолюбие и контроль. Колесница — стремительное движение, победа. Десятка мечей — это боль, неизбежный конец и поражение. Окончательная смерть. Но это младшая карта в раскладе, хотя и лежит в условном будущем.

— Мы все знаем значение карт, — перебила её Мастер, повторяя мысль Йохана. — Как ты трактуешь их все вместе?

Кира тасовала оставшуюся колоду, внимательно глядя на расклад.

— Как победу, полученную высокой ценой. И которая не имеет значения, — добавила она едва слышно.

— Что это значит «не имеет значения»? — спросила Света. — Для нас? Потому, что... мы погибнем?

Кира нахмурилась.

— Нет. Просто потому что она не имеет значения. Сочетание Короля Посохов и Колесницы даёт «тяжёлую победу». Но Король Посохов и Десятка Мечей — это тщетность стараний. Бессмысленность. Колесница в такой позиции раскрывается как «конфликт между материальным и духовным». — Она постучала указательным пальцем по Десятке Мечей. — И мы проигрываем.

— То есть мы победим, но проиграем? — уточнила Света. — Это как?

— Это пирова победа, — мрачно резюмировал Йохан. — Мы победим ценой, которую не готовы заплатить.

— Не согласна, — покачала головой Мастер. — Мы победим в битве, даже зная, что цена победы — наши жизни.

— А ты что скажешь? — спросил Димитрий, глядя на Киру. — Это твой расклад и твоя трактовка.

Кира отложила колоду и проговорила:

— Мы одержим победу, в которой не будет смысла. Вся эта битва лишена смысла. Мы

что-то упускаем, ввязываясь в неё.

— То есть мы можем не ввязываться? — уточнил Димитрий.

— Нет, уже нет. Этот выбор сделан. Расклад не подразумевает возможности не биться.

Все наши предыдущие решения привели нас сюда.

— Ничего не понимаю. А в чём тогда бессмысленность? — уточнил он.

— Видимо, мы поймём это после, — сказала Кира, утомлённо собирая карты. — Я устала, — она посмотрела на Йохана, — мы можем пойти спать?

— Да, хорошая. — он протянул ей обе руки. — Твоя карты? — указал на колоду, оставленную на столе.

Кира оглянулась и равнодушно посмотрела на неё.

— Не убежит. — Она опёрлась на руки Йохана и поднялась.

— Нам всем лучше остаться вместе, — сказал Димитрий. — Мы не знаем, как он будет с нами играть.

— Хорошо, — согласился Йохан и сел на диван. Кира вытянулась, положив голову ему на руки. — Погасите хотя бы свет. Нам всем надо постараться поспать. — И он тоже закрыл глаза.

Интерлюдия 5. Убийца

Бабушка вела Киру за руку по залитому солнцем городу. На Кире из одежды была только майка со смешными медвежатами, такие же трусы и сандалии. Её ярко-рыжие волосы были заплетены в косички. Жара стояла такая, что асфальт проминался под ногами. Кира отставила свободную ручку в сторону и зажужжала.

— Что ты делаешь, Кирочка? — спросила бабушка.

— Я шамалётик, — важно ответила девочка. — Ту-154, — чуть подумав, добавила она, еле выговаривая число. Оно прозвучало как «ту шго пятьсят чтыре».

Они сели в троллейбус и долго куда-то ехали. У Киры потела попа и неприятно прилипла к кожаным сиденьям троллейбуса. Девочка гнула и пыталась примоститься уснуть на бабушкиных руках. Но от жара тела женщины становилось ещё тяжелее. Кира хныкала.

В какой-то момент у неё заложило уши.

— Смотри, — бабушка указала ей на гору, — это «Долина приведений» на вершине горы Демерджи.

Кира, раскрыв рот, уставилась на горный пик. Она видела только нагромождение камней.

— Это гора-кузнец, — продолжила рассказывать бабушка.

— Почему кузнец? Что она кузнечит?

— Куёт, — поправила девочку бабушка. — Говорят, что давным-давно на этой горе обосновались кочевники. И был у них кузнец, который заключил сделку с богами. Они даровали ему способность ковать такое оружие, с которым его народ было не победить. А он им обещал взамен отдать своего первого сына. Кузнец был молод, не женат и детей у него не было. Поэтому он с лёгкостью пообещал богам отдать своего ребёнка.

— Отдать своего ребёнка? — Кира посмотрела на бабушку круглыми глазами. — Навсегда?

— Такая сделка. Кузнецу было важно, чтобы его народ одержал победу в битве с

местными жителями. И они действительно стали побеждать. Но кочевники не умели жить на одном месте: они обычно приходили, разоряли земли и двигались дальше. Однако на Демерджи, благодаря покровительству богов, они добились успехов — и решили остаться. И, конечно, очень быстро опустошили земли. Тогда к главарю пришла местная девушка, Екатерина. Она была очень красива. Главарь выслушал её и рассмеялся в ответ на просьбу перестать разорять её земли. Он приказал убить её, но кузнец оказался покорён красотой женщины и попросил отдать ему её в жены. Атаман не очень хотел этого делать, но боялся, что без волшебного оружия кузнеца завоёванные земли ему не удержать. И он отдал Екатерину кузнецу. Вскоре у них родился маленький мальчик.

— И они отдали его богам? — прошептала Кира. Увлечённая историей, она забыла про жару и заложенные уши.

— Боги пришли за мальчиком. Екатерина принялась умолять кузнеца разорвать договор и не отдавать им ребёнка. Атаман же настаивал на выполнении сделки. Он понимал, что гнев богов может оказаться страшным, и приказал убить Екатерину. Её настиг стрелок, когда она бежала вместе с младенцем. Екатерина упала замертво и выронила свёрток с младенцем, который катился до самого синего моря. Кузнец же, увидев, что его жену убили, кинулся на атамана. Разгневанные тем, что лишились своей добычи, боги обратили всех кочевников в камень. И в Долине Приведений, в самом её центре, до сих пор можно видеть две каменные фигуры: Кузнеца и Атамана, навеки замерших в сражении. А вот там, над обрывом — голова Екатерины. Видишь? — Она указала на какой-то булыжник. Кира пригляделась. — Вон глаза, вон нос...

— Не вижу... — Кира надула губы. — Мне жарко!

— А вон море! — бабушка в очередной раз успешно перевела фокус внимания.

— Но что стало с малышом? — спросила вдруг Кира. — С тем, который укатился в самое синее море?

— Это уже другая история, — бабушка поправила бантик на одной из косичек, — расскажу по дороге домой. Будешь персик?

— Нет. Он колючий.

— А если я его от шкурки почищу?

Кира улыбнулась. Наконец-то.

— Тогда буду, — ответила она.

Они приехали в прибрежный город.

— Долго ещё? Я устала! — захныкала девочка.

— Понимаю, — посочувствовала ей бабушка. — Осталось немного. Давай дойдём до пляжа?

Они шли мимо обгоревших людей и визжащих в прибрежных волнах детей.

— Хочу в море, — ныла Кира.

— Тёма! — Бабушка вдруг вскинула руку. — Кира! Смотри, кто там?

Кира оглядела пляж и вдруг увидела родителей. Отец стоял у воды, уперев руки в бока. Мама лежала на полотенце, спустив лямки купальника и накрыв лицо широкополой соломенной шляпой.

— Папа! Мама! — закричала Кира, вырвала свою ручку из бабушкиной и бегом бросилась к ним.

Папа поймал её на руки и закружил.

— Малышка! — Он поцеловал её в щёку. — Привет, мам, — чмокнул мать. — Вы как

тут оказались?

— Отличный вопрос. — Мать Киры оказалась рядом с ними. Девочка потянула к ней руки, но женщина даже не взглянула на неё. — Это вообще как понимать?

— В каком смысле? — Бабушка прищурила глаза.

— В том смысле, что мы в кои то веки решили отдохнуть вдвоём. Без ребёнка, — кивнула она на Киру, которая замерла в руках отца.

— Лер, да прекрати, — он протянул к ней руку.

— Что прекрати? Ты знал? Это ты всё устроил?

— Он не знал, — в голосе бабушки прозвенела сталь, — я решила, что вы будете рады собственному ребёнку.

Кира начала хныкать. Папа погладил её по спине.

— Да. Особенно когда очень хотелось побыть в тишине, — фыркнула мать и пошла прочь.

— Лер, ты куда? — папа пошёл за ней.

— В номер. У меня плечи сторели. Увидимся за ужином. — И она ушла, так ни разу и не взглянув на дочь.

— Что происходит? — спросила бабушка.

— То, что надо было предупредить о таком сюрпризе, — спокойно ответил отец, глядя вслед жене.

— Отдай мне ребёнка, — приказала бабушка.

— Зачем? — спросил папа.

— Пойдём, Кирочка. Нам тут не рады. Мы уезжаем.

— Нет! — Девочка вцепилась папе в шею. — Я не поеду! — взвизгнула она.

— Но, видишь ли, мы испортили им отдых!

— Нет! Не-е-ет!

— Мама, прекрати, — папа поцеловал Киру в макушку, — никто никуда не едет. Хочешь в море? Пойдём купаться?

— Хочу к маме! — кричала девочка. — Мама! Мама!..

Кира открыла глаза. Слезы катились по её щекам. Внезапный сон-воспоминание никак не хотел отпускать её. В полудрёме она поднялась с постели и подошла к окну. В духоте июльской ночи залезла на подоконник.

Внизу ревело пересечение трёшки и ленинградки, которое никогда не спит.

Кира замерла, вцепившись в раму.

— Кира? — окликнул её тихий голос. Она вздрогнула и закрыла глаза, но не отозвалась. Надо вести себя тихо, как мышка. — Мальщ, что ты делаешь? — голос зазвучал ближе.

Внезапный порыв ветра ударил Киру, и она покачнулась. Тело сначала откинуло назад, в номер, а потом инерция потащила вперёд, в сторону улицы.

Кира изо всех сил вцепилась в раму. Силы в её руках не хватало, она чувствовала, что соскальзывает. Пальцы расслабились, Кира перестала бороться. Всё пошло не по плану, но что уж теперь...

В этот момент ещё одна пара рук ухватила её за талию и рванула в помещение.

Кувырком они покатались по полу. Анхель оттолкнул её от себя и отполз к стене. Кира осталась сидеть, опираясь на кровать.

— Ты с ума сошла? — прохрипел Анхель.

Кира хрипло рассмеялась.

— Я? Это же ты сделал мне предложение. Видимо, с ума сошёл ты.

— Это не повод прыгать из окна гостиницы! Не хочешь замуж — так бы и сказала.

— Я не хотела ниоткуда прыгать.

— Ну точно. Так сложилось. — он провёл ладонью по лицу. — Кира, ты не обязана. И вполне можешь отказаться.

Кира повернулась на четвереньки и подползла к нему. Свернулась на полу калачиком и положила голову к нему на колени.

Сердце глухо билось в ушах. В венах шумел адреналин. Кира закрыла глаза и вспомнила момент, когда ветер обволакивал её со всех сторон. Полёт, свобода... и сильные руки, которые вернули её обратно, больно ударив об пол. Воображение нарисовало картину — тело в белой ночнушке на чёрном асфальте. Рыжие волосы стали алыми от крови и рассыпались вокруг головы жуткой короной. В стеклянных чёрных глазах отражается ревушая и истерично живая вечной механической жизнью хорда.

Кира сжалась ещё сильнее, а потом расслабилась и закрыла глаза.

— Я люблю тебя, — слова рождались в её голове с металлическим лязгом, но наружу вылетали с рваной импульсивностью, правильным придыханием и тихими всхлипами. — И я хочу за тебя замуж. Но не знаю, справлюсь ли.

— Справишься с чем? — Анхель запустил пальцы ей в волосы и принялся успокаивающе массировать голову.

Анхель бегом спустился по лестнице и кинулся к лежащему на асфальте телу, перевернул его и просунул пальцы в сплывшиеся волосы. Голова с чавкающим звуком оторвалась от асфальта. Вязкая густая кровь просочилась между его пальцами.

— Со всей этой семейной жизнью. Я тебя разочарую. — Кира вздрогнула. — Меня всегда любили за что-то, Анхель, — сказала она. — Я должна была всегда быть *хорошей девочкой*, понимаешь? И теперь я просто не знаю, как быть собой. А если буду собой... вызовет ли это у тебя что-то кроме отвращения?

Анхель взял её за плечи и поднял. Развернул к себе лицом.

— Кира, я люблю тебя. Мой выбор — это ты, сколько раз ещё повторить? Как долго ты ещё будешь это проверять, смотреть, не испугает ли меня твоя попытка выйти из окна?

— Я не... — Кира оборвала себя, будто осознав всю тщетность своей идеи убедить его, что это не была попытка самоубийства. Вся ирония в том, что действительно не была. Кира опять вспомнила удар ветром, вспомнила, что на секунду перестала бороться — и сдалась.

Полёт.

Свобода.

Она провела языком по пересохшим губам и обхватила его лицо.

— Всё будет хорошо, если ты останешься со мной, — сказала она.

Он сжал её пальцы так, что кости хрустнули.

— Я буду. Если ты позволишь.

Утром они поженились. Анхель протянул Кире символический ключ от своей квартиры, и казалось, что о ночном происшествии все забыли.

Кира оторвалась от холста.

— Можешь смотреть, — она положила кисти и сняла фартук, оставшись в одной, когда-то белой, а теперь — перепачканной красками, рубашке Макса.

Он затушил сигарету, соскользнул с кровати и подошёл к мольберту. Отодвинул волосы Киры и поцеловал её в шею. Но его глаза уже были прикованы к картине.

Тело в белой ночнушке, обнажившей ягодицы, на чёрном мокром асфальте. Дождь поднимает брызги алой лужи. Рыжие волосы лежат безжизненными змеями. На безымянном пальце красуется чёрное кольцо.

В нижнем левом углу стояла подпись: «Кира». И название картины: «ОСВОБОЖДЕНИЕ».

— Да, — прошептал Макс. — Это она.

— Она?

— Да. Это картина, после которой ты можешь назвать себя художником.

— Ты так говоришь потому, что хочешь меня, — она игриво качнула бёдрами, но Макс отстранился от неё, обошёл вокруг и принялся изучать картину. Его губы что-то шептали.

— Ну что там? — Кира нетерпеливо накручивала локон на палец.

— Очень тонкие штрихи. Вот тут, — он указал куда-то в центр холста. — Разделённые волосинки в луже издали выглядят как кленовый лист. Но ближе становится ясно. И... «Освобождение»? — он искоса посмотрел на неё. — От чего?

Кира встала рядом с ним и обхватила себя за плечи. Несколько минут назад она была сосредоточена и погружена в картину. Теперь же концентрация прошла, уступив место игривому настроению. Хотелось валять дурака и — как минимум — неделю не смотреть на кисти вообще. Макс же вернул её в состояние работы над картиной, и лёгкая тревога забралась под кожу. А так ли она изящна и хороша, как казалось самой Кире всего мгновение назад?

— От всего. Смерть — это не конец. Это шорткат, — наконец сказала она. — А тут... ей предшествовал полёт. Что может быть свободнее полёта?

— Я не знаю, это твоё полотно, хорошая.

— Я думаю, она сделала это сама, — речь Киры становилась всё быстрее, — потому что если бы этого не сделала, она бы совершила глупость, потеряла контроль... и себя. А тут, — она сделала неопределённый жест рукой, — у неё всего лишь больше нет жизни. Зато есть всё остальное.

— Хорошо. — Макс потянулся и отвернулся от картины. Она его больше не интересовала. — Идёшь? — протянул он ей руку. Кира ещё секунду смотрела на рыжие волосы на мокром асфальте. Нет, тут всё правильно. Всё так и должно быть. Она взяла руку Макса.

Кира лежала у него на груди, обводя пальцем чётко прочерченные мышцы.

— Кира, — окликнул её Макс. — Оставайся сегодня, а?

— Что? — Она поставила локоть ему на грудь и положила подбородок на ладонь. — Ты сошёл с ума? — засмеялась она.

Макс заправил непослушный локон ей за ухо.

— Совсем нет. Зачем тебе возвращаться туда? — Он дотронулся до синяка у неё на плече. — Ради чего?

Кира задумалась. Много раз она задавала себе тот же вопрос и каждый раз не находила ответ. Так же, как не находила ответ для того, чтобы этого не делать. Она не любила Анхеля. Как бы сильно она ни старалась, ей не удалось вырастить в себе тёплого чувства к нему. И

когда она в первый раз сказала, что, вероятно, ничего не получится и им надо расстаться, — тогда он в первый раз ударил её. Потом они плакали всю ночь, обнявшись. Анхель клялся, что этого больше не повторится. И действительно не повторялось. Кира видела, как периодически в нём поднимаются волны гнева, которые он давит внутри. Каждый раз, сидя на нём сверху, Кира вспоминала тьму, выплёскивающуюся из его глаз в моменты гнева.

Она сосредоточилась на работе. Взяла дополнительные часы с учениками. Пошла на рисование.

Чем меньше внимания она уделяла дому и Анхелю, тем острее были его вспышки. И вскоре он опять не сдержался. Кира надевала летом шарфы, чтобы спрятать синяки на шее.

— Зачем? — опять повторил свой вопрос Макс. Кира посмотрела на него. Что-то изменилось в её взгляде, и Макс внутренне содрогнулся.

— А тебе это зачем?

— Что именно? — спросил он.

— Чтобы я осталась? — Кира слышала звон собственного голоса будто со стороны. Маленькая, почти забытая Принцесса внутри умоляла её остановиться, замолчать, перестать говорить этим металлическим лаем, от которого внутри появляется тошнотворный привкус крови.

«У вас давно нет тут власти, Ваше Высочество», — подумала Кира.

— Затем, что ты прекрасна и талантлива. Ты достойна большего, — слышалась растерянность в голосе Макса. Он не понимал причин внезапной агрессии. Не понимал, что не так, но чувствовал: что-то сломалось. Он ещё не понимал, что этого не починить.

Поймёт. Скоро.

— Ты говоришь, зачем это мне. Но я сама способна принимать решения. Почему ты хочешь, чтобы я осталась здесь?

— Ты не понимаешь?

Кира хищно улыбнулась и изогнулась, словно пантера.

— Скажи это.

— Я люблю тебя. Да что там... я влюблён, как школьник. Ты видела мои последние картины?

Внутри себя Кира зашипела, как змея. Он всё испортил. Почему они всегда всё портят?

— Да. Они бездарны. — Удар. Кира локтём почувствовала спазм его тела. — Ну правда, розовые сопли. Красиво, но примитивно. Хорошо... для масс-маркета. Я думала, это маркетинг такой, нет?

— Кира... — Его зрачки расширились. — Что ты...

— Макс, прости, но это смешно. Ты и я? Серьёзно? Мы хорошо проводим время. Я ценю тебя как преподавателя, как талантливого человека... и как любовника, конечно, тоже. Ты даёшь мне потрясающие ощущения. Но любовь... — Она отстранилась и посмотрела в потолок. — Думаю, нам пора это прекращать.

Макс сел и посмотрел на неё.

— Что ты такое говоришь?

Она тоже села и вздохнула.

— Мне пора.

— Подожди! — Он схватил её за руку. Пропавший было интерес шевельнулся у неё внутри. Макс поцеловал её ладонь. Огонь внутри умер. — Ты — мой воздух. Не уходи, прошу тебя!

Сломался. Она его сломала. Кира с сожалением вспомнила его таким, каким первый раз увидела в студии. Пружинистая походка, безразличие во взгляде, которое пропадало только когда он работал или смотрел, как работают другие.

Глаза спаниеля у мужчины в одной постели с ней.

Кира вырвала руку. Поднялась и потянулась, прекрасно зная, как выглядит в косом лунном свете, льющемся из мансардных окон.

— Я заберу «Освобождение», — это был не вопрос. Макс с шумом втянул воздух. Она настолько смогла забраться к нему под кожу?

Кира накинула платье и, не оглядываясь, вышла из спальни.

Вечером она сидела с бокалом виски и всё ещё смотрела на картину, прислонённую к телевизору, когда домой вернулся Анхель.

— Привет, — поздоровался он.

— Привет, — отозвалась Кира, не отрывая взгляд от полотна.

— Ты представляешь, сегодня была внеочередная проверка. И, конечно, выяснилось расхождение факта количества инвентаря у нас с накладными склада... А я говорил, что так будет. Уже два месяца как попугай... А где ужин?

— В холодильнике вчерашний, — без всяких эмоций отозвалась Кира.

— Да, конечно, сиди, я сам погрею, — мелькнуло в его голосе раздражение. — Ну и ладно бы вопрос был в канцелярии и шмотках. Не хватает оружия! У нас не досчитались пяти винтовок. Это вообще как? Кира, ты меня слушаешь вообще?

Кира не ответила. Она встала, подошла к картине, присела перед ней на корточки и стала изучать участок, где ночная сорочка задралась, обнажая ягодицу женщины. На коже была видно гематома, уходящая выше. Макс или не заметил её, или не уделил ей внимания. Но Кира знала, что эта гематома стала причиной долгого лечения почек и потерей одной из них в будущем. След был достаточно старым, уже едва заметным.

— Это что за мазня? — Анхель наконец вышел в гостиную и увидел, что изучает Кира. — Я же просил не приносить этого в дом.

— Что? — Кира крутанулась на пятках и посмотрела на него.

— Что это за чернуха, спрашиваю? Неужели нельзя написать что-то нормальное? Куда ты это денешь? На распродажу подмастерьев великого Макса?

— Он предлагал, — с вызовом отозвалась Кира. — Сказал, что после этой картины я могу считать себя художником.

— Ага, ага, — Анхель с щелчком открыл банку пива и сделал глоток, — и что? Он продаст этот шедевр? Можно побыстрее убрать его из моего дома?

— Из твоего дома? — прошипела Кира.

— Ой, не цепляйся. Так куда ты это денешь?

— Вообще-то я хотела её здесь повесить, — она подняла картину над телевизором, — уже заказала раму в багетной мастерской. Как раз по стилю подойдёт.

— По стилю? — Анхель расхохотался. — Стиль есть у квартиры. У этой чернухи есть только твоя бесконечная драма. В общем, убери это.

Кира поставила картину на пол и повернулась к Анхелю.

— Нет, — сказала она.

— Прости, что? — Он усмехнулся и сделал ещё глоток пива.

— Картина остаётся.

— Картина пусть остаётся, а эта детская рисовалка уедет или в галерею к твоему ненаглядному Макс, или на свалку. От этой смеси мозгов и грязи единственное, что хочется, — это блевать.

Кира сжала стакан с виски. Слезы жгли глаза. Злость внутри стёрла обиду и разочарование. Всё, что Кире хотелось в этот момент, — это причинить ему такую же боль.

Она набрала воздух. Досчитала до четырёх. Выпустила воздух. Досчитала до четырёх. Всё это время Анхель что-то говорил, но Кира не слушала. Она отвернулась и снова посмотрела на свою картину.

Вдох.

Раз, два...

Голос Анхеля.

Кира закричала и запустила тяжёлый бокал с остатками виски в картину.

Стекло пробило холст насквозь и врезалось в стоящий сзади телевизор, на котором моментально расцвела «снежинка» в месте удара.

Виски стекал вниз, оставляя борозды на каплях дождя и крови, ломая геометрию волос. Там, где недавно была ночнушка, теперь зияла дыра.

— Ты совсем сошла с ума, что ли? — Анхель молнией метнулся мимо неё, отшвырнув жену одним движением на диван, а картину откинув в другую сторону. Как до этого Кира, он опустился на колени перед телевизором. — Ты идиотка совсем? Испортила матрицу!

Кира расхохоталась в голос.

— И что ты сделаешь? Что? — Она попыталась встать, но наступила босой ногой на осколок бокала, покачнулась и снова рухнула на диван, продолжая смеяться. — Ударишь меня? Уедешь к маме? Будешь неделю молчать? Что ты сделаешь?

Не поднимаясь с колен, Анхель прыгнул на неё, придавил всем весом к дивану и схватил за шею, сжав изо всех сил.

Кира хрипела и продолжала смеяться, пока на её губах расцветали кровавые пузыри. Воздуха не хватало. В какой то момент Анхель отпустил её и ударил по лицу, потом стащил за волосы на пол и бросил на колени. Кира ловила ртом воздух.

Её мозг при этом продолжал работать очень чётко. Когда сознание подёрнулось тёмной плёнкой, она снова почувствовала тот самый полёт, который ощущала, стоя на подоконнике отеля накануне собственной свадьбы, или тот, который проходил сквозь неё, пока она писала. Пощёчина вернула её в реальность. Ей хотелось ударить мужа в ответ, но тело не слушалось. Поэтому всё, что она могла, когда он швырнул её на колени, — это пытаться отдышаться.

— Убери тут всё, — прошипел он ей в ухо и ушёл на кухню доедать свой ужин.

Кира нащупала осколок под пальцами. Вспомнила узор из шрамов на предплечьях Макса и сжала стекляшку в кулаке. А затем с мрачным удовлетворением смотрела, как кровь течёт на белый ковёр. Она ждала, когда наступит боль, но боли не было.

Кира посмотрела на порез на ладони.

— Мне надо в больницу, — просипела она. Видимо, он слишком сильно сжал ей горло и что-то повредил. — Я порезалась и, кажется, задела сухожилие. Палец не шевелится.

— Вот и езжай, — Анхель запустил какое-то видео на телефоне и сделал его погромче.

— Если я приеду без тебя, врачи зафиксируют побои. Надо, чтобы ты с ними поговорил, — она говорила спокойно.

Анхель наконец посмотрел на неё.

На шею уже расцвела синяк. Глаза покраснели. Рука и нога перепачканы кровью.

— Сука, — вздохнул он. — Вот именно сейчас тебе надо было это устроить, да? Когда у меня идёт проверка? Я уже выпил.

— Я почти не пила, — сказала Кира.

— Ты гонишь, что ли? Когда я пришёл, ты всю хлестала вискарью.

— Я его только налила, — соврала Кира.

— И что? Ты сядешь за руль? Три года не водила.

— Семь, — поправила его Кира. Ровно столько они были знакомы. — Да, я сяду за руль.

Надо же когда-то начинать.

Анхель испытующе посмотрел на неё.

— Ладно. Давай перевяжем тебе руку и ногу. Ещё машину мне уделаешь.

Кира терпеливо ждала, пока он вытаскивал стекло у неё из стопы и заматывал бинтом руку, глядя на то, что осталось от картины.

Они сели в машину. Кира привычным жестом настроила сиденье и зеркала.

— Всё нормально видишь? — спросил Анхель.

— Да. — Кира включила зажигание, и машина заурчала. Анхель проложил маршрут.

— В эту больницу едем, — сказал он, указывая на карты. — Тут меня знают, вопросов не будет. Но придётся на другой конец города переться из-за тебя.

Кира молча сдала назад. Где-то внутри шевельнулся восторг — настолько сильный, что на миг заглушил злость. Руку прострелил разряд боли. Кира заставила себя сконцентрироваться на причине того, почему она снова оказалась за рулём.

Она вывела машину из двора, прокралась по тихим сонным улицам и наконец вырулила на МКАД.

— Не гони, — сказал Анхель и положил руку ей на предплечье.

Кира стряхнула его с себя и добавила газу.

Навигатор рисовал впереди красное пятно.

— Кира, — в голосе Влада рокотало предостережение, — осторожнее. Впереди авария. Кира, тормози, твою мать!

Он потянулся к ней.

Кира вжала педаль газа в пол. Машина на секунду захлебнулась, но потом поймала нужную передачу и полетела вперёд.

Посреди МКАДа, снеся разделение между потоками, стояла фура.

Прыгая, мимо машины Киры пронеслось горящее колесо.

— Тормози! — Анхель наконец дотянулся до руля и вывернул его вправо. Кира изо всех тянула его влево.

— Свободна, — прошептала она за секунду до удара и не закрыла глаза навстречу горячей фуры.

***

Женщина лежала на больничной кровати, опутанная трубками и проводами. Мужчина стоял рядом, разглядывая её со смесью ненависти и презрения.

— Вам повезло, Владислав Борисович, — говорил ему врач. — Если бы вы не сумели вывернуть руль, то уже были бы мертвы. Оба.

— Да. Она давно не водила, — кивнул Влад. — Каков прогноз?

— У вас лёгкое сотрясение мозга. Пару дней рекомендую постельный режим, потом можете возвращаться на службу. Бандиты сами себя не поймают, — хохотнул доктор.

— А она?

— Мозговая активность есть, — доктор указал на один из мониторов, — кажется, ей что-то снится.

— Надеюсь, кошмары.

— Этого мы определить не можем. Но явно что-то... У вашей жены не было психических отклонений? Может быть, у кого-то из родственников?

— Ничего такого, о чём бы я знал, — покачал головой Влад. — Она была... она немного истерична. Но кто сейчас нет?

— Просто эти показания я вижу достаточно часто у галлюцинирующих под наркотиками людей или у шизофреников в маниакальной фазе. Если бы что-то из этого было...

— Я бы заметил, — отозвался Влад. — Какой шанс, что она проснётся?

— С такими повреждениями... — Доктор покачал головой. — Помимо черепно-мозговой травмы высокой тяжести есть множественные повреждения внутренних органов. Ближайшие сутки станут критическими для неё. Буду держать вас в курсе. А сейчас вам бы позаботиться о себе. Может, организовать вам палату?

— Я поеду домой, — ответил Влад, глядя на неподвижное тело жены.

Где-то далеко, за много миров от больничной палаты, Кира вздрогнула. Посмотрела на руку: бледный шрам говорил о какой-то старой травме. О какой — она не помнила. Ветер трепал её волосы. Она стояла перед наполовину разрушенной колокольней.

— Что ты делаешь? — её схватили за руку. Макс. То есть Йохан. Кира нахмурилась. — Нам нельзя разделяться. Почему ты ушла одна? Мы еле догнали тебя!

Кира оглянулась. У них за спиной стояли Мастер, Света и безумный батюшка.

Кира щёлкнула пальцами. Время замерло. Она вглядывалась в лица Мастера и Светы. В них мелькало что-то неуловимо знакомое. Будто она смотрела в зеркала, которые слегка исказили реальность.

Тишину прорезал хохот.

Кира посмотрела на батюшку. Он смеялся, переходя на визг.

— Ты поняла, ты всё поняла, ты всё знаешь, но уже поздно! Поздно!

— Что поздно? — спросила его Кира.

— Иди. Иди в свою башню, принцесса! — Он икнул и перестал смеяться. — Там ты всё узнаешь.

А потом щёлкнул пальцами дважды, и время вернуло свой бег.

Кира резко проснулась, будто вынырнула из воды.

Глава 12. Повешенный

Кира резко проснулась, как будто вынырнула из воды. Все остальные спали: Йохан — откинув голову на спинку дивана, Мастер — поперёк кресла, отец Димитрий — за столом, уронив голову на руки, а Света — на другом конце дивана.

Кира встала, стараясь не шуметь. Полная луна заглядывала в окно, заливая комнату

серебристым светом.

Кира вышла из дома, не обуваясь. Она шла очень уверенно, как будто её вели за руку, хотя и не представляла своего пункта назначения.

Она шла достаточно долго, пока не оказалась на вершине холма. Перед ней в долине были остатки старого монастыря. Стена местами обвалилась. Некоторые строения были разрушены совсем, но кое-какие казались почти целыми, хотя в них местами проваливались крыши и не хватало целых фрагментов стен.

Посреди руин возвышался скелет монастырской церкви. Обшивки на колокольне не сохранилось совсем. Сквозь опорные балки, освещая винтовую лестницу, проглядывала луна. На месте звонаря стоял человек.

Кира сжала кулаки и двинулась вперёд.

Вдали закричала ночная птица. Кира вдруг осознала, что окружена звуками ночного леса и быстро текущей воды.

Будто картинка из прошлой жизни, перед глазами появилась картинка из её колоды таро: десятка мечей. Кира отогнала образ. Предсказание или нет, но у неё было дело, которое нужно завершить.

Она вошла в церковь.

Она стоит перед прихожанами и поёт. Её голос взвивается под купол, пробуждая их чувства.

Ещё один образ из прошлого. Это была другая церковь. Или та же самая? Не может быть... Она огляделась и подошла к алтарю: под ним лежала пустая бутылка сиры. Единственный предмет, не покрытый пылью или паутиной.

Ночную тишину прорезал звук колокола. Кира была готова поклясться, что несколько минут назад никакого колокола на колокольне не было. Не имеет значения.

Она пошла к лестнице.

— Что ты делаешь? — вдруг схватили её за руку. Йохан. — Нам нельзя разделяться. Почему ты ушла одна? Мы еле догнали тебя!

— Он наверху, — Кира указала глазами на лестницу.

Мастер взяла её за вторую руку.

— Что тут происходит? Почему всё разрушено? И уже давно, судя по всему...

Отец Димитрий потрясённо оглядывался по сторонам и почему-то икал.

Света стояла, освещённая лунным светом, и прижимала к себе колоду Киры.

— Не может быть, — бормотал батюшка. — Мой монастырь... Вы кто? — посмотрел он на чародеев безумными глазами.

— Ты совсем с ума сошёл, святой отец? — Йохан изогнул бровь. — Сам же нас привёз сюда.

— Я... я вас не знаю! Что вы сделали с моим монастырём? — Он заплакал и вдруг стал очень старым. Золотой крест на груди превратился в деревянный, монашеское одеяние вдруг стало старым и застиранным, местами заляпанным грязью. Ухоженная борода разлохматилась и поредела, спина сгорбилась. — Кто вы? Кто вы? Отче наш, иже еси на небесах... — забормотал он и перекрестился.

Света бросилась к нему и обняла за плечи.

— Отец, отец, посмотрите на меня! Я Света, помните? Света?

— Света? — Он взял её лицо в свои руки. — Этого не может быть... — Слёзы потекли ещё сильнее. Он начал оседать. Придерживая мужчину, Света опустилась вместе с ним на

землю.

— Идите, — кивнула она остальным. — Я останусь с ним.

Кира кивнула и освободилась из рук Йохана. Посмотрела на него тяжёлым взглядом.

— Я думаю, что сегодня всё кончится, — сказала она.

— Мы справимся.

Она безразлично кивнула.

— Йохан... я больше не хочу играть. Я закончила, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Значит, ты готова.

— Ты не уйдёшь? — склонила она голову на бок.

— Нет, не уйду, — он продолжал смотреть на неё с нежностью, — потому что я люблю тебя.

Тень пробежала по лицу Киры.

Ветер принёс отдалённо знакомый крик: *«Розовые сопли. Красиво, но примитивно. Бездарно! Твои картины бездарны, рассчитаны на массового потребителя!»*

Кира отогнала эту мысль, поднялась на носочки и поцеловала его в уголок губ.

— И я люблю тебя. Сегодня я стану свободной, и мы сможем вернуться на остров.

— Ребята, — прочистила горло Мастер.

Кира кивнула и указала на лестницу.

— Кошмар наверху, — повторила она и стала подниматься по ступеням. Мастер и Йохан последовали за ней. Всхлипы старика остались позади. — И, кажется, я знаю его имя. Останься здесь, Света.

Кира поднималась по винтовой лестнице, казалось, целую вечность.

«Не может быть, — думала она. — Колокольня же совсем невысокая».

Но подъем всё длился и длился. Ноги гудели. Поднялся ветер, который пытался сбить с ног. Кира, где могла, цеплялась за остатки стен.

Колокол ударил вновь. И ещё раз. И ещё. Каждый её шаг — новый удар. Наконец она вышла на площадку на вершине колокольни. Он стоял у самого края, глядя на то, что когда-то было монастырём, спиной к ней. Кира растерянно оглянулась, ища звонивший колокол. Его не было.

— Ты звал, я пришла, — сказала она.

Он рассмеялся.

— Конечно, ты пришла. Ты же моя жена. — Он повернулся к ней.

— Влад! — изумлённо охнула Мастер. — Кира... Что это значит?

— То, что ты дура! — закричал Влад и толкнул её в грудь. Мастер сделала шаг назад, оступилась и рухнула на прогнившие перилла, которые затрещали под её весом.

— Нет! — Кира рванула к ней и схватила воздух там, где секунду назад была рука Мастера — хлипкая опора не выдержала и рухнула вместе с женщиной. Йохан удержал её за талию, она тут же обмякла в его руках и упала на колени. Посмотрела вниз. Тело Мастер лежало на камнях и подрагивало. Она была ещё жива. Рыжие волосы рассыпались в лужи крови... Кира вздрогнула.

— И что ты сделаешь? — спросил её Влад. Он усмехался.

— Это ты! — крикнула Кира. — Всегда был ты!

— Ты же всегда это знала, — пожал он плечами. — Тем не менее, мы здесь.

— Ты заманил нас сюда!

— А кто позволил мне это сделать? — Он сделал шаг к ним.

— Кира! — закричала снизу Света.

Кира оглянулась. Девушка стояла рядом с Мастером, прижимая пиджак к её ране.

Кира отступила от пропасти и сделала шаг к лестнице.

— Что ты выберешь? — спросил Влад. — Будешь драться или побежишь спасать гуру своей жизни?

— Иди, я задержу его, — шепнул на ухо Йохан, и она вдруг поняла, что Влад его не видит.

— Да пошёл ты, — пробормотала Кира мужу и бросилась вниз по лестнице. Под его хохот почти скатилась вниз. На последнем пролёте она споткнулась и кубарем скатилась вниз, больно ударившись затылком.

— Кира!

Она подняла голову. Мастер лежала совсем близко. Света в отчаянии смотрела на Киру, не зная что делать. Она не могла перестать зажимать рану Мастера, иначе бы та истекла кровью. Но как помочь Кире, она тоже не знала. Где-то был безумный старик.

«Он вообще священник? — мелькнула в голове Киры шальная мысль. На неё посыпались мелкие камушки: кто-то спускался по лестнице. — Не кто-то. Влад».

Звук был такой, как будто тот продирался сквозь нечто вязкое.

«Это Йохан. Он сдерживает Влада, — догадалась Кира. — Но это ненадолго».

Можно остаться лежать — и всё кончится. Всё пройдёт очень быстро. Кира уже чувствовала, как Влад тянет её силы. Так сладко было отдавать всё, что он хочет.

— Кира! — Паника в голосе Светы вывела её из отчаяния. Она повернулась на живот и посмотрела на Свету и Мастер.

— Держи рану, — сказала она. — Я иду. Где Йохан?

— Я здесь, — послышался очень слабый голос. Кира оглянулась: Йохан стоял, прислонившись к стене. На него падал луч солнца.

«Солнца? Ночь же», — изумлённо подумала Кира.

— В студии всегда солнце, — ответил он на её мысли.

— Йохан, — прошептала она. — Макс... — Слёзы брызнули из глаз, когда она позволила себе вспомнить его. По-настоящему. — Помоги мне.

— Я задержал его, насколько смог. На этом мои силы кончились. — Он с искренним сожалением покачал головой. — Я научил тебя всему, научил любить. Всё остальное ты должна сделать сама. Но я буду рядом. Я теперь всегда буду рядом.

— Прости меня, — прошептала она. — За картины. За чувства. Ты пытался мне помочь и всегда был на моей стороне. А я сделала то единственное, что могло причинить тебе боль, — обесценила твоё творчество.

— Поторопись, Кира, — он нахмурился и посмотрел вверх её плеча, — иначе я больше никогда не смогу увидеть твоих слов. — Он улыбнулся ей. — Помнишь же? Любовь — это не слабость.

Кира не оглядываясь поднялась на четвереньки и поползла к Свете и Мастеру.

— Что будет с ними? — спросила она.

— Они — часть тебя. Тебе решать, — отозвался Макс.

— Кира, Кира. Моя Кира, — напевал Влад, и девушка вдруг вспомнила о нём. Он приближался. — Моя, — протянул он с любовью. — Дура, — добавил он, не меняя интонации.

Кира доползла до Мастера, положила руки поверх рук Светы.

— Послушай меня, — прошептала она. — Это Влад.

— Но... — в глазах Светы читалась растерянность, — мой Влад? Он же умер. Призрак появился раньше...

— Призрак — мой абстрактный страх. Он всегда был во сне, и Влад его усилил. Вместе они стали Кошмаром. Влад — это мой муж, Света. Из другого мира. А ты — та часть меня которая писала книги и картины, которая хотела оставить Влада и любить Макса. Мой дар тут, в этом мире, — это моё творчество, моё спасение там. Там, где я просто Кира, преподаю философию в университете и не верю в гороскопы. Мастер — это разумная часть меня, которая вопреки всему цеплялась за жизнь, чей голос я так усиленно глушила. Призрак был нужен Владу, чтобы отвлечь меня, заставить сомневаться в себе и своих силах, дать ему больше власти надо мной. Но он — тоже часть меня. Та, которая в итоге вырвалась из-под контроля и разрушила всё.

— Кира, ты сошла с ума? — прошептала Света.

Кира взяла Свету за лицо, оставляя на ней кровавые следы. Из её глаз катились слёзы.

— Ты должна мне довериться. Если вы с Мастером умрёте, то его будет не победить. Больше я не подведу и не откажусь от вас.

— Почему? — Света тоже плакала, сама не понимая причины.

— Потому что нет ничего сильнее боли утраты любимых. — Кира сжала её руки. — А я люблю вас. Я люблю себя. Я должна выжить. А для этого нужно вытащить её и тебя.

— Дура, дура, дура! — хохотал Влад, приближаясь.

— Мои карты у тебя? — быстро спросила Кира.

— Да. — Света освободила одну руку и вытащила колоду из кармана.

— Хорошо. Сдай одну.

— Я?

— Быстрее.

Света вытащила карту, и Кира посмотрела на неё. Повешенный. Конечно, кому бы ещё там быть? Двенадцатый аркан, как обычно, лёг на своё место.

— Держи крепко, — прошептала Кира.

Колода была новой, края карт ещё не обтрепались. Когда Кира только начинала учиться, она вечно резала руки новыми колодами, и Мастер всегда её страшно ругала.

— *Соберись! Ты не туда тратишь энергию.*

— *Не я же решаю поцарапаться? — Юная Кира облизывала палец.*

— *Колода даёт тебе ответы, но она же забирает твои силы. Отдавая ей свою кровь, ты платишь слишком высокую цену. Всё должно быть в балансе. Соизмеримо.*

Они сидели в стеклянной галерее, залитой солнцем. Вокруг них буйно цвели тепличные растения Мастера. Снаружи шёл снег.

— *Кира! — Мастер щёлкнула пальцами. — Не отвлекайся. Контроль — вот что главное. Путешествуя к граням разумного, ты должна держать всё под контролем. Иначе однажды можно спуститься так глубоко, что подъем наверх окажется непосильным. Ты должна отделять свои желания от потребностей. Должна понимать всегда, что стоит сделать, а что, наоборот, оставить в том состоянии, в котором ты это обнаружила.*

— *Как это различить? — спросила Кира.*

Кира резко провела ладонью по ребру карты. Её руку прорезала алая полоса на том месте, где ещё недавно был белый шрам. Она посмотрела Свете в глаза.

— Убирай руки.

Лицо Светы посветлело: она поняла.

— У тебя кровь. Приложив руку к ране, ты отдашь ей...

— Света, нет времени. Убери руки!

— Ты должна помнить, для чего ты это делаешь, — ответила Мастер. — Спускаясь в глубины своего и чужого подсознания, ты делаешь это для определённого результата. Кверент задал тебе чётко сформулированный вопрос. Ты должна понимать его и не допускать разночтений. У тебя всего одна цель: получить ответ на этот вопрос и озвучить его кверенту. Всё остальное тебя не касается. Ты должна уметь игнорировать постороннюю информацию, иначе она сведёт тебя с ума и сожрёт твои силы.

— Кира, моя Кира... Посмотри на меня. — Влад закончил свой неспешный спуск и стоял прямо у неё за спиной.

— Кира, — прошептала Света. — Сделай то, что должна. — И она своей рукой прижала руку Киры к ране Мастера.

Кира вдруг вспомнила Серафа и их первую встречу.

— Я хочу знать, изменяла ли мне жена, — сказал он.

Кира нырнула в его подсознание; нашла Лену, прикованную к батарее, увидела её гибель... *Позволила себе увидеть её гибель, погрузиться в её боль и начать ей сопереживать.*

Она ошиблась тогда?

Время будто бы остановилось.

— Ты ангел, Кира, — прошептала Женя.

Кира рассмеялась.

— Сомнительное утверждение. Но не буду спорить.

— Кстати, не хочешь сегодня пойти потусить?

Потом была текила. Много текилы. И мужчина. Что они делали? Трахались где-то в парке. Он увёл её от подруг Жени... А он ли?

— *Позвольте вас спасти,* — вокруг локтя Киры вдруг сомкнулись прохладные пальцы.

Она чуть повернула голову и увидела элегантного лысого мужчину с густой короткой чёрной бородой с серебряными нитями в ней.

— *С удовольствием.* — Она позволила ему утянуть себя на балкон, пока сомнительная компания провожала их удивлёнными взглядами.

— *Я видел, что вы пьёте текилу,* — сказал мужчина, когда к ним подошёл официант с двумя стопками и лаймом. — *Позволил себе заказать ещё.*

— *То что надо,* — улыбнулась Кира.

— *Вы разрешите?* — Мужчина протянул к ней руку ладонью вверх.

В голове у Киры мелькнули картинки: он целует её шею; его руки поднимают подол её

платья; он входит в неё...

Она сделала шаг к нему и положила руки ему на плечи. Он улыбнулся, вздохнул и взял её за запястья.

— Вы потрясающая, — сказал он. — И в других обстоятельствах я бы предложил вам уехать побыстрее с этой пафосной вечеринки. Но, к сожалению, это невозможно.

— Почему? — Кира посмотрела на него снизу вверх невинным взглядом.

— Я влюблён, — улыбнулся он. — Она украла моё сердце и никак не хочет его возвращать.

— Романтично, — равнодушна сказала Кира. — Какая чушь, — рассмеялась она. — Мне не нужна твоя любовь.

Он отпустил её руки и сделал ещё один шаг назад.

— Кажется, слишком много текилы. — Он всё ещё пытался быть вежливым, но его улыбка стала холодной. — Давайте я вызову вам такси.

Кира хищно улыбнулась.

— Давайте. — И прыгнула ему на руки. Он машинально её поймал. Она обхватила ногами его бёдра, и прежде, чем он успел что-то сделать, наклонилась и поцеловала его, прикусила нижнюю губу и почувствовала вкус крови у себя во рту. Он замер. Она слизывала капли крови с его губы, и его руки начали гладить её тело в такт музыке.

Кира смотрела на Свету. Её зрачки расширились. Рука Мастера дрогнула, и Света положила её поверх их с Кирой сплетённых рук. Тут же легла призрачная ладонь Макса.

— Я готова, — прошептала Кира.

— Ещё нет, — Макс свободной рукой провёл по её щеке, — ты должна признать собственное безумие.

Кира вспомнила игру лунного света на искажённом болью лице Макса.

Вспомнила отращение в словах Влада.

Вспомнила мамин крик: «Вас не должно быть здесь! Я заслуживаю свой отпуск!»

Вспомнила папин голос в трубке: «Думай вслух, тупица!»

Вспомнила руки мужа бабушкиной сестры на своих обнажённых плечах: «Будь ты постарше, у нас была бы такая любовь, такая любовь, Кира!»

Вспомнила ветер, обвивающий её тело, несущий свободу. Свои пальцы, выпускающие раму, и выкрученный в сторону фуры руль.

Кира сжала кулаки.

Уже ничего нельзя изменить, когда ты летишь из окна. Когда все четыре колеса в воздухе. Когда осколок бокала впился в кожу. Кира заставила себя почувствовать боль от пореза на ладони и перевела взгляд на хохочущего батюшку. Припадая на одну ногу, он ковылял к ним, вцепившись зубами в крест. Сгусток энергии, выплюнутый Владом из Призрака. Чистая злоба превратила страх в Кошмар. А безумие... Оно стояло прямо перед ней. Кира схватила его за руку.

— Да, так, — прошептал Макс и откинул голову. Кира зажмурилась и почувствовала электрический разряд. — Хорошая, — прошептал он.

Она открыла глаза. Света, Мастер, Макс и батюшка исчезли. Она одна сидела на полу разрушенной часовни. Целая. Спокойная.

— Кира! — Влад остановился у неё за спиной в нескольких шагах. — Иди ко мне.

— Нет, — твёрдо ответила она.

— Ты не можешь говорить мне «нет». Я твой муж. И ты подчинишься.

Кира поднялась и медленно повернулась к нему.

— Да. Так... — Теплота и тьма в глазах. Отражение её собственного безумия — Иди ко мне.

— Нет, — повторила она. — Всё кончено, Влад. Я ухожу. И я могу это сделать — теперь точно это знаю. Это надо было сделать давно. Мы разрушали друг друга. Больше я не хочу этого. Не хочу боли. Не хочу тебя.

Улыбка застыла у него на губах, превращаясь в оскал.

— Сука, — прошипел он.

— Знаешь, когда Йохан только появился, я задумалась, откуда же он взялся. Как его никто на заметил раньше, — она опустила поцарапанную руку, закрыв от Влада порез подолом платья, которое так и не передела с посещения монастыря. — Как он, такой сильный, сам не попросил помощи у своих. Не у ведуньи с другого конца света.

— Ты же знаешь, как это работает, — он всё ещё усмехался, но вдруг на луну напозла туча, и Кире показалось, что его уверенности стало меньше.

— Знаю. Прекрасно знаю. Только не понимаю, как я могла об этом забыть, — Кира сделала шаг вперёд.

— О чём? — он отступил.

— О том, что под веществами способности блокируются. Тот лысый мужик на вечеринке у моей клиентки... Он был под наркотиками. Даже минимальная доза, которую я получила с его кровью, должна была вывести меня из строя на неделю.

— Она и вывела. Твои барьеры. Ты познакомилась с этим своим Максом. Или Йоханом — как тебе больше нравится. Отвлеклась. Ослабла.

— Нет, — Кира мягко улыбнулась. — Я знаю, *как* это работает, — скользкий шаг вперёд.

— Как? — Влад упёрся спиной в алтарь.

— Макс был готов освободить моё тело. Он появился тогда, когда я была готова, но я испугалась. Йохан пришёл, чтобы освободить мой разум. И я больше не боюсь. У тебя больше нет власти надо мной — ни в одном из миров.

Кира протянула вперёд поцарапанную руку и дотронулась до щеки Влада. Она улыбалась, глядя своими мёртвыми глазами в такие же мёртвые глаза. В эти же мёртвые глаза.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Я освобождаю тебя. Никто никогда не держал тебя, кроме тебя самой. Теперь ты можешь отдохнуть.

— Сука, — рыжеволосая девушка улыбнулась ей со смесью горечи и гордости. Кира кивнула. В итоге всегда остаётся только она одна — хозяйка своей судьбы. Кира сделала ещё один шаг вперёд.

Алтарь перед ней исчез, как и девушка. Кира покачнулась и зажмурилась, выставив руки вперёд, а затем упала на четвереньки.

— С вами всё хорошо? — К ней подбежала Света.

Кира открыла глаза. Яркое солнце ослепило её. Она повернула голову. В яркой луже крови лежала женщина. Мастер? Кира моргнула. Это был мужчина.

Кира закричала.

— Вы его знаете? — спросила темноволосая девушка. — Конечно, наверняка знаете. Мы уже вызвали скорую, ему помогут.

«Ему не помочь», — обречённо подумала Кира.

— Вы поранились, — девушка («Света, её зовут Света», — уловила Кира отголосок мысли) достала бутылку воды. — Позвольте мне промыть ваши ладони.

Кира протянула ей руки.

— В карету скорой помощи вам нельзя, так как он в критическом состоянии, — продолжала девушка. — Но у меня рядом машина, я могу отвезти вас в больницу. Вас пустят — сказали фельдшеры.

Кира кивнула, заворожённо глядя на неё. Потом позволила поднять себя на ноги и довести до машины.

В больнице её оставили на ночь. После отбоя санитарка отвела Киру к нему в палату.

Она посмотрела на тело, опутанное проводами аппарата жизнеобеспечения.

Всё-таки первое впечатление её не обмануло. Это была девушка. Кира подошла к ней и положила ладонь на лоб.

— Прости, хорошая, — прошептала она. — Нам обоим придётся через это пройти. Потом ты будешь свободна — я освобожу тебя. А пока потерпи.

Кира легла рядом с кроватью и свернулась в комочек. Она так устала. Теперь она действительно сможет отдохнуть.

===КОНЕЦ===

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Безвозмездное оказание помощи благотворительным и другим некоммерческим организациям.